

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

Выходит 6 раз в год

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
Эл № ФС77-89123
выдано 07 февраля 2025 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головин,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баяева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Л.А. Жгилева (отв. редактор),
Т.Ю. Загряжская, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия), А.В. Колмогорова,
Н.И. Коновалова, Л.А. Кочетова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, В.А. Марьянчик, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия), М.Ю. Опенков,
А.В. Петров, Р.Г. Пихоя, А.М. Поликарпов,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал, Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин, Т.И. Трошина, П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чуудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ

“Гуманитарные и социальные науки”

Т. 26,
№ 3 / 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Дианова Е.В. Школьная кооперация на Европейском Севере в 1920-е годы.....	5
Беляева Л.Э. Взаимоотношения преподавателей и студентов в первой трети XX века (на материалах Санкт-Петербургского/ Ленинградского политехнического института).....	18
Шкунов В.Н. Российско-норвежские торгово-экономические связи в сфере рыболовства в XIX веке.....	31

ЛИНГВИСТИКА

Курбанов И.А. Метафорическое моделирование образа Павла Дурова в российском и зарубежном медиадискурсах.....	43
Лопашенкова Т.В. Средства позитивной эмотивности стратегии убеждения в текстах экологического дискурса (на материале англоязычного интернет-издания The Ecologist)...	53
Якимова О.А. Когнитивно-матричное моделирование интегративного концепта ARCHITECTURE (на материале английского языка).....	61
Люй Ш., Поликарпов А.М. Перевод как трансфер знаний об Арктике: системный анализ.....	71

ФИЛОСОФИЯ

Фаритов В.Т., Борисова Т.В. Освальд Шпенглер и концепция музыкального начала фаустовской культуры: философский анализ.....	82
Крыжнина М.Д. Неолиберализм и гражданская наука в России: между глобальными стандартами и национальными приоритетами.....	93

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в:

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

INFOBASE INDEX

Crossref

Размещается в:

РУКОНТ

CYBERLENINKA

ЛАНЬ www.e.lanbook.com
электронно-библиотечная система

PR SMART

Редактор
М.Г. Аверина

Переводчики:
Е.Л. Сафроненкова, Н.Н. Белошицкая

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого,
д. 56, каб. 26
Тел.: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 22.06.2026.
Бумага писчая. Формат 84×108 1/16.
Усл. печ. л. 16,17. Уч.-изд. л. 13,51.

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2026

- Зашихина И.М. Алгоритмы эпохи компютоцена: от эпистемологической машины к цифровому суверенитету личности..... 107
- Марченков М.Л., Курочкина Д.К. Эвристический потенциал политико-философской концепции Карла Шмитта «номос земли» для исследования международных отношений в Арктике.... 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Абакумова О.Б., Бакина А.Д. IX Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение» (Орел, 15–16 октября 2025 года)..... 132

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Гриценко С.А. «Тактические товарищи» против карельских сепаратистов..... 138
- Федуленкова Т.Н. Антропоцентризм и межкультурная парадигма лингвистического образования..... 144

ЮБИЛЕИ

- Федоров П.В. Служение российской науке и Северу: юбилей профессора В.И. Голдина..... 148
- К сведению авторов..... 152

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

**OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY**

Registration certificate
EI no. FS77-89123
issued on February 7, 2025
by the Federal Service for Supervision
of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief V.I. Goldin

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
L.A. Zhgileva (Executive Editor),
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
L.A. Kochetova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, V.A. Maryanchik,
A.A. Medova, J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, A.M. Polikarpov,
Yu.V. Popkov, A.M. Prilutsky,
A.V. Repnevsky, K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin, T.I. Troshina,
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 26,
No. 3 / 2026

CONTENTS

HISTORY

Dianova E.V. School Cooperatives in the European North in the 1920s.....	5
Belyaeva L.E. Teacher-Student Communication in the First Third of the 20th Century (Based on the Materials of Saint-Petersburg/Leningrad Polytechnic Institute).....	18
Shkunov V.N. Russian-Norwegian Trade and Economic Relations in the Field of Fishery in the 19 th Century.....	31

LINGUISTICS

Kurbanov I.A. Metaphorical Modelling of the Image of Pavel Durov in the Russian and English Language Media Discourse.....	43
Lopashenkova T.V. Means of Positive Emotiveness of Persuasion Strategy in Environmental Discourse Texts (Based on the Materials of the Online Media Outlet <i>The Ecologist</i>).....	53
Yakimova O.A. Cognitive-Matrix Modelling of the Integrative Concept ARCHITECTURE in English.....	61
Lyu Sh., Polikarpov A.M. Translation as Knowledge Transfer about the Arctic: A Systems Analysis.....	71

PHILOSOPHY

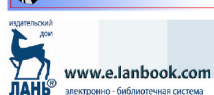
Faritov V.T., Borisova T.V. Oswald Spengler and the Concepts of the Musical Principle of "Faustian" Culture: A Philosophical Analysis.....	82
Krynzhina M.D. Neoliberalism and Citizen Science in Russia: Between Global Standards and National Priorities.....	93
Zashikhina I.M. The Computocene Era: Epistemological Machines and the Search for Algorithmic Fairness.....	107

CONTENTS

Indexed in:

Included in:

Editor
M.G. Averina

Translators:
E.L. Safronenkova, N.N. Beloshitskaya

Make-up by
O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of candidate and doctor of science have to be published

Publisher's address:
nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:
ul. Uritskogo 56, office 26, Arkhangelsk, 163060
Phone: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 22.06.2026.
Writing paper. Format 84×108 1/16.
Conv. printer's sh. 16.17.
Acad. publ. sh. 13.51.

Free price

© NARFU named after M.V. Lomonosov, 2026

Marchenkov M.L., Kurochkina D.K. Heuristic Value of Carl Schmitt's Political-Philosophical Concept of the Nomos of the Earth for the Study of International Relations in the Arctic..... 118

ACADEMIC LIFE

Abakumova O.B., Bakina A.D. IX International Scientific and Practical Conference "Language. Culture. Communication: Learning and Teaching" (Oryol, October 15–16, 2025)..... 132

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Gritsenko S.A. "Tactful Comrades" against Karelian Separatists.... 138

Fedulenkova T.N. Anthropocentrism and the Intercultural Paradigm of Linguistic Education..... 144

ANNIVERSARIES

Fyodorov P.V. Serving Russian Science and the North: Anniversary of Professor V.I. Goldin..... 148

Information for Authors..... 152

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 5–17.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 5–17.

Научная статья
УДК 94"1920"(470.1/.2)(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V509

Школьная кооперация на Европейском Севере в 1920-е годы

Елена Васильевна Дианова

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия,
e-mail: elena-dianowa@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-5181>

Аннотация. В статье рассматриваются организация и деятельность школьных кооперативов на Европейском Севере в 1920-е годы. Цель работы – дать общее представление о школьной кооперации в регионе при новой экономической политике, в период широкого развития данного движения. Актуальность исследования обусловлена значением ценностного потенциала молодежных сообществ и возросшим интересом к трудовым объединениям школьников кооперативного типа в различных регионах страны. Практическая значимость заключается в возможности использования исторического опыта при реализации проектов по созданию добровольческих подростковых организаций экономического характера. На основе впервые введенных в научный оборот архивных документов и печатных источников изучены школьные кооперативы, действовавшие на Европейском Севере в 1920-е годы. В процессе работы проанализированы ученические кооперативы, существовавшие в Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерниях, Карелии; установлены наиболее распространенные виды ученических кооперативов (потребительские общества и сельскохозяйственные артели) в городах и сельской местности. В статье показана роль педагогов и взрослых кооператоров в организации детских кооперативных товариществ; описана подготовительная работа по созданию кооперативов в школах (беседы о кооперации, экскурсии в общества потребителей, общие собрания школьников для принятия устава, определения размера членского и паевого взносов). Выявлены факты сотрудничества школьных кооперативов с кооперативными организациями рабочих и служащих. Представлены основные направления деятельности ученических кооперативов: снабжение учащихся учебными пособиями и письменными принадлежностями, обеспечение их горячими завтраками. Обнаружены недостатки в ведении торговой работы в некоторых ученических потребительских обществах (продажа товаров в кредит). Между тем правильно организованная работа кооператива приносила школе прибыль, которую использовали в культурно-просветительных и благотворительных целях. Однако коммерческая сторона деятельности ученических кооперативных объединений противоречила задачам советской школы, что привело к свертыванию школьного кооперативного движения.

Ключевые слова: нэп, кооперативное движение, школьная кооперация, кооперативы учащихся, потребительские общества, сельскохозяйственные артели, Европейский Север

Дианова Е.В.

Школьная кооперация на Европейском Севере в 1920-е годы

Для цитирования: Дианова Е.В. Школьная кооперация на Европейском Севере в 1920-е годы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 5–17. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V509>

Original article

School Cooperatives in the European North in the 1920s

Elena V. Dianova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia,

e-mail: elena-dianowa@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-5181>

Abstract. This article examines the organization and activities of school cooperatives in the European North in the 1920s. The aim of the paper is to provide a general overview of school cooperation in the region under the New Economic Policy, a period of its widespread development. The relevance of the study lies in the significance of the value potential of youth communities and the increased interest in cooperative-type schoolchildren's labor associations in various regions of the country. The practical significance of the study lies in the possibility of using historical experience in the implementation of projects to create voluntary adolescent organizations of the economic type. Based on the archival documents and printed sources introduced into scientific circulation for the first time, the study examines school cooperatives operating in the European North in the 1920s. In the course of the study, student cooperatives that existed in the Arkhangelsk, Vologda, and Northern Dvina provinces, as well as Karelia, were analyzed; the most common types of student cooperatives (consumer societies and agricultural artels) in cities and rural areas were identified. This article explores the role of teachers and adult cooperative members in organizing children's cooperative societies. It describes the preparatory work for establishing school cooperatives (discussions about cooperation, excursions to consumer societies, general student meetings to adopt charters and determine membership and share dues). It also identifies instances of collaboration between school cooperatives and workers' and employees' cooperative organizations. The main activities of student cooperatives are described: providing students with textbooks and writing materials, and providing them with hot breakfasts. Shortcomings have been identified in the commercial practices of some student consumer societies (selling goods on credit). Meanwhile, properly organized cooperative activities generated profits for the school, which was used for cultural, educational, and charitable purposes. However, the commercial aspect of student cooperative associations' activities conflicted with the goals of the Soviet school, leading to the curtailment of the school cooperative movement.

Keywords: NEP, cooperative movement, school cooperation, student cooperatives, consumer societies, agricultural artels, European North

For citation: Dianova E.V. School Cooperatives in the European North in the 1920s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 5–17. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V509>

Школьная кооперация получила широкое распространение в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) с возрождением кооперативного движения в 1920-х годах. Она выступала одним из способов приобретения трудовых навыков в процессе общественно-полезной деятельности, под которой подразумевалось участие школьников в работе ученических кооперативов.

Актуальность исследования обусловлена значением ценностного потенциала молодежных сообществ и возросшим интересом к трудовым объединениям школьников кооперативного типа в различных регионах страны. Так, например, в некоторых субъектах Российской Федерации (Башкортостан, Татарстан) для поощрения предпринимательства учащихся и подростков реализуется проект «Школьная кооперация». В г. Архангельске в сентябре 2025 года в рамках Международного форума потребительской кооперации «Сильные традиции – новые возможности» состоялся молодежный трек «Единство разнообразия: кооперация молодежных инициатив», на котором спикеры рассказали о молодежной кооперации, патриотическом воспитании, международных проектах и инновационных предпринимательских моделях¹.

Новизна работы состоит в том, что на основе архивных документов и печатных источников, которые вводятся в научный оборот впервые, изучаются школьные кооперативы, действовавшие на Европейском Севере в 1920-е годы. Знание истории детских экономических организаций позволит провести параллели с современными объединениями молодежи. Практическая значимость заключается в возможности использования исторического опыта при реализации проектов по созданию подростковых организаций экономического характера.

Цель исследования – представить общую картину развития школьной кооперации на

Европейском Севере в 1920-е годы. Для этого следует: проанализировать ученические кооперативы, существовавшие в субъектах региона (Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии, Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика (АССР)); показать роль педагогов и кооператоров в работе школьной кооперации в период новой экономической политики (нэп).

В 1920-е годы школьная кооперация нашла определенную поддержку у педагогов и работников Центрального союза потребительской кооперации Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) (Центросоюза). Некоторые из их публикаций вошли в сборники «Кооперация в школе» [1] и «Кооперация и школа» [2]. В сборник «Кооперация в школе» включен отрывок из статьи Н.К. Крупской «О школьной кооперации» [3], опубликованной в журнале «На путях к новой школе» (1925). Различные аспекты школьной кооперации нашли отражение в изданиях методического характера. Подробные инструкции и рекомендации о том, как организовать школьный кооператив и вести в нем работу, печатались не только в Москве [4] и Ленинграде [5], но и на окраинах страны [6]. Московский отдел народного образования разработал образцовый устав потребительского общества учащихся, который использовался при создании школьных кооперативов как в Московской губернии, так и других субъектах РСФСР. В это время практические указания по устройству и ведению школьных кооперативов давались для городских [7], а также и для сельских школ [8].

Школьные кооперативы просуществовали до начала 1930-х годов. Введение карточной системы в 1929 году и утверждение административно-командного стиля управления народным образованием противоречили демократическим принципам данного движения. Кооперация со своей системой ценностных установок

¹Молодёжь строит будущее кооперации: Пленарная сессия в Архангельске // Центросоюз Российской Федерации. 2025. 3 сент. URL: <https://rus.coop/ru/articles/molodyezh-stroit-budushchee-kooperatsii-plenarnaya-sessiya-v-arkhangelske/> (дата обращения: 02.05.2026).

не вписывалась в авторитарную модель образовательной системы, поэтому школьное кооперативное движение было свернуто. В последующие годы оно мало интересовало историков народного образования.

Во время перестройки с принятием Закона СССР «О кооперации» (1988) возродилось не только взрослое, но и школьное кооперативное движение. В печати появились публикации о школьных кооперативах в нашей стране [9] и школьной кооперации за рубежом [10]. В связи с расширением хозяйственной деятельности учащихся на первый план выдвинулся вопрос об их экономическом образовании [11].

О высоком интересе научного сообщества к истории кооперативного движения свидетельствуют многочисленные монографии, статьи, учебные пособия. Среди изданий о кооперации необходимо отметить книгу А.Ю. Давыдова «Кооператоры советского города в годы нэпа: между “военным коммунизмом” и социалистической реконструкцией», в которой он осветил работу школьных кооперативов в Ленинграде в 1920-е годы [12]. Также детские кооперативы упоминаются в статье И.Н. Белых об общественно-полезном труде в советской школе [13]. В честь 100-летия Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи вышли статьи об участии молодежи и комсомольцев, в т. ч. Вологодского края, в кооперативном движении [14; 15].

Развитие рыночных отношений в постсоветской России создало условия для возникновения кооперативных объединений школьников и студентов [16], а реализация проекта «Школьная кооперация» в субъектах Российской Федерации (Башкортостан, Татарстан) отразилась в современных публикациях [17; 18].

Источниками для данного исследования послужили документы из Государственного архива Архангельской области (ГААО), Государственного архива Вологодской области (ГАВО), Национального архива Республики Карелия (НА РК). Данные о сотрудничестве рабочей кооперации и школьного кооператива пос. Кегостров в 1920-е годы обнаружены в фонде Ке-

гостровского рабоче-крестьянского общества потребителей «Красная звезда» при лесозаводе № 7 (ГААО. Ф. 281). В фонде Северо-Двинского губернского союза кооперативов (ГААО. Ф. 1698) удалось найти «Примерный устав детского школьного общества потребителей». Сведения о школьных кооперативах Карелии сохранились в документах Народного комиссариата просвещения Карельской АССР (НА РК. Ф. Р-630). Об отношении кооператоров к кооперативным обществам учащихся свидетельствуют документы из фонда Вологодского окружного союза потребительских обществ «Северосоюз» (ГАВО. Ф. 413). Информация о создании и работе ученических кооперативов была представлена в региональных кооперативных и педагогических журналах «В помощь просвещенцу» (г. Петрозаводск), «Кооперация Севера» (г. Вологда), «Смычка города и деревни» (г. Великий Устюг).

Основными методами исследования являются исторический нарратив и историко-сравнительный подход, что позволяет описать создание и деятельность школьных ученических кооперативов на Европейском Севере и выявить их особенности, сходства и различия.

С точки зрения советских педагогов, школьная кооперация выступала «незаменимым оружием в деле воспитания подрастающего поколения, которое полученные знания и навыки неизбежно понесет в широкие народные массы» [2, с. 21]. Учителя, руководствуясь статьей В.И. Ленина «О кооперации», в которой говорилось, что «теперь со времени Октябрьской революции, и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать именно благодаря нэпу), кооперация получила у нас совершенно исключительное значение» [19, с. 375], взялись за создание школьных кооперативов. В свою очередь для кооперативных работников, занимавшихся шефской работой, школьный кооператив был «лабораторией кооперативной самоорганизации и объектом повседневного практического изучения кооперации» [2, с. 22].

Особенность школьного кооператива состояла в том, что как общественное объединение

он копировал структуру и приемы деятельности взрослой организации: наличие устава и выборных органов (правление и ревизионная комиссия), уплата членских и паевых взносов, проведение общих собраний, демократизм в управлении, равенство членов и др. Однако «по самому характеру детской среды и в связи с особенностями детского возраста, воспроизвести ее работу полностью не имел возможности» [6, с. 3]. Школьный кооператив, хоть и построенный по законам кооперации, не мог рассматриваться в правовом поле. На него не распространялось кооперативное законодательство. Учащиеся как несовершеннолетние граждане не могли совершать торговые сделки, брать кредит, нести ответственность за имущество кооператива. Поскольку школьному кооперативу нужно было вступать в товарно-денежные отношения и совершать торговые операции, за него это делала школа, которая могла закупать пособия и учебники и брала на себя всю тяжесть материальной ответственности за его дела. От лица школьного совета совершались покупки для кооператива [6, с. 3].

В школьной кооперации исключалось распределение прибыли между пайщиками, т. к. на первый план ставились воспитательные задачи, культурно-просветительная работа (устройство библиотеки, проведение экскурсий), внедрение санитарно-гигиенических навыков (продажа мыла, зубного порошка), а также организация горячих завтраков для детей.

Прежде чем приступить к организации кооператива в школе, педагоги проводили широкую разъяснительную кампанию, чтобы ознакомить учеников и их родителей со значением кооперации в целом и школьной кооперации в частности. Из наиболее активных учащихся и учителей, проникнувших этой идеей, создавалась инициативная группа, которая созывала общешкольное собрание. На нем обсуждались

следующие вопросы: создание кооператива; установление паевого и вступительного взносов; принятие устава; выборы правления и ревизионной комиссии; определение круга деятельности; установление размера кредита, которым было уполномочено пользоваться правление [5, с. 7].

Инициаторами создания школьных кооперативов часто выступали работники местных потребительских обществ, центральных рабочих кооперативов (ЦРК). Кооперативные организации рабочих и служащих также оказывали материальную помощь детским кооперативам, удешевляя школьные материалы и пособия. В Архангельской губернии, к примеру, в 1924/1925 учебном году руководство Кегостровского ЦРК «Красная звезда» передало средства в размере 36 р. школьному кооперативу пос. Кегостров. Общее собрание членов Кегостровского ЦРК предложило «выделить книги для детского чтения в распоряжение школьным работникам для раздачи детям»².

В Вологодской губернии школьные кооперативы создавались по предложению учителей, а организационные вопросы обсуждались на общих собраниях учащихся. Имелись случаи создания школьных кооперативов по инициативе самих учащихся, но всегда при поддержке педагогов и инструкторов-кооператоров. В Вологодском уезде в селе Кубенское ученики местной школы, «наблюдая за жизнью местной кооперации и представляя себе ее громадную будущность, прониклись твердым убеждением, что кооперация есть верный путь, который ведет человечество к улучшению его экономической жизни»³. Весной 1924 года они, следуя примеру родителей, ставших пайщиками кооперативов, задались целью организовать собственный кооператив, чтобы «еще со школьной скамьи научиться вести кооперативное дело»⁴.

²ГААО. Ф. 281. Оп. 2. Д. 1. Л. 18.

³Шаратинов Н.К. Кооперация в школе // Кооперация Севера. 1924. № 15. С. 39.

⁴Там же.

В Кубенской сельской школе провели организационное собрание, на котором более половины учащихся захотели быть членами кооператива, потом избрали правление. Для того, чтобы все желающие могли стать пайщиками, был установлен минимальный вступительный взнос. Те ученики, чьи родители были более обеспеченными, на добровольной основе вносили дополнительные суммы. Работники местного сельского потребительского общества, видя «хорошее начинание учащихся», помогли им материально. Все собранные средства пошли на закупку канцелярских принадлежностей. Так, учащиеся Кубенской школы стали юными союзниками кооперации, а взрослые кооператоры надеялись, что «в дальнейшем они всегда будут воевать на ее фронте и в ее рядах»⁵.

В Вологодской губернии кооперативные союзы оказывали сильное влияние на процесс создания школьных объединений учащихся, принятия устава и инструктирования. В 1925 году в Опаринской волости Никольского уезда для учеников Шадринской школы I ступени была организована экскурсия в местное общество потребителей, где дети познакомились с постановкой кооперативной торговли. Его правление провело просветительскую беседу со школьниками, готовя «будущие силы» кооперации. Так в Шадринской школе появился детский кооператив⁶. Кооператоры рассчитывали, что учащиеся станут активными участниками кооперативного строительства, «привыкшими относиться к кооперации с любовью» [2, с. 44].

Члены детских кооперативов ставили перед собой посильные задачи: снабжение учащихся предметами учебного обихода и питанием; изучение теории и практики кооперации; пропаганда идей кооперации в школе и среди населения.

Вологодские педагоги и кооператоры решили, что «основной заботой школьной кооперации должна быть помощь бедноте через кассы взаимопомощи» и предоставление «беднейшим учащимся бесплатных горячих завтраков и ночлега»⁷, но для выполнения этих заданий требовались денежные средства, которых, к сожалению, не хватало.

В Северо-Двинской губернии не было, пожалуй, ни одной школы, «которая не задумывалась бы над вопросом организации школьного кооператива», т. к. учащиеся проявляли большой интерес к кооперации. Правда, «школьные кооперативы организовывались на местах самостийно и не имели надлежащих правильных указаний»⁸.

Северо-Двинский губернский союз кооперативов пришел на помощь школам и разработал «Примерный устав детского школьного общества потребителей». В уставе была обозначена цель создания кооператива: «Общество потребителей устраивается для того, чтобы доставлять своим членам учебные и письменные принадлежности и предметы, нужные для ручного труда, игр и спорта, а также для того, чтобы поддерживать общие начинания членов, хорошие и полезные для просвещения и сближения»⁹.

Общее собрание учащихся выбирало правление из трех человек и ревизионную комиссию. Правление получало полномочия «самим решать обычные небольшие вопросы и вести все дела общества: покупать, продавать, давать поручения членам, вести записи, договариваться с кем нужно»¹⁰. Члены ревизионной комиссии должны были «вникать, как идут дела у правления, следить за его записями, а перед годовым отчетом проверять, столько-то у общества товара и столько-то в кассе денег, сколько значится по записям в книге»¹¹. Ревизи-

⁵Шаратинов Н.К. Кооперация в школе // Кооперация Севера. 1924. № 15. С. 39.

⁶Местный. Будущие силы // Смычка города с деревней. 1925. № 5. С. 20.

⁷ТАВО. Ф. 413. Оп. 1. Д. 47. Л. 31.

⁸Попов П. О школьной кооперации // Смычка города с деревней. 1926. № 9. С. 13.

⁹ГААО. Ф. 1698. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

онная комиссия могла помогать правлению советами, но «если она видит, что, несмотря на ее помощь, дело ведется недобросовестно и бес толково, то она должна созвать общее собрание и доложить ему»¹².

На общем собрании можно было избрать и другие комиссии: «чтобы собрать денег на пополнение (покрытие?) убытков»; «чтобы распределять пособия», «чтобы разъяснять в других школах пользу потребительского общества», а также «для устройства общей прогулки, для выписки газет, журналов, книг»¹³. В кооператив принимались все учащиеся школы. При вступлении каждый член обещал исполнять устав общества и все постановления его общего собрания.

В г. Великом Устюге в 1924/1925 учебном году в школе им. А.И. Герцена с целью снабжения учащихся нужными для учебы предметами был создан школьный кооператив. Однако через некоторое время при ревизии была выявлена растрата, связанная с продажей в долг учебных пособий ученикам, которые «не торопились вовремя расплатиться за покупку». Несмотря на то, что на первый опыт оказался неудачным, школьники не хотели закрывать свой кооператив. В следующем учебном году он продолжил работу, потому что «семя, брошенное на хорошую землю, не заглохло, а пустило новые ростки»¹⁴. На собрании учащихся осенью 1925 года было принято решение возобновить кооперативную работу. Школьники выбрали новое правление и ревизионную комиссию, собрали паевые взносы, и кооператив немедленно приступил к работе, начав торговлю завтраками (булка с горячим чаем). С растратчика решили ежемесячно взыскивать по 5 р. в счет погаше-

ния долга. Общее руководство находилось в руках одного из школьных работников, который хорошо знал кооперативное дело¹⁵.

В школе II ступени им. А.В. Луначарского г. Великого Устюга 17 сентября 1925 года состоялось собрание учащихся по организации школьного кооператива. 100 школьников изъявили желание стать членами кооператива. Один из присутствовавших на собрании педагогов отмечал: «Ребята отлично поняли, какую пользу принесет им кооператив в смысле тесного сближения, спайки, общих начинаний, хороших и полезных, не говоря уже о материальной выгоде, которую дает кооператив». Он выражал надежду, что работа в кооперативе будет «для молодежи хорошей учебой, и они вступят в жизнь хорошо подготовленными для общественно-кооперативной работы»¹⁶. В журнале «Смычка города и деревни» сообщалось, что учащиеся «кооперативом были довольны, так как он давал им все необходимое, не заставляя бегать по магазинам». В школьной лавке ежедневно шла продажа булок, конфет и канцелярских принадлежностей. Автор заметки Иван Луначарец писал: «Мало того! Благодаря кооперативу учащиеся практически знакомятся с кооперативным делом, готовясь стать в недалеком будущем хорошими кооператорами»¹⁷.

Детские кооперативы возникали и в сельской местности. Осенью 1924 года в школе-семилетке с. Красавино Великоустюгского района был образован кооператив, в который записались 50 учащихся. На собрании они выбрали правление и ревизионную комиссию, установили паевые взносы, заготовили членские книжки, «словом, сделали все, как полагается в настоящем кооперативе»¹⁸. Свою

¹²ГААО. Ф. 1698. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

¹³Там же.

¹⁴Один из присутствующих. Организуемся // Смычка города с деревней. 1925. № 17. С. 21.

¹⁵Уч. П.В. Кооператив работает // Смычка города с деревней. 1925. № 20. С. 23.

¹⁶Один из присутствующих. Организуемся // Смычка города с деревней. 1925. № 17. С. 21.

¹⁷Луначарец И. От других – не отстаем // Смычка города с деревней. 1926. № 1. С. 22.

¹⁸В. Наладим работу кооператива // Смычка города с деревней. 1925. № 20. С. 23.

торговую деятельность они начали с того, что установили связь с Красавинским единым потребительским обществом, у которого на паевые взносы купили бумагу, тетради, карандаши, перья и прочее. Наряду с учебными принадлежностями школьный кооператив закупил предметы широкого потребления (кофточки, туфли, детское белье, детские нагрудники). Для привлечения покупателей правление вело безналичную торговлю в кредит, игнорируя главное правило торговой деятельности кооператива – продавать товары только за наличные деньги. Вследствие необдуманных действий правления школьный кооператив к весне 1925 года оказался в крайне невыгодном положении: деньги за вещи, розданные в долг, собрать не удалось, а оставшийся неходовой товар никто не покупал. В 1925/1926 учебном году члены правления решили «наладить работу кооператива по-новому»: приобретать только ходовой ассортимент, а залежалые предметы широкого потребления отдать на реализацию торговым организациям г. Великого Устюга, где покупательная способность населения была выше, чем в с. Красавино. Планировалось вести работу по дальнейшему кооперированию местных сельских жителей¹⁹.

В 1925 году в селе Енангске открылся школьный кооператив, куда записались 60 пайщиков. Из учащихся избрали правление и ревизионную комиссию. О работе Енангского школьного кооператива сообщалось: «Ребята за работу принялись с усердием. За товаром ездят в Великий Устюг. Торгуют канцелярскими принадлежностями: бумагой, красками, карандашами, книгами и др. Весь полученный товар сразу же берется учениками нарасхват. Членам кооператива установлены некоторые привилегии в первоочередности приобретения товаров». Учащиеся получали очевидную пользу: «Раньше приходилось ходить за каж-

дой мелочью в Великий Устюг, а теперь у нас свой кооператив, в любое время что хотим, то и купим»²⁰.

В Никольском уезде появилось три школьных кооператива, в т. ч. при школе-семилетке в городе Никольске²¹. Детские кооперативы в Нижне-Кемской и Носковской сельских школах организовали их руководители Щетков и Иванов-Никольский, «помня заветы вождя и учителя о том, что подрастающее поколение – наша смена в борьбе с капитализмом», сначала проводили с детьми беседы о кооперации, потом предложили им устроить экскурсии в ближайшие кооперативы. Ученики, заинтересовавшись кооперацией, стали настойчиво просить родителей «снабдить их деньгами для внесения паев в свой кооператив». Нередко бывало и так, «когда сын, школьник, невольно заставляет раскошелиться отца на пай сыну, а тот, попутно задумавшись, несет пай и сам в потребительскую. Сеются добрые семена знаний среди детей, а рядом отзывается и на взрослых»²².

В 1925/1926 учебном году школьная кооперация возникла и на станции Пучуга Верхнетоемского района. Там сначала проводились беседы с учащимися о кооперации, затем сложилось ядро организаторов, и было созвано собрание учащихся. На нем после доклада инициативной группы приняли решение о создании школьного кооператива, избрали правление и ревизионную комиссию. Также был определен размер вступительных (5 коп.) и паевых (20 коп.) взносов. В снабжении товарами помощь Пучужскому школьному кооперативу оказали почта и местное общество потребителей. В школе при продаже надбавка на товары составляла 8–10 %. Очень скоро кооператив достиг хороших результатов: при наличии собственных средств в размере 9 р. 29 коп. он продал товаров на сумму 49 р. 53 коп. Пучужская

¹⁹В. Наладим работу кооператива // Смычка города с деревней. 1925. № 20. С. 23.

²⁰Енангский. Школьный кооператив // Смычка города с деревней. 1925. № 4. С. 22.

²¹Доль И. Три школьных кооператива // Смычка города с деревней. 1925. № 1. С. 20.

²²И.П. По заветам Ильича // Смычка города с деревней. 1925. № 5. С. 20.

школьная кооперация в январе 1926 году объединяла 48 % учащихся местной школы. Участие в торговых операциях, ведение счетов, написание протоколов, проведение ревизии – все это составляло практическую работу учеников, тем самым теоретические знания увязывались с жизнью²³.

В Карелии решения о создании кооперативов принимались на педагогических совещаниях и методических советах. Так, в январе 1926 года на учительской конференции Паданского уезда учитель Малиновский предложил для проработки учебных тем «Места обмена» и «Торговля» «организовать свой школьный кооператив, где и работать над вопросом о паевом, запасном и оборотном капитале». При этом он заметил, что тема «Торговля» является не повторением темы «Места обмена», а углублением темы «Кооперация»²⁴. В Масельгской школе Паданского уезда детский кооператив, организованный в 1927 году, занимался снабжением учащихся учебными пособиями²⁵.

На Кемском районном методическом совете, рассматривавшем план общественно-политического воспитания детей на 1927/1928 учебный год, приняли решение о том, чтобы «стремиться к полному охвату детей школьной кооперацией»²⁶. В Олонецком районе на заседании Видлицкого волостного педагогического совета 5 сентября 1927 года учителя постановили: «Для опыта организовать школьный кооператив в одной из школ Видлицкой волости»²⁷. В Повенецком районе в Койкинической советской школе I ступени в 1927/1928 учебном году к 10-й годовщине Октября создали школьный кооператив, его паевой капитал сформировали на средства, пожертвованные Койкиническим потребительским обществом²⁸.

В Великогубском районе в 1927/1928 учебном году кооперативы работали в Великогубской и Сенногубской школах, в Волкостровской школе действовал кооператив «Искра» с капиталом 4 р. 75 коп. У учащихся имелся навык совместной работы, которая на протяжении всего учебного года «велась удовлетворительно». В Пудожском районе многие ученические кооперативы имели немалые для школьной кооперации средства. В Колодозерской сельской школе капиталы школьного кооператива достигали почти 40 р.²⁹

В 3-й семилетней школе Петрозаводска кооператив существовал с 1925/1926 учебного года. В 1928 году он насчитывал 118 пайщиков, имел правление из 5 чел. (председатель, секретарь, два члена правления и закупщик). Правление вело специальные книги по счетоводству и отчеты о работе кооператива. В кооперативе проводились регулярные проверки ревизионной комиссией в составе 3 чел. Весной 1928 года проверка показала, что оборот школьного кооператива за 6 учебных месяцев превысил сумму 1077 р., что указывало на значительный рост доходов кооператива по сравнению с 1926/1927 учебным годом. Правление кооператива и ревизионная комиссия регулярно отчитывались на общем ученическом собрании, проводя попутно вербовку новых членов. Кроме того, работа школьного кооператива неоднократно освещалась на общих родительских собраниях, где с докладами выступали ученики, члены кооператива. На прибыль, полученную в школьном кооперативе, предполагалось приобрести пай в Петрозаводском центральном рабочем кооперативе (ПЦРК), чтобы все члены школьного ко-

²³ Кооперация. Пучужская школьная кооперация // Смычка города с деревней. 1926. № 1. С. 22.

²⁴ НА РК. Ф. Р-630. Оп.1. Д. 21/193. Л. 463.

²⁵ Там же. Л. 468.

²⁶ Там же. Д. 40/340. Л. 94.

²⁷ Там же. Д. 40/339. Л. 267.

²⁸ Там же. Д. 40/340. Л. 6.

²⁹ Там же. Д. 40/340. Л. 166, 241, 165; Д. 21/193. Л. 463.

оператива были бы в то же время и его членами. В конце 1927/1928 учебного года на общем родительском собрании был сделан доклад о работе ПЦРК³⁰.

Шокшинский школьный кооператив основан 1 октября 1927 года, в него записались 40 чел. (30 мальчиков и 10 девочек). Были выбраны правление (председатель, счетовод, казначей, два приказчика) и ревизионная комиссия. В детском обществе потребителей «заведены такие же дела как в настоящем кооперативе»³¹. Цель его организации – «Научиться вести кооперативное дело, привить тягу к кооперативным формам работы»³². Членский и вступительный взносы установили в размере 5 коп. Удалось собрать 8 р. 30 коп. На эти средства в Петрозаводской почтовой конторе юные кооператоры из села Шокша закупили в кредит ручки, перья, карандаши, книги, резинки, тетради, календари, краски, блокноты, конверты. Приказчики каждую проданную вещь записывали в тетрадь (кому и что продано). Общий оборот на 1 января 1928 года составил 35 р.³³ Прибыль, полученная от торговой работы кооператива, была потрачена на организацию экскурсий для учащихся Шокшинской школы.

Помимо торговли ученическими принадлежностями, конвертами, почтовыми марками школьные кооперативы выписывали детские газеты; члены кооператива занимались благотворительностью, оказывали материальную помощь учащимся. Кооператив Спасогубской школы из прибыли выделил средства на членские взносы для бедных учеников. Олонецкий школьный кооператив устроил для учащихся чаепитие. Летом, чтобы избежать траты общественных средств, деньги, имевшиеся на сче-

тах школьных кооперативов, требовалось сдавать в кооперативную организацию взрослых или государственную сберегательную кассу. К примеру, в 1928 году в Карелии кооператив Кондопожской школы на лето сдал свободные средства в сберегательную кассу³⁴.

Количество товарищеских объединений с торгово-закупочными функциями превышало число производственных кооперативов. Тем не менее наряду с потребительскими обществами создавались кооперативные артели учащихся для работы на земельных участках и школьных огородах. В Олонецком уезде в 1924/1925 учебном году в Юргильской сельской школе I ступени, где обучалось 40–50 чел., был организован ученический кооператив, куда вступили многие из учащихся. При содействии местного агронома на школьном участке (5 десятин) проводились показательные работы по улучшению сельского хозяйства: травосеяние, кормо-добывание³⁵.

В Пудожском уезде на огороде Колодозерской сельской школы тоже работали члены школьного кооператива. Ученики Колодозерской сельской школы также проводили беседы среди крестьян «за устройство огородов», оказывали помощь в распространении огородных культур. Крестьяне с. Колодозеро «очень сочувственно» отнеслись к беседам и попросили учащихся «через школу достать огородных семян и при посеве последних дать им соответствующие указания»³⁶. В результате школьный кооператив выписал семена различных огородных культур для продажи сельским жителям.

Руководители народного образования столкнулись с серьезной проблемой. С одной стороны, зарабатывание собственных средств состав-

³⁰Вихко В. Опыт общественно-полезной работы 3-й семилетней школы города Петрозаводска за 1927/28 учебный год // В помощь просвещенцу. 1928. № 3-5. С. 23, 25-26.

³¹Школьник. Шокшинский школьный кооператив // В помощь просвещенцу. 1928. № 1-2. С. 35.

³²Там же. С. 36.

³³Там же. С. 35.

³⁴НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 38/397. Т. 2. Л. 362.

³⁵Там же. Д. 10/100. Л. 213.

³⁶Там же. Д. 18/163. Л. 58; Д. 40/340. Л. 165.

ляло одну из главных задач кооператива, потому что от их наличия зависела его общественная и кооперативно-просветительная работа, с другой – рост средств и увеличение оборотов порождали у школьников «торгашеский дух», несовместимый с идейными основами советской школы. Неслучайно среди работников народного просвещения время от времени возникал вопрос: «Нужна ли кооперативная работа в школе?» На родительских и учительских собраниях школьные кооперативы всегда служили «предметом споров и разговоров». Одни говорили, что «на школьные кооперативы надо смотреть как на средство общественного воспитания»³⁷. Другие признавали, что некоторые детские кооперативы «работают порядочно», «через школьный кооператив население снабжается бумагой, карандашами, однако допускать продажу в школьных кооперативах сластей и предметов нешкольного обихода нельзя». Участвуя в школьной кооперации, дети имеют возможность «приучаться к работе всякого рода кооперативов и состоять в них пайщиками»³⁸. Даже то обстоятельство, что внесение паев было доступно не для всех ребят не должно «считаться страшным». Учителям следовало лишь «бороться с погоней за прибылями, для того, чтобы их потом делить по рукам»³⁹.

В августе 1928 года вопрос о деятельности школьных кооперативов обсуждался на совещании работников опорных школ Карелии. Учителя прекрасно понимали, что «школьная кооперация должна возникать из учета запросов и интересов детей и ряда условий, способствующих жизненности организаций»⁴⁰. Однако ее возникновение нередко носило искусственный характер, поэтому в Карелии кооперация «занимала незначительное место в практике школ».

Кроме того, часто школьные кооперативы, имевшие цель «дать навыки коллективизма», выступали не как «средство общественного воспитания», а как общества потребителей «только с торгашескими функциями»⁴¹.

На совещании работников школ повышенного типа, состоявшемся в августе 1928 года, шла речь об изменении направления работы школьных кооперативов. Отметив инициативу педагогов в деле создания школьной кооперации, участники конференции сочли необходимым предостеречь их «от торгашеского уклона в этой области» и рекомендовали «ставить в центр внимания создание производственной кооперации», т. е. ученических артелей. В основу всей работы требовалось «положить воспитательную задачу, развитие коллективистских навыков, уяснение принципов и значения кооперации в советской действительности»⁴². Однако реализовать планы по развитию школьной производственной кооперации не удалось из-за наступивших в начале 1930-х годов перемен в системе народного образования.

Школьное кооперативное движение получило широкое развитие в годы нэпа. Изучение архивных и печатных источников позволило выявить ряд ученических кооперативов в Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерниях и Карелии. В создании таких объединений принимали участие учителя и работники кооперативных организаций. В некоторых местах взрослая кооперация оказывала школьным кооперативам инструкторскую и материальную помощь. Перед организацией кооператива проводились общешкольные собрания, на которых учащихся знакомили с основными принципами деятельности кооперативных товариществ (добровольное членство, взаимопомощь, управле-

³⁷НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 38/397. Т. 2. Л. 362.

³⁸Там же.

³⁹Там же.

⁴⁰Там же. Л. 391.

⁴¹Там же.

⁴²Там же. Л. 401, 392.

ние на демократических началах, равноправие), устраивались познавательные экскурсии в местные общества потребителей.

Основными видами детских кооперативных объединений являлись потребительские общества и сельскохозяйственные артели. Ученические потребительские общества создавались как в городских, так и в сельских школах. Как правило, они снабжали учащихся учебными пособиями и письменными принадлежностями, обеспечивали горячими завтраками. Отличительной чертой в деятельности некоторых

школьных кооперативов выступала торговля товарами широкого потребления среди населения, что не соответствовало задачам детской кооперации и нередко приводило к экономическим просчетам и растратам. Успешные торговые операции приносили ученическим кооперативам прибыль, которую те направляли на культурно-просветительные и благотворительные цели. Однако педагоги опасались появления у школьной кооперации «торгашеского уклона», что противоречило идейным установкам советской школы.

Список литературы

1. Кооперация в школе. Хрестоматийный сборник / под ред. Н.Н. Иорданского. М.; Л., 1926. 128 с.
2. Кооперация и школа: сб. ст. М., 1925. 99 с.
3. Крупская Н.К. О школьной кооперации // Крупская Н.К. Педагогические сочинения: [в 10 т.]. Т. 3. Обучение и воспитание в школе. М., 1959. С. 149–153.
4. Кооперативная работа в школе: метод. письмо. М., 1927. 22 с.
5. О школьной кооперации / сост. К.И. Шмаков. 2-е изд. Л., 1925. 28 с.
6. Гилев П. Как организовать школьный кооператив и вести в нем работу. Верхнеудинск, 1925. 31 с.
7. Хиженяков В.В. Кооперация в школе. Практические указания по устройству и ведению школьного кооператива. Вып. 1 – для городских школ. М., 1925. 87 с.
8. Широкий В.Ф. Кооперация в сельской школе. Л., 1925. 31 с.
9. Файнберг Р.И. Плюсы и минусы школьных кооперативов // Воспитание школьников. 1991. № 1. С. 12–15.
10. Кузнецова Е. Школьная кооперация: зарубежный опыт // Народное образование. 1990. № 7. С. 144–146.
11. Нисимчук А.С. Экономическое образование школьников. М., 1991. 160 с.
12. Давыдов А.Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа: между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб., 2011. 212 с.
13. Белых И.Н. Генезис общественно-полезного труда в советской школе Приенисейской Сибири в 1920-е годы: от самообслуживания к социалистическому строительству // Педагогика. Вопр. теории и практики. 2022. Т. 7, № 9. С. 916–921.
14. Дианова Е.В. Комсомол и кооперативное движение в 1920-е гг. // Манускрипт. 2018. № 11(97). Ч. 2. С. 193–197. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.4>
15. Дианова Е.В. Участие молодежи и комсомольцев Вологодского края в кооперации в 1920-е годы // Вестн. Вологод. гос. ун-та. 2018. № 4. С. 27–31.
16. Хакимова Э.З. История школьной и студенческой кооперации // Кооперация в меняющемся мире цифровых технологий: сб. материалов III междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Междунар. дню кооперативов в год празднования 100-летия ТАССР. Казань, 2020. С. 301–304.
17. Астраханцева Е.А., Гатина Э.А. О реализации проекта «Школьная кооперация» в Республике Татарстан // Развитие образования. 2022. Т. 5, № 1. С. 46–51.
18. Никитина А.А. Школьная кооперация в России и Республике Башкортостан: история или шаг в будущее // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2021. № 3(45). С. 37–42.
19. Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 45. С. 369–377.

References

1. Iordanskiy N.N. (ed.) *Kooperatsiya v shkole. Khrestomatiynyy y sbornik* [Cooperation at School. A Textbook Collection]. Moscow; Leningrad, 1926. 128 p.

2. *Kooperatsiya i shkola. Sbornik statey* [Cooperation and School. Collection of Articles]. Moscow, 1925. 99 p.
3. Krupskaya N.K. O shkol'noy kooperatsii [On School Cooperation]. Krupskaya N.K. *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical works]. In 10 vol. Moscow, 1959, vol. 3, pp. 149–153.
4. *Kooperativnaya rabota v shkole. Metodicheskoe pis'mo MONO* [Cooperative Work in School. Methodological Letter of the MONO]. Moscow, 1927. 21 p.
5. Shmakov K.I. (ed.). *O shkol'noy kooperatsii* [On School Cooperation]. Leningrad, 1925. 28 p.
6. Gilev P. *Kak organizovat' shkol'nyy kooperativ i vesti v nem rabotu* [How to Establish and Manage a School Cooperative]. Verkhneudinsk, 1925. 40 p.
7. Khizhnyakov V.V. *Kooperatsiya v shkole. Prakticheskie ukazaniya po ustroystvu i vedeniyu shkol'nogo kooperativa. Vyp. 1 – dlya gorodskikh shkol* [Cooperation in School. Practical Guidelines for Establishing and Running a School Cooperative. Part 1 – for City Schools]. Moscow, 1925. 87 p.
8. Shirokiy V.F. *Kooperatsiya v sel'skoy shkole* [Cooperation in a Rural School]. Leningrad, 1925. 31 p.
9. Fainberg R.I. Plyusy i minusy shkol'nykh kooperativov [Pros and Cons of School Cooperatives]. *Vospitanie shkol'nikov*, 1991, no. 1, pp. 12–15.
10. Kuznetsova E. Shkol'naya kooperatsiya: zarubezhnyy opyt [School Cooperation: Foreign Experience] *Narodnoe obrazovanie*, 1990, no. 7, pp. 144–146.
11. Nisimchuk A.S. *Ekonomicheskoe obrazovanie* [Economic Education]. Moscow, 1991. 160 p.
12. Davydov A.Yu. *Kooperatory sovetskogo goroda v gody nepa. Mezhdru «voennym kommunizmom i sotsialisticheskoy rekonstruktsiei* [Cooperative Members of the Soviet City During the NEP Years. Between “War Communism” and Socialist Reconstruction]. St. Petersburg, 2011. 216 p.
13. Belykh I.N. Genezis obshchestvenno-poleznogo truda v sovetskoy shkole Priyeniyskoy Sibiri v 1920-e gody: ot samoobsluzhivaniya k sotsialisticheskomu stroitel'stvu [Genesis of Socially Useful Work in Soviet Schools of Yenisei Siberia in the 1920s: From Self-Service to Socialism Building]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, vol. 7, no. 9, pp. 916–921.
14. Dianova E.V. Komsomol i kooperativnoe dvizhenie v 1920-e gg. [Komsomol and the Cooperative Movement in the 1920s] *Manuskript*, 2018, no. 11(97); 2, pp. 193–197. <https://doi.org/10.30853/manuskript.2018-11-2.4>
15. Dianova E.V. Uchastie molodezhi i komsomol'tsev Vologodskogo kraia v kooperatsii v 1920-e gody' [Participation of Youth and Komsomol Members of the Vologda Region in Cooperation in the 1920s]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 4, pp. 27–31.
16. Khakimova E.Z. Istoriya shkol'noy i studencheskoy kooperatsii [History of School and Student Cooperation]. *Kooperatsiya v menyaushchemsya mire tsifrovyykh tekhnologiy: sbornik materialov III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoy Mezhdunarodnomu dnyu kooperativov v god prazdnovaniya 100-letiya TASSR* [Cooperation in the Changing World of Digital Technologies: Collection of Materials of the III International Scientific and Practical Conference Dedicated to the International Day of Cooperatives in the Year of the 100th Anniversary of the Tatar ASSR]. Kazan, 2020, pp. 301–304.
17. Astrakhanseva E.A., Gatina E.A. O realizatsii proekta «Shkol'naya kooperatsiya» v Respublike Tatarstan [On the Implementation of the “School Cooperation” Project in the Republic of Tatarstan]. *Razvitie obrazovaniya*, 2022, vol. 5, no. 1, pp. 46–51.
18. Nikitina A.A. *Shkol'naya kooperatsiya v Rossii i Respublike Bashkortostan: istoriya ili vzglyad v budushhee* [School Cooperation in Russia and the Republic of Bashkortostan: History or a Look into the Future]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*, 2021, no. 3 (45), pp. 37–42.
19. Lenin V.I. O kooperatsii [On Cooperation]. Lenin V.I. *Complete Works*. Moscow, 1970, vol. 45, pp. 369–377.

Информация об авторе

Е.В. Дианова – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета (адрес: 185910, г. Петрозаводск, просп. Ленина, д. 33).

Information about the author

Elena V. Dianova, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof at the Department of Russian History, Petrozavodsk State University (address: prosp. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russia).

Поступила в редакцию 26.09.2025

Одобрена после рецензирования 25.12.2025

Принята к публикации 29.12.2025

Submitted 26 September 2025

Approved after reviewing 25 December 2025

Accepted for publication 29 December 2025

Беляева Л.Э.

Взаимоотношения преподавателей и студентов в первой трети XX века...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 18–30.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 18–30.

Научная статья
УДК 94(47+57)''19/...''(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V510

Взаимоотношения преподавателей и студентов в первой трети XX века (на материалах Санкт-Петербургского/Ленинградского политехнического института)

Лидия Эдгаровна Беляева

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: lidia-ot@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6262-3683>

Аннотация. Курс на модернизацию, характерный для начала XX века, определил рост престижа политехнического образования. В этот период формировалась новая научная элита. Качество подготовки специалистов зависело, в т. ч. и от коммуникации профессорско-преподавательского состава и студентов. Цель статьи – рассмотреть изменение характера взаимоотношений между преподавателями и студентами Санкт-Петербургского/Ленинградского политехнического института в контексте социально-политической трансформации российского общества и изменения государственной политики подготовки инженерных кадров в первой трети XX века – при переходе от имперской к советской модели образования. Методология исследования – социальная история в части изучения социальных взаимоотношений в период экономических и политических перемен, а также индивидуализирующая интерпретации исторических источников. Показано, что как в начале XX века, так и в 1920-х годах реализация технологического прорыва происходила на фоне сложных внутриполитических процессов, активными участниками которых были студенчество и интеллигенция. И те, и другие до революции выступали за преобразование общества. Постереволюционные реформы ударили по авторитету «буржуазной» профессуры, а студенты пролетарского происхождения, вовлеченные в комсомол и Всесоюзную коммунистическую партию большевиков, надеялись функцией проводников социальных реформ в высшей школе. Эти противоречия порождали напряженность в отношениях преподавателей и студентов. Социально-идеологический конфликт оказывал влияние на образовательный процесс. Сравнительный анализ эпизодов, рассмотренных в рамках настоящего исследования на материале Санкт-Петербургского/Ленинградского политехнического института, позволил сформулировать выводы о характере изменений взаимоотношений преподавателей и студентов, а также о значительной консолидации преподавательского сообщества и разнородности студенчества.

Ключевые слова: *высшая школа, профессорско-преподавательское сообщество, студенчество, Санкт-Петербургский/Ленинградский политехнический институт, пролетаризация, В.В. Скобельцын, коммуникация студентов и преподавателей*

© Беляева Л.Э., 2026

Для цитирования: Беляева Л.Э. Взаимоотношения преподавателей и студентов в первой трети XX века (на материалах Санкт-Петербургского/Ленинградского политехнического института) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 18–30. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V510>

Original article

Teacher-Student Communication in the First Third of the 20th Century (Based on the Materials of Saint-Petersburg/Leningrad Polytechnic Institute)

Lidiya E. Belyaeva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: lidia-ot@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6262-3683>

Abstract. The course towards modernization in the early 20th century led to an increase in the prestige of polytechnic education and the emergence of a new scientific elite. The quality of training depended, among other things, on communication between professors and students. The purpose of the article is to examine the nature of changes in communication practices between teachers and students at St. Petersburg/Leningrad Polytechnic Institute in the context of the transformation of state policy regarding engineering training in the first third of the 20th century – when turning from the Imperial to the Soviet model of education. The research methodology is grounded in social history, focusing on the study of social relationships during periods of economic and political change, as well as on individualized interpretations of historical sources. It is shown that both in the early 20th century and in the 1920s, technological advancements occurred against the backdrop of complex internal political processes in which students and intellectuals played active roles. Prior to the revolution, both groups advocated for societal transformation. The post-revolutionary reforms undermined the authority of the “bourgeois” professors, while students of proletarian origin involved in the Komsomol and the CPSU(b) became agents of social reform in higher education. These contradictions created tension between teachers and students. Changes in social roles affected the educational process. A comparative analysis of the case studies from the history of Saint Petersburg/Leningrad Polytechnic Institute, examined in this research, makes it possible to draw conclusions about the nature of teacher-student communication and the quality of its evolution.

Keywords: *higher school, professorial and teaching community, student community, St. Petersburg / Leningrad Polytechnic Institute, proletarianization, V.V. Skobel'tsyn, communication between teachers and students*

For citation: Belyaeva L.E. Teacher-Student Communication in the First Third of the 20th Century (Based on the Materials of Saint-Petersburg/Leningrad Polytechnic Institute). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, vol. 26, no. 3, pp. 18–30. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V510>

Создание сети коммерческих училищ и политехнических институтов было частью политики модернизации, инициированной министром финансов С.Ю. Витте в конце XIX века.

Модернизационный курс предполагал расширение доступа к образованию для различных социальных слоев, что способствовало развитию процессов демократизации. Профессора

и преподаватели политехнических институтов, ориентированные на совершенствование инженерных наук и промышленности, понимали необходимость социальных преобразований и допускали лояльное отношение к протестным настроениям студенчества.

В 1920-е годы после нескольких военных лет и революционных потрясений модернизация была не менее актуальна. В этот период представители профессорско-преподавательского состава были отнесены к привилегированным слоям, влияние которых новая власть стремилась ограничить, опираясь на студенчество пролетарского происхождения. Однако сохранялась острая потребность в квалифицированных специалистах, подготовка которых зависела от дореволюционной профессуры. Указанное противоречие оказывало влияние на организацию учебного процесса. Взаимоотношения преподавателей и студентов в условиях социально-политических трансформаций представляют собой значимую исследовательскую проблему, особенно в контексте подготовки инженерных кадров, что и стало объектом исследования на примере политехнического института в Санкт-Петербурге. Предмет – влияние социально-политической обстановки в России первой трети XX века на процессы коммуникации студентов и профессоров.

Цель работы – рассмотреть изменение характера взаимоотношений между преподавателями и студентами Санкт-Петербургского/Ленинградского политехнического института (СПбПИ/ЛПИ)¹ в контексте социально-политической трансформации российского общества и изменения государственной политики подготовки инженерных кадров в первой трети XX века – при переходе от имперской к советской модели образования.

Для сравнительно-исторического анализа были выбраны два периода:

- 1902–1910 год – начальный этап работы института, время выстраивания модели политехнического института как особого научно-образовательного сообщества;

- середина 1920-х – 1930 год – от относительной стабилизации обстановки после нескольких военно-революционных лет до расформирования политехнического института на отдельные отраслевые институты согласно постановлению Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров (ЦИК и СНК) «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов»².

Статья написана с опорой на труды А.А. Оводенко и соавт. [1], А.С. Строгаловой [2], А.О. Рожкова [3]; сборник документов по истории политехнического института [4]; работы Б.Н. Меншуткина [5], В.А. Смелова [6]; мемуары политехников [7; 8]; исследования И.В. Сидорчука [9], С.Б. Ульяновой [10–12], Л.Э. Беляевой [13; 14]. Источниками материала стали фонды Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центрального государственного архива историко-политической документации Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Методологическую основу исследования составил подход социальной истории, ориентированный на анализ роли социальных взаимоотношений в общественных процессах и конфликтах. В качестве основного метода использован сравнительный анализ взаимоотношений между преподавателями и студентами в различных социально-политических условиях.

¹За рассматриваемый период времени институт сменил ряд названий, в т. ч. Санкт-Петербургский политехнический институт Петра Великого и Ленинградский политехнический институт имени М.И. Калинина.

²Постановление ЦИК и СНК СССР № 38, ст. 411 «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» от 23 июля 1930 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год. С. 693–695. URL: <https://istmat.org/node/49953?ysclid=mp8yav5hzo707259989> (дата обращения: 18.05.2026).

Применен индивидуализирующий метод интерпретации исторических источников, позволяющий увидеть социально-политические процессы через личное восприятие участников. С помощью методов истории повседневности проанализированы социальные факторы, определявшие взаимоотношения преподавателей и студентов в тот период времени.

Создание политехнического института в Санкт-Петербурге имело целью формирование научной и кадровой базы для модернизации страны [4, с. 68]. СПбПИ получил максимально возможную для начала XX века автономию благодаря покровительству министра финансов С.Ю. Витте. Так, по его инициативе директором учебного заведения был назначен князь А.Г. Гагарин (инженер, помощник начальника Петербургского оружейного завода), либеральные взгляды и обширные связи которого на начальном этапе служили на благо развития института.

Профессорско-преподавательский состав формировался из крупных ученых (М.А. Шателен, А.А. Байков и др.) и выдающихся инженеров (К.П. Боклевский, В.Е. Грум-Гржимайло и др.). Такое прогрессивное для отечественного образования сближение теории и практики позволяло полнее охватывать фронт науки, привлекая к работе студентов, делая их соратниками и единомышленниками. Институтский комплекс объединял учебные корпуса, лаборатории, профессорские квартиры и студенческие общежития, переплетая научно-образовательную жизнь студентов с социально-досуговой: они могли общаться с преподавателями, перенимать опыт, знания и жизненные ценности. При поддержке и с участием руководства были организованы кружки по интересам (музыкальные, спортивные, научные), землячества, проводились вечера [7; 8].

Преподаватели института разделяли идеи прогресса и гуманизма³, это способствовало формированию особой атмосферы: «Мы все прошли университетскую школу, но в Институте все наши представления об отношениях между профессорами и студентами совершенно перевернулись» [7, с. 24]; «Внутренняя структура, созданная в Институте с его основания, и подбор работников способствовали установлению нормальных деловых отношений, как в преподавательской среде, так и между преподавателями и студенческой массой»⁴. Накопленный научно-образовательный потенциал помог педагогическому коллективу института преодолеть послевоенную разруху, идеологический диктат и «революцию в высшей школе» в 1920-е годы [1, с. 188]. Важнейшими факторами, определявшими развитие политехнического института на каждом историческом этапе, стали его специализация, ориентированность на практику, связь с отечественной промышленностью.

До революции зачисление в СПбПИ, согласно уставу института, производилось по конкурсу аттестатов [4]. Несмотря на то, что студенческий состав отличался социальной пестротой, а преподаватели принадлежали к привилегированным слоям российского общества, основой коммуникации были уважение профессоров к выбранному студентами пути и вера в особую роль будущих инженеров в служении России [4, с. 88]. Однако беспокойная внутривластная обстановка будоражила российское общество, и политехники не оставались безучастными. Как для студентов, так и для преподавателей предъявление свидетельства о благонадежности стало обязательным условием поступления, но оно не гарантировало спокойствия в институте, тем более что А.Г. Гагарин не разделял опасений власти

³См., например: Секрет счастливой жизни: кн. для семейного чтения / Владимир и Софья Грум-Гржимайло; под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 296 с.; Кирпичев В.Л. Значение фантазии для инженеров. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1903. 21 с.

⁴Люст Г.А. Постановка учебного дела и квалификация оканчивающих институт // Товарищ. 1927. 15 окт. № 3(61). С. 2.

в отношении революционных настроений. Так, например, в июле 1901 года директор хотел пригласить в качестве преподавателя геологии В.К. Агафонова, высланного из Санкт-Петербурга за участие в политической демонстрации, и советовался с профессором минералогии Ф.Ю. Левинсон-Лессингом: «Я обязан о нем, как и о всех, справку навести в отношении благонадежности и не хотел бы получить ответ отрицательный. Как думаете Вы уладить это дело?»⁵. В итоге В.К. Агафонов был принят на работу в институт.

Примером конструктивного несогласия с существовавшим порядком служит профессор кафедры прикладной механики А.С. Ломшаков – депутат Государственной думы от партии кадетов с 1906 года. Он выступал за «раскрепощение крестьян, раскрепощение рабочего класса, раскрепощение граждан, раскрепощение женщин»⁶. Летом 1908 года Ломшаков отбывал трехмесячный тюремный срок в петербургской тюрьме «Кресты» вместе с профессором права Н.А. Гредескулом – оба депутаты Государственной Думы, подписавшие известное Выборгское воззвание⁷. После освобождения они продолжили работу в институте.

СПбПИ на протяжении всего дореволюционного периода привлекал в свои стены профессоров, покинувших другие вузы по политическим причинам. Профессор электротехники М.А. Шателен и профессор физики В.В. Скобельцын весной 1901 года вместе с другими преподавателями были уволены из Электротехнического института за поддержку студенческих движений, но летом того же года по приглашению С.Ю. Витте подклю-

лись к работе по созданию политехнического института. М.А. Шателен занял должность декана электромеханического факультета, В.В. Скобельцын возглавил кафедру физики. Более того, В.В. Скобельцын был утвержден в должности профессора – заведующего студентами [5, с. 120].

Либеральность профессуры политехнического института отчасти обуславливалась пониманием необходимости модернизации страны: распространение образования для широких слоев общества было одним из условий ликвидации технологической отсталости. Мотивация бастующих студентов была более радикальна и менее последовательна: на собраниях звучали призывы к свержению самодержавия, а забастовки отвлекали от занятий. Совет института видел причину выступлений студентов так: «Лишь при установлении у нас правового строя, покоящегося на незыблемых гарантиях основного закона, учащие и учащиеся в высших учебных заведениях получают, наконец, возможность всецело отдать свои силы научной работе на благо родной страны» [5, с.125].

О накаленной обстановке тех лет свидетельствуют документы департамента полиции⁸. 12 сентября 1905 года на сходке в СПбПИ один из ораторов (не студент – Л.Б.) требовал «предоставить молодежи возможность посвятить себя агитации в народе и подготовить вооруженное восстание»⁹, на сходке 23 сентября 1905 года говорилось о необходимости террора и свержения самодержавия¹⁰. 22 октября 1906 года состоялась сходка, собравшая до 500 чел., в т. ч. посторонних лиц и профессоров института. Участники порицали аграрную политику правительства и призывали содействовать революционному

⁵СПбФ АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 115. Л. 1.

⁶Работы Первой Государственной Думы. Издание Санкт-Петербургского комитета Трудовой группы / сост. И. Бонч-Осмоловский, ред. С.И. Бондарев. СПб.: Тип. Т-ва «Дело». 1906. С. 59.

⁷Выборгское воззвание – обращение группы депутатов 1-й Государственной думы (кадетов, трудовиков и социал-демократов), принятое в г. Выборге 10 июля 1906 года в ответ на роспуск Думы.

⁸Студенческое движение за 1905–1906 г.: Санкт-Петербургский политехнический институт // ГАРФ. Ф. 102. Оп 233а. Д. 3ч. 28.

⁹Там же. Л. 2.

¹⁰Там же. Л. 3–5.

переходу земли в руки народа¹¹. Перечень эпизодов можно продолжить.

Массив документов по истории политехнического института говорит о высокой степени сочувствия администрации вуза студенческим выступлениям. В работе В.А. Смелова [6, с. 426–444] показано, как отношение к студенческим выступлениям обострило противостояние прогрессивной интеллигенции (профессорско-преподавательского состава СПбПИ) и инертной системы государственного управления: администрация вуза полагала, что студенческие волнения – естественное следствие ненормальной внутренней обстановки в стране; представители органов правопорядка предпочитали видеть проблему в студентах¹². Итогом противостояния стало увольнение директора по приговору Сената в 1907 году и обвинение деканов в допущении беспорядков [8, с. 46–61].

Есть основания полагать, что забота о благополучии студентов для А.Г. Гагарина была важнее законных интересов государственных структур. Примечателен следующий эпизод. Весной 1907 года директор хлопотал о судьбе некоего студента Полетаева, который привлекаемого к суду по вопросу, «за который судить его не стоило», которому «придется посидеть и пропустить весенние экзамены, отложив их на осень». Так как Полетаев пользовался стипендией Астраханского казачьего войска, то директор просил администрацию вуза на возможный запрос войска ответить о благополучном переходе Полетаева на второй курс, чтобы выплата стипендии не прекращалась¹³. Можно понять, почему студенты восприняли увольнение

А.Г. Гагарина как горькую несправедливость [8, с. 59]. Тем не менее волнения не прекратились, а революционная борьба приобрела черты массовых беспорядков.

Преемник А.Г. Гагарина на посту директора А.С. Посников¹⁴ в 1910 году так отвечал на обвинения студентов в сотрудничестве с полицией: «Князь Гагарин, имеющий трехмиллионное состояние, мог бы игнорировать правительственную власть, а я не могу. <...> Студенты могут предавать меня сколько угодно раз анафеме, а я все-таки буду принимать самые решительные меры для прекращения забастовки»¹⁵. Действия полиции в отношении нарушителей порядка не мешали поддерживать атмосферу взаимного уважения, оптимально соответствовавшую политехнической модели образования [10, с. 38–54].

Если в первые годы работы института профессорско-преподавательский состав защищал правомерность студенческих волнений, то после 1907 года студентам-забастовщикам противостояли полиция, администрация вуза и добросовестные студенты-академисты, объединявшиеся в научные кружки. Так, например, в 1909 году на базе электромеханического отделения был учрежден Кружок электриков, который, согласно уставу, преследовал следующие цели: общение членов Кружка на научной почве, пополнение получаемого ими в институте специального образования, распространение знаний и сведений, относящихся к науке и технике, а также приискание для членов Кружка мест для летних практических занятий и заработков¹⁶. Стать членом кружка мог каждый сту-

¹¹Студенческое движение за 1905–1906 г.: Санкт-Петербургский политехнический институт // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3ч. 28. Л. 18.

¹²Настроение «спасать студентов от полиции» было характерно на рубеже XIX – XX веков и для руководителей других вузов, например для директора Киевского политехнического института В.Л. Кирпичева, а также профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского электротехнического института – М.А. Шателена и В.В. Скобельцына. Все указанные ученые стали преподавателями СПбПИ.

¹³СПбФ АРАН, Ф. 869. Оп. 4. Д. 213. Л. 65–66 (Письмо А.Г. Гагарина М.А. Шателену. 7 мая 1907 г.).

¹⁴Директор СПбПИ в период с 1908 по 1911 год.

¹⁵Петербургский политехнический институт // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 256 (ч. 1). Л. 54.

¹⁶Цели и задачи Кружка электриков были похожи на цели и задачи крупных научных сообществ России, в частности – Русского технического общества (РТО). Кружок создавался при поддержке М.А. Шателена, декана электромеханического факультета, который много лет являлся действующим членом РТО, таким образом М.А. Шателен создавал условия для обучения студентов научной коммуникации государственного уровня.

дент СПбПИ, но общее собрание Кружка могло исключить тех, чье пребывание будет сочтено нежелательным [13]. Отметим, что в последующие годы Кружок разросся, многие студенты-участники («академисты») стали крупными учеными и продолжили поддерживать связь друг с другом.

Противостояние академистов и желающих бастовать отражают следующие эпизоды. 10 марта 1910 года директор, узнав о «бурном настроении» предстоящей сходки, запретил ее и вызвал полицейский наряд, но разрешил другую сходку, целью которой организаторы заявили обсуждение вопросов о «кассе взаимопомощи»¹⁷. В итоге собравшиеся (около 1000 студентов – 22 % учащихся) вместо кассы взаимопомощи обсуждали «репрессивное отношение директора Посникова к сходке» и осуждали «Академический союз»¹⁸. Студент СПбПИ С.С. Зарудный в вину академистам вменял то, что они «мешают студенческому движению», «не способствуют падению конституции», что союз «близко стоит к политическому сыску», является «зловредным обществом, позорящим студенчество»¹⁹. Речь другого выступавшего, студента-экономиста С.В. Бернштейн-Когана, завершалась осуждением директора Посникова: «не заслуживает со стороны студентов ничего кроме недоверия и враждебности», т. к. защищает «академистов», указывая на их заслуги, отмеченные Высочайшей благодарно-

стью, а к забастовщикам призывает полицию²⁰. О дальнейшей судьбе С.С. Зарудного не удалось найти сведений, а С.В. Бернштейн-Коган после окончания института остался в нем преподавать, с 1920 года – профессор института, прожил долгую плодотворную жизнь²¹.

Показателен и другой случай. В декабре 1910 года правлением института было закрыто Одесское студенческое землячество²²: комитет землячества в нарушение устава исключил 12 студентов из-за их принадлежности к академистам. Члены закрытого землячества обратились в правление с прошением разрешить вновь учредить землячество с новым уставом, запрещавшим членство академистов. Прошение было отклонено²³.

4 декабря 1910 года сходка, на которой присутствовали 1200 чел., закончилась «насильственным прекращением практических занятий, осуществленная членами левых организаций в отношении студентов, не пожелавших примкнуть к забастовщикам»²⁴. Участники выражали несогласие с действиями правительства, студент А.А. Ковалевский призывал к пассивной забастовке, а желающих учиться «академистов» обвинял в «моральном ничтожестве». После сходки участники расходились по чертежным, нарушая учебный процесс хулиганскими выходками: у одного студента изорвали тетрадь, у другого – чертеж, испортили электрические провода²⁵.

¹⁷ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 256 (ч.1). Л. 3-4, 54.

¹⁸Объединение «Академический союз» было создано в СПбПИ в 1908 году в противовес студенческим забастовкам, мешавшим учебному процессу. Основная задача «академистов» – способствовать спокойному ходу академической жизни в институте, без преследования политических целей.

¹⁹ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 256 (ч.1). Л. 4.

²⁰Там же. Л. 5.

²¹Бернштейн-Коган Сергей Владимирович // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/bernshtein-kogan-sergei-vladimirovich-6fefa2> (дата обращения: 14.01.2026).

²²В вузах России были распространены объединения учащихся-земляков. Они создавались для материальной и моральной поддержки студентов в новой обстановке, но часто становились резервом политических движений. В 1911 году студенческие землячества были запрещены.

²³ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 256 (ч. 1). Л. 23, 23 об.

²⁴Там же. Л. 40.

²⁵Там же. Л. 40–41.

Кстати, в мае 1911 года уже бывший студент А.А. Ковалевский раскаивался в своем поведении и писал прошения о восстановлении в институте²⁶.

Преподаватели не раз вмешивались в ход таких забастовок, уговаривая студентов разойтись, и угрожали вызовом полиции. Результаты действий полиции в основном сводились к следующему: «задержаны, по установлению личности и составлению протокола отпущены»²⁷. Неудивительно, что подобные угрозы особого эффекта не имели.

В годы Первой мировой войны и преподаватели, и студенты института активно включились в работу для нужд армии [14], многие ушли на фронт. Война задала темп и направление развития новых отраслей науки – химии, радиотехники, электротехники, самолетостроения и т. д.

Послевоенные голод и разруха негативно отразились на жизни страны, в плачевном состоянии оказался и институтский комплекс. Первые декреты советской власти о всеобщем образовании и отмене чинов и званий не позволили институту вернуться к прежнему порядку образовательного процесса. Доступ в вузы получили абитуриенты с различным уровнем подготовки, в то же время многие преподаватели покинули вузы или выбрали эмиграцию, что в целом привело к резкому снижению качества образования в первые годы советской власти²⁸. Вузы стали кузницей пролетарских кадров, выпускники училищ и гимназий «разбавлялись» молодежью из рабоче-крестьянской среды, курс на пролетаризацию («завоевание») высшей школы предполагал вытеснение «буржуазных» профессоров.

Обновленное студенчество было разнообразно по уровню подготовки и социальному составу. Но и границы этих групп были очень условны. Одного хвалили за партийную преданность, «хоть он из семьи священника, он один из лучших наших коммунистов, боролся с нами против белого студенчества»²⁹. Другой студент вел себя «не как пролетарий (бедняцкий элемент)», поэтому из института в его родное село в декабре 1929 году был отправлен запрос о службе, семье и имуществе³⁰.

Если в 1902 году директор института А.Г. Ггарин писал: «Когда профессора не привлечены к воспитанию молодежи, <...> тогда студенты, не имея опоры, легко подвергаются внешним дурным влияниям тайных кружков» [6, с. 114], то после революции профессора были избавлены от заботы о воспитании студентов [3, с. 206]. Роль воспитания молодежи взяла на себя коммунистическая партия, активно привлекавшая в свои ряды студентов и преподавателей, подходящих по происхождению и готовых пропагандировать новую идеологию. С 1923 года в вузах страны начали действовать студенческие организации пролетарского студенчества (Пролетстуда), которые должны были стать опорой советской власти в деле реформирования высшей школы [2, с. 124–135]. Представитель Пролетстуда электромеханического факультета на партийном собрании в институте заявлял: «Профессора и преподаватели будут работать, но над ними надо установить бдительное наблюдение»³¹. С другой стороны, чертами студенчества 1920-х годов были отсутствие признаков воспитания и образования,

²⁶ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 256 (ч. 1). Л. 121; Ф. 102. Оп. 119. Д. 256 (ч. 2). Л. 123–126.

²⁷Там же. Оп. 233а. Д. 3ч. 28. Л. 28, 72.

²⁸Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». 11 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1; Декрет о правилах приема в высшее учебное заведение РСФСР // Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат, 1964.

²⁹ЦГАИПД СПб. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 53. Л. 8 об. Протоколы общих собраний и заседаний бюро партгруппы электромеханического факультета, 1925 г.

³⁰ЦГА СПб. Ф. Р-3121. Оп. 25. Д. 10. Л. 46.

³¹ЦГАИПД СПб. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–3 об.

простая одежда, использование нецензурной брани [11, с. 148–160]. «Нет хороших знаний по специальным предметам (физика, математика), но особенно чувствуется отсутствие общего образования и умения излагать свои мысли. В связи с этим возникает сомнение в возможности выпуска большого числа инженеров и экономистов с широким кругозором» – так оценивал ситуацию А.А. Байков, последний ректор из дореволюционных профессоров³². Для скорейшего внедрения новых учебных планов и «улучшения» качества выпускников в ноябре 1928 года его сменил партийный деятель П.А. Кобозев. Начался новый этап внутривузовских взаимоотношений, для которых характерен следующий эпизод.

На заседании межфакультетской предметной комиссии ЛПИ по физике в декабре 1928 года обсуждались пути реализации учебных планов. В числе прочих вопросов профессор В.В. Скобельцын, председатель комиссии, предложил преподавателям поделиться впечатлениями о ходе занятий, чтобы лучше спланировать время в физической лаборатории. Выяснилось, что первый курс неоднороден по своей подготовке, значителен контингент лиц, не готовых к прохождению курса: не усвоивших курс средней школы, неспособных «самостоятельно справляться при разрешении самых простых практических вопросов и требующих помощи руководителя во всяких пустяках», «многие студенты I курса обладают совершенно недостаточным умственным развитием»³³. На собрании в декабре 1928 года присутствовали 6 преподавателей и 8 студентов – по два от каждого факультета³⁴. По итогам декабрьско-

го заседания в марте 1929 года в институтской газете «Товарищ» появилась статья некоего У.Надича «О высоких умах и слабоумных студентах» с обвинениями в предвзятости к пролетарским студентам, приверженности несоветским ценностям в адрес В.В. Скобельцына. Речь профессора в пересказе автора звучала так: «Ведь не является новостью то, что современное студенчество не отвечает требованиям высшей школы. <...> Как может явиться творцом новой жизни тот, у кого вместо умственного багажа – мозолистые руки, а единственное качество то, что мамаша батрачка, а папаша – рабочий и крестьянин сразу». Мнение комиссии было представлено следующим образом: «Студенчество этого приема слишком разнородно и умственно слабо развито». Профессор обвинялся в некомпетентности: «Физику преподает одну и ту же уже двадцать лет». Завершалась статья призывом к правлению института обратить внимание на кандидатуру В.В. Скобельцына при предстоящем пересмотре профессорского состава³⁵. Статья, написанная по впечатлениям якобы студента, являвшегося участником заседания, но без указания имени, явно имела признаки доноса.

За несколько дней до выхода газеты ректор П.А. Кобозев на собрании деканов сообщал о предстоящем переизбрании профессоров и преподавателей, «устаревших для современной науки» [5, с. 378]. Очевидно, что В.В. Скобельцыну нельзя было просто отмахнуться от характеристики, полученной от «группы студентов»: «совершенно нам чуждый махровый»³⁶.

Прозвучавшие в апреле 1929 года слова И.В. Сталина: «Вредительство буржуазной

³²Тр. ЛПИ. 1957. № 190.

³³СПбФ АРАН. Ф. 972. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–2.

³⁴Согласно реформе высшей школы 1922 года, студенты наравне с преподавателями вошли в состав президиумов деканатов и советов факультетов. Источник: Декрет Совета Народных Комиссаров. Положение о Высших Учебных Заведениях. 3 июля 1922 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 год. Отдел первый. М., 1950. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/351315> (дата обращения: 30.12.2025).

³⁵Надич У. О высоких умах и слабоумных студентах // Товарищ. 1929. 29 марта. № 13(86). С. 2.

³⁶ЦГА СПб. Ф. Р-3121. Оп. 25. Д. 10. Л. 106.

интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма»³⁷, послужили сигналом к травле «буржуазных» профессоров. В докладной записке Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) о политическом состоянии интеллигенции отмечалось: «Саботаж новых программ и методов наблюдается в целом ряде <...> учебных заведений»³⁸, «антисоветская профессура ведет с нами открытую борьбу на идеологическом фронте, ставя своей задачей воспитание и идеологическую обработку учащейся молодежи в антисоветском направлении»³⁹. Недоверие власти к техническим специалистам и интеллигенции сопровождалось выявлением «вредителей» и арестами⁴⁰.

Эти настроения были подхвачены студентами-политехниками – участниками съезда Пролетстуда: «С боем перестраиваются планы и программы вузов». Дореволюционные профессора подлежали «выпалыванию» как «сорная трава»: «Вузы наши еще засорены чуждыми и даже враждебными элементами и в преподавательском составе», например, такими: «Профессора и преподаватели, не следящие за современным состоянием науки и техники, как, например, преподающие по своим устаревшим учебникам, изданным 20 лет назад (указание на В.В. Скобельцына – Л.Б.), манкировщики и прочие “халтурщики”»⁴¹.

Правление института, обсудив статью «О высоких умах...», постановило, что дискуссия на заседании предметной комиссии в газете полу-

чила превратное освещение, что курс физики читается профессором Скобельцыным «с большой научной строгостью», о педагогическом мастерстве говорят заполненные аудитории. Курс отвечает утвержденной в 1925 году программе, пересмотренной в 1928 году и признанной соответствующей текущим целям. Также отмечалось, что «педагогический талант В.В. Скобельцына совершенно исключительный; его слушатели получают знания основных явлений природы и умение подходить к разрешению инженерных вопросов с физической точки зрения; слушателям I курса лекции В.В. Скобельцына дают максимум того, что может быть ими усвоено»⁴². Пожилой профессор письменно доказывал, что никогда не противопоставлял советское студенчество дореволюционному, всегда с вниманием и сочувствием относился к студентам, видел их проблемы и помогал осваивать физику. В то же время В.В. Скобельцын не скрывал своей озабоченности качеством подготовки политехников: «пользуются формулами < из школьного курса > физики, совершенно не отдавая себе отчета в физическом смысле этих формул»; «встретив величину, выраженную в виде синусоидальной функции времени, студент не мог понять, <...> где же тот угол, синус которого написан» и т. д.⁴³

История со «слабоумными студентами» для В.В. Скобельцына, к счастью, не имела продолжения. В 1935 году он получил премию в размере 400 р. за «исключительно добросовестную

³⁷Сталин И.В. О правовом уклоне в ВКП(б): речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Сталин И.В. Собр. соч.: [в 13 т.]. Т. 12. М., 1949. С. 14.

³⁸Материалы 3-го отделения СО ОГПУ о политическом состоянии интеллигенции и ее антисоветской деятельности. Не позднее конца мая 1930. // «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. в 10 т. Т. 8, Ч. 2. 1930. М., 2008. С. 1138.

³⁹Там же. С. 1142. (В качестве подтверждения были приведены отдельные высказывания профессоров разных университетов, ЛПИ не упоминался.)

⁴⁰Шахтинское дело (1928), Академическое дело (1929–1930) и др.

⁴¹Перевыборы профессуры состоятся весной // Товарищ. 1929. 29 марта. № 13(86). С. 1.

⁴²СПбФ АРАН. Ф. 972. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

⁴³Там же. Л. 6–9.

работу по организации лаборатории общей физики». В 1938 году ему было присвоено звание «Ударник коммунистического труда»⁴⁴.

В целом же профессора, в т. ч. и «буржуазные», пользовались уважением студенческого сообщества. Например, в ноябре 1929 году профессора В.Л. Позднюнина⁴⁵ группа студентов охарактеризовала так: «Советски настроен. Работает вместе с нами. Свои действия всегда согласовывает со студенчеством. Работоспособный, авторитетный профессор в области судостроения»⁴⁶. Представители Пролетстуда похвалили профессоров А.Ф. Иоффе, А.А. Радцига, Г.А. Люста, В.Ф. Миткевича, Н.Н. Семенова за поддержку студенческих инициатив по пересмотру учебных планов: «Лучшая часть профессуры и преподавателей <...> пошла рука об руку с нами по намеченному пути, под шипение нежелающих расстаться с мумией прошлого»⁴⁷.

В 1930 году ЛПИ был расформирован на несколько профильных институтов⁴⁸. Черода разрушительных экспериментов конца 1920-х – начала 1930-х годов завершилась возвращением к дореволюционной традиции поддержания статуса и престижа профессуры [9, с. 7–15]. В целом в 1920-е годы число студентов росло, «завоевание» высшей школы шло успешно. Острота борьбы с влиянием «буржуазной» профессуры угасала в связи с естественной сменой поколений.

В рассматриваемый период конфликты между профессорско-преподавательским и студенческим сообществами по социально-политическим основаниям были обычным явлением. При этом в разных исторических условиях характер конфликтов менялся. Важно отме-

тить, что число «конфликтных» студентов не было подавляющим, но достаточно заметным, чтобы влиять на обстановку в целом.

В начале XX века студенты, протестовавшие против существующего порядка в России, вольно или невольно нарушали учебный процесс, используя институт как пространство своей политической активности. Оппозиционная деятельность преподавателей не затрагивала учебный процесс напрямую, из-за чего студенты воспринимали их как часть режима. Претензии бастующих студентов к профессорско-преподавательскому составу можно сформулировать так: «Вы недостаточно решительно противостоите действиям властей». Революция изменила прежнюю иерархию. Авторитет профессорско-преподавательского состава был понижен, студенты, в основном пролетарского происхождения, будучи членами партии, стали проводниками новой государственной политики в вузе. Государство обеспечивало себе иммунитет от явных претензий, переключив внимание студентов на борьбу с назначенными врагами. И в этой ситуации суть претензий «уполномоченных» бороться с профессурой студентов можно выразить так: «Вы недостаточно решительно поддерживаете инициативы существующей власти». Профессора и преподаватели свое отношение к происходящему в отношении со студентами старались не привносить. Несмотря на смену коммуникативных норм и ценностных ориентиров, институт оставался ведущим вузом страны, став движущей силой научно-технического прогресса Союза Советских Социалистических Республик. Реализация научно-образовательного потенциала института была

⁴⁴СПбФ АРАН. Ф. 972. Оп. 1. Д. 30. Л. 12–14.

⁴⁵Декан кораблестроительного факультета ЛПИ в 1923–1929 годах.

⁴⁶ЦГА СПб. Ф. Р-3121. Оп. 25. Д. 10. Л. 15.

⁴⁷Первый этап пройден // Товарищ. 1929. 5 апр. №14(87). С. 1.

⁴⁸Постановление ЦИК и Совнаркома СССР № 38 «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930. С. 693–695. URL: <https://istmat.org/node/49953> (дата обращения: 13.10.2025).

необходима для сохранения перспективы индустриального развития страны [12, с. 58–76]. Залогом профессионального успеха стало

«непротивление» новой идеологии и готовность работать в условиях неоднозначных реформ высшей школы.

Список литературы

1. Оводенко А.А., Платова Е.Э., Фортунатов В.В. История высшей школы Санкт-Петербурга. СПб., 2010. 547 с.
2. Строгалова А.С. Становление и начальный этап деятельности Пролетстуда (1923–1925) // Ист. журн.: науч. исследования. 2017. № 5. С. 124–136. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2017.5.22520>
3. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. 630 с.
4. Санкт-Петербургский политехнический институт в 1899–1902 гг.: сб. док. / под общ. ред. Ю.С. Васильева. СПб., 2012. 92 с.
5. Менищуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института (1899–1930). СПб., 2012. 507 с.
6. Смелов В.А. Санкт-Петербургский политехнический дореволюционный. СПб., 2014. 618 с.
7. С.-Петербургский Политехнический институт императора Петра Великого: юбилейный сб. 1902–1952 / под ред. А.А. Стаховича, Е.А. Вечорина. Париж, 1952. 129 с.
8. С.-Петербургский Политехнический институт. Сб. № 2: [доп. к «Юбилейному сборнику» 1952 г.]. Париж; Нью-Йорк, 1958, 215 с.
9. Сидорчук И.В. Борьба за «новую» мораль в Ленинградском политехническом институте в 1920-х годах // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 7–15. <https://doi.org/10.18721/JHSS.9301>
10. Ульянова С.Б. Истоки формирования политехнического стиля образования // Тр. СПбГТУ. 2011. № 513. С. 23–34.
11. Ульянова С.Б. К вопросу о взаимоотношениях студентов и профессоров в ленинградском политехническом институте в 1920-е гг. // Санкт-Петербургский государственный политехнический университет в истории России XX – начала XXI в. СПб., 2013. С. 148–160.
12. Ульянова С.Б., Аладышкин И.В., Беседина Е.А. Индустриальный прагматизм в реформировании высшей школы в России в конце XIX – первой трети XX в.: исторический опыт Петербургского – Ленинградского политехнического института // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14, № 3. С. 58–76. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2023-3-58-76>
13. Беляева Л.Э. У истоков студенческой науки: кружок электриков электромеханического факультета Санкт-Петербургского (Ленинградского) политехнического (индустриального) института (1909–1952) // Современ. наука: актуал. проблемы теории и практики. Сер.: Гуманит. науки. 2025. № 9. С. 7–13. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2025.09.06>
14. Беляева Л.Э. Петроградский политехнический институт в условиях военного времени (на архивных материалах 1914–1916 гг.) // Гуманитарный форум в Политехническом: материалы IV Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 10–12 апреля 2025 г.): в 4 т. Т. 4. СПб., 2025. С. 22–30.

References

1. Ovodenko A.A. *Istoriya vysshey shkoly Sankt-Peterburga* [The History of St. Petersburg Higher School]. St. Petersburg, 2010. 548 p.
2. Stroganova A.S. Stanovlenie i nachal'nyy etap deyatel'nosti Proletstuda (1923–1925) [Formation and Initial Stage of the Proletstud's Activity (1923–1925)]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2017, no. 5, pp. 124–136. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2017.5.22520>
3. Rozhkov A.Yu. *V krugu sverstnikov: zhiznennyi mir molodogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [In the Circle of Peers: The Life World of a Young Man in Soviet Russia of the 1920s]. Moscow, 2014. 630 p.

4. Bocharov A.A. et al. (comps). *Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskii institut v 1899–1902 gg.* [Saint Petersburg Polytechnic Institute in 1899–1902]. St. Petersburg, 2012. 92 p.
5. Menshutkin B.N. *Istoriya Sankt-Peterburgskogo politekhnicheskogo instituta (1899–1930)* [The History of St. Petersburg Polytechnic Institute (1899–1930)]. St. Petersburg, 2012. 507 p.
6. Smelov V.A. *Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskii dorevolyutsionnyy* [St. Petersburg Polytechnic Pre-Revolutionary]. St. Petersburg, 2014. 618 p.
7. Stakhovich A.A., Vechorin E.A. (comps). *Sankt-Peterburgskiy Politekhnicheskii Institut Imperatora Petra Velikogo. 1902–1952* [Saint Petersburg Polytechnic Institute of Emperor Peter the Great. 1902–1952]. Paris, 1952. 129 p.
8. *Sankt-Peterburgskiy Politekhnicheskii Institut* [Saint Petersburg Polytechnic Institute]. Paris, N. Y., 1958. 215 p.
9. Sidorchuk I.V. Bor'ba za «novuyu» moral' v Leningradskom politekhnicheskom institute v 1920-kh godakh [Struggle for a “new” morality at Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 7–15. <https://doi.org/10.18721/JHSS.9301>
10. Ul'yanova S.B. The Beginning of Polytechnic Education Style. *Trudy SPbGTU*, 2011, no. 513, pp.23–34.
11. Ulyanova S.B. K voprosu o vzaimootnosheniyakh studentov i professorov v Leningradskom politekhnicheskom institute v 1920-e gg. [On the Relationship Between Students and Professors at Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s.]. *Proceedings of the International Scientific and Technical Conference dedicated to the 110th anniversary of the beginning of the study process at St Petersburg Polytechnic University Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy politekhnicheskii universitet v istorii Rossii XX – nachala XXI v.* St. Petersburg, 2013, pp. 148–160.
12. Ul'yanova S.B., Aladyshkin I.V., Besedina E.A. Industrial'nyy pragmatizm v reformirovanii vysshey shkoly v Rossii v kontse XIX – pervoy treti XX v.: istoricheskiy opyt Peterburgskogo – Leningradskogo politekhnicheskogo instituta [Industrial Pragmatism in the Reform of Higher Education in Russia in the Late 19th – First Third of the 20th Century: The Historical Experience of the Petrograd–Leningrad Polytechnic Institute]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2023, no. 14, pp. 58–76. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2023-3-58-76>
13. Beliaeva L.E. U istokov studencheskoy nauki: kruzhok elektrikov elektromekhanicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo (Leningradskogo) politekhnicheskogo (industrial'nogo) instituta (1909–1952) [At the Origins of Student Science: Circle of Electricians of the Electromechanical Faculty of St.-Petersburg (Leningrad) polytechnic (industrial) Institute (1909–1936)]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: humanitarnye nauki*, 2025, no. 9, pp. 7–13.
14. Beliaeva L.E. Petrogradskiy politekhnicheskii institut v usloviyakh voennogo vremeni (na arkhivnykh materialakh 1914–1916 gg.) [Petrograd Polytechnic Institute in Wartime Conditions (Based on Archival Materials, 1914–1916)]. *Proceedings of the IV All-Russian Youth Scientific and Practical Conference Gumanitarnyy forum v Politekhnicheskom.* St. Petersburg, 2025. Vol. 4, pp. 22–30.

Информация об авторе

Л.Э. Беляева – аспирант Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (адрес: 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29Б).

Information about the author

Lidiya E. Belyaeva, Postgraduate student at the Higher School of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (address: ul. Polytechnicheskaya 29B, Saint-Petersburg, 195251, Russia).

Поступила в редакцию 18.03.2026
Одобрена после рецензирования 28.04.2026
Принята к публикации 30.04.2026

Submitted 18 March 2026
Approved after reviewing 28 April 2026
Accepted for publication 30 April 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 31–42.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 31–42.

Научная статья
УДК 94(470)(481)''17/18''[339.5:639.22](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V511

Российско-норвежские торгово-экономические связи в сфере рыболовства в XIX веке

Владимир Николаевич Шкунов

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Самара, Россия,
e-mail: orientru@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0311-9061>

Аннотация. XIX век стал временем углубления торгово-экономических отношений Российской империи и Норвегии в сфере рыболовства и добычи морского зверя. Рост объема потребления рыбы и рыбной продукции в этих двух странах, а также в государствах Европы стимулировал развитие промысла в акватории Северного Ледовитого океана и прибрежных водах рассматриваемых государств. Модернизация промыслового флота, совершенствование средств лова, расширение географии промыслов – все это способствовало увеличению объемов добычи рыбы и морского зверя. Российские и норвежские поданные активно занимались промыслами близ Шпицбергена, Новой Земли, Гренландии, Земли Франца-Иосифа, острова Медвежий и др. Двусторонние договоры между Российской империей и Норвегией дали поморам возможность осуществлять промысел рыбы в норвежских прибрежных водах. В рассматриваемый период на Русском Севере появились крупные предприниматели, владевшие большим количеством промысловых судов и реализовывавшие рыбу и рыбную продукцию не только на внутреннем рынке, но и за рубежом (преимущественно в странах Европы). Рыболовство и промысел морского зверя к концу XIX века стали одними из ведущих отраслей экономики региона, а торгово-экономическое сотрудничество Российской империи и Норвегии в сфере рыболовства – примером взаимовыгодного взаимодействия двух государств. Также упрочнению российско-норвежских торгово-экономических отношений на Русском Севере способствовало формирование уникального языка – руссенорска (пиджин), который активно использовали как поморы, так и норвежцы. В статье проанализированы российско-норвежские торговые договоры, использованы редкие дореволюционные источники на русском, норвежском, датском, английском, испанском языках.

Ключевые слова: *Российская империя, Русский Север, Норвегия, рыболовство, промысел морского зверя, купцы, торговля, мореходство*

Для цитирования: Шкунов В.Н. Российско-норвежские торгово-экономические связи в сфере рыболовства в XIX веке // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 31–42.
<https://doi.org/10.37482/2687-1505-V511>

Original article

Russian-Norwegian Trade and Economic Relations in the Field of Fishery in the 19th Century

Vladimir N. Shkunov

Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Samara, Russia,

e-mail: orientru@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0311-9061>

The 19th century was a time of building trade and economic relations between the Russian Empire and Norway in the field of fishing and harvesting of marine animals. The increased consumption of fish and fish products in the two neighbouring countries, as well as in European countries, stimulated the development of fishing in the Arctic Ocean and in the coastal waters of the two states. The modernization of the fishing fleet, the improvement of fishing facilities, and the expansion of the geography of the fisheries covering the northern islands all contributed to an increase in the volume of fish and marine animals harvested. Spitsbergen, Novaya Zemlya, Greenland, Franz Josef Land, Medvezhy Island, etc. have become fishing areas for Norwegian and Russian fishermen. Bilateral treaties between the Russian Empire and Norway enabled Pomor fishermen to fish in Norwegian coastal waters. During the period under consideration, large entrepreneurs began to stand out in the Russian North, owning a large number of fishing vessels and selling fish and fish products not only on the Russian domestic market, but also abroad (mainly in European countries). By the end of the 19th century, fishing and harvesting of marine animals had become the leading branch of the economy of the Russian North, and trade and economic cooperation between the Russian Empire and Norway in the field of fishery was an example of mutually beneficial cooperation between the two neighbouring powers. Development of a unique language Russenorsk (a pidgin language) actively used both by Pomors and Norwegians has also contributed to strengthening of Russian-Norwegian trade-economic relations in the Russian North. The article analyzes Russian-Norwegian trade treaties and uses rare pre-revolutionary sources in Russian, Norwegian, Danish, English, and Spanish.

Keywords: *the Russian Empire, the Russian North, Norway, fishing, harvesting of marine animals, merchants, trade, navigation*

For citation: Shkunov V.N. Russian-Norwegian Trade and Economic Relations in the Field of Fishery in the 19th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 31–42. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V511>

История торговых связей жителей Русского Севера и норвежцев восходит к эпохе викингов и насчитывает несколько столетий. Территориальная близость двух государств и насущная потребность в торгово-экономическом сотрудничестве, товарообмене, промыслах стимулировали взаимное освоение морских богатств, тесное сотрудничество поморов и норвежцев, активное вовлечение коренных народов реги-

она (саамов и др.) в двусторонние отношения. В XVIII–XIX веках география торгово-экономического взаимодействия российских и норвежских промысловиков значительно расширилась и стала охватывать отдаленные острова Северного Ледовитого океана, в т. ч. остров Медвежий, архипелаги Шпицберген и Новая Земля и др. Российские купцы, рыбопромышленники все чаще начали посещать северные земли

Норвегии, а норвежские рыболовы активно осваивали Мурманский берег.

В наши дни противоречия в сфере рыболовства между Норвегией и Российской Федерацией сохраняются¹. Так, квоты на добычу рыбы в Баренцевом и Норвежском морях на 2025 год были резко снижены, а промысел мойвы полностью запрещен. Как отмечается в российских средствах массовой информации, «Представители рыбной отрасли оценили ситуацию как серьезный вызов. Владимир Григорьев назвал ее “довольно грустной”». Член Совета Ассоциации судовладельцев С. Сенников отметил, что сокращение квот на ключевые виды рыб станет серьезным вызовом для северного рыбного промысла. Глава Минсельхоза Норвегии подчеркнул необходимость снижения квот ради сохранения рыбных запасов в долгосрочной перспективе»². Враждебная политика нынешних властей Норвегии также не способствует сохранению двусторонних взаимовыгодных торгово-экономических отношений. Все вышеперечисленное обуславливает актуальность обращения к теме истории российско-норвежских торгово-экономических связей в данной сфере.

С начала XIX века и до наших дней отложился значительный пласт документальных источников и специальной литературы, в той или иной степени характеризующей российско-норвежские торгово-экономические отношения на Русском Севере. Ценные материалы содержатся в фондах Государственного архива Архангельской области, Государственного архива Мурманской области, Национального архива Республики Карелия, Архива внешней политики Российской империи и др. В них нашли отражение сведения о норвежских судах, прибывавших в порты Русского Севера, импортных товарах, составе купечества Архан-

гельской губернии, принимавшего участие в торговле с Норвегией, таможенных пошлинах, жалобах торговцев, информация о промысловой деятельности коренных народов Русского Севера и т. д.

Промысловая деятельность поморов, самов, ненцев, норвежцев, карел и коми, вопросы меновой торговли, статистические сведения об объемах российско-норвежской торговли, ассортимент импортных и экспортных товаров, цены на норвежские товары, состояние ярмарочной торговли на Русском Севере, меновая торговля в Финнмарке и прочие вопросы отражены в публикациях Д.Н. Бухарова, О. Визеля, Н. Горанского, А. Каарана, Н.З. Новинского, В.В. Суслова, А. Теттермана, Т.А. Алимовой, К. Аслановой и др. Особо следует выделить многотомное издание «Исследования о состоянии рыболовства в России», 6-й и 7-й тома которого непосредственно посвящены рыбным и звериным промыслам «на Белом и Ледовитом морях» [3; 4].

Кроме того, в ряде европейских государств также появились фундаментальные обобщающие труды по истории скандинавского рыболовства, промыслов в северной части Атлантического и в Северном Ледовитом океане. Среди них следует отметить монографию, опубликованную в г. Стокгольме в 1892 году [5]. Она содержит ценные сведения о развитии рыболовства в Скандинавии, описание промысловых рыб. Отдельные аспекты исследуемой темы изучали О. Thorson [6], W. Wright [7], J. Murray [8], J.L. Stoddard [9] и др. В их работах освещены вопросы внутренней и внешней торговли Норвегии, состояние промысла поморов и рыболовства на Русском Севере и в Норвегии, освоение рыбных богатств арктических островов и пр. Публикации содержат богатый фактологический и статистический материал.

¹О первопричинах противоречий, эволюции непростых двусторонних отношений России и Норвегии в прошлом детально писал в последней фундаментальной монографии и в целом ряде научных статей Р.А. Давыдов [1; 2].

²Сокращение квот СРНК на 2025 год: Россия теряет квоты, Казахстан – поставки // KZ24.news. URL: <https://kz24.news/article/analitika/sokraschenie-kvot-srnk-na-2025-god.html> (дата обращения: 19.11.2025).

Исследование ключевых факторов, определявших структуру, объемы и характер товарообмена между северными регионами Российской империи и Норвегией на протяжении XIX века, не теряет своей актуальности и в наши дни. Так, проблемы русско-норвежской торговли в рассматриваемый период находятся в центре внимания отечественных и зарубежных (прежде всего, норвежских) ученых. Среди них следует особо выделить Т.А. Шрадер [10], Д.Л. Самушина [11], Т.С. Минаеву и В. Гортера [12], Д.С. Заозерского [13], Р.А. Давыдова [1], Р.В. Пересадило [14; 15] и др. Еще отметим работы ряда современных исследователей, изучавших некоторые вопросы российско-норвежской торговли на Русском Севере, таких как В.Я. Шашков, Г.П. Попов, Ю.С. Домошненин, Д.А. Ермолаев, В.А. Карелин, А.С. Касиан, А.А. Киселев, С.В. Рогинский и др. Автором статьи ранее были опубликованы монографии, в которых раскрыты особенности торгово-экономического взаимодействия Российской империи и скандинавских стран (включая Норвегию) на протяжении XVIII–XIX веков, а также рассмотрены вопросы государственно-правового регулирования внешнеторговых операций [16; 17].

Цель статьи – раскрыть противоречия в российско-норвежских торгово-экономических отношениях в сфере рыболовства на протяжении XIX столетия, установить причины ускоренного социально-экономического развития Финнмарка, проанализировать норвежские торговые и таможенные документы, регулирующие сферу рыболовства, обнаружить тенденции развития торговых потоков, а также изменения в традиционных формах хозяйствования и торговой практики поморов в рассматриваемый период.

На Русском Севере отношение к развитию российско-норвежских торгово-экономических отношений на протяжении XIX столетия было неоднозначным. Многие промысловики и отечественные исследователи с тревогой отмечали усиление промысловой деятельности норвежцев на Мурманском берегу, а также расширение импорта норвежской рыбы в пределах Русского Севера. По их мнению, это подрывало промысловую деятельность поморов, отрицательно

сказывалось на интересах отечественных промысловиков, не выдерживавших конкуренцию с норвежцами. Это нередко приводило к конфликтам с норвежскими рыбаками на территории Кольского полуострова, порождало многочисленные жалобы поморов в органы государственной власти. В частности, они жаловались на браконьерский промысел норвежцев в территориальных водах Российской империи, спаивание местных жителей, реализацию норвежской рыбы на Русском Севере по демпинговым ценам с целью подрыва поморских промыслов, несовершенство отечественного законодательства в сфере торгового мореходства и т. д. [18, с. 78]. Л.И. Подгаецкий отмечал: «...обоюдовыгодная меновая торговля повела косвенно к быстрому увеличению рыбных промыслов в Норвегии и уменьшению их в России. Погнавшись за выгодами и легкой наживой, представляемой этой торговлей, главными товарами которой со стороны русской были хлеб и лесные материалы, а со стороны норвежцев разные сорта рыбы, поморы стали все более и более оставлять отечественные промыслы и ввозить в Россию не добытую ими рыбу, а вымененную в Норвегии рыбу» [19, с. 10].

Озабоченность норвежских властей развитием северных территорий способствовала официальному узакониванию свободной меновой торговли Финнмарка с поморами в 1787 году. Впоследствии это положение легло в основу двустороннего договора 1828 года. Резкое увеличение вылова рыбы способствовало расширению ее импорта, прежде всего в северные районы Российской империи. Выгодный промысел привлекал внимание норвежцев, которые стали активно заселять Финнмарк. В г. Хаммерфесте, г. Вардё, г. Вадсё были основаны торговые дома, заводы по переработке рыбы, обустроены складские помещения, порты, маяки, проведены дороги, открыты школы и т. д.

С 1807 года в соответствии с указом императора Александра I от 22 ноября (4 декабря) датским купцам разрешался вывоз хлеба (пшеница и мука) из портов Архангельской губернии в северные регионы Норвегии. Именно с

этого времени наблюдался значительный рост экспорта муки и зерна в Финнмарк, зачастую в обмен на норвежскую рыбу³. Впоследствии также был разрешен вывоз ячменя, овса и гороха. В 1808 году норвежцы нарастили импорт рыбы в беломорские порты при одновременном сокращении общего российского экспорта. При этом сохранялся правительственный запрет на экспорт российского хлеба в другие европейские страны. Датский посланник в Санкт-Петербурге каждый год ходатайствовал перед российскими властями о наращивании экспорта хлеба в Норвегию. Однако император на просьбу датского посла отвечал отказом, т. к. участились случаи перехвата кораблей, груженных российским хлебом, английскими судами. Кроме этого, в первом десятилетии XIX века отмечалась нехватка ржи в Архангельской, Вятской и Вологодской губерниях, что не позволяло нарастить экспорт хлеба в Норвегию. Ситуация с продовольственным обеспечением в северных регионах Норвегии, по всей видимости, была критической. По этой причине датский посланник предложил российским властям обеспечить сопровождение торговых судов с хлебом до портов в Норвегии датским военным морским конвоем⁴.

Учреждение унии Швеции и Норвегии в 1814 году после окончания наполеоновских войн и шведско-норвежской войны изменило политическую ситуацию в Скандинавии. Несмотря на то, что Норвегия сохранила свою Конституцию и широкие права самоуправления, вопросы внешней политики оставались за Стокгольмом. Как отмечалось в одном из дореволюционных источников, для Швеции Россия считалась «естественным врагом, а Англия – естественным союзником» [20, с. 111]. Между тем в течение всего XIX века торговля между Российской империей и Норвегией на Севере

играла особую роль в экономической жизни двух государств.

Некоторые дореволюционные исследователи отмечали, что в первой половине XIX века промыслы на Мурманском берегу находились в плачевном состоянии. Так, в период с 1826 по 1835 год объем рыбы, доставленной из этого региона в беломорские порты, оценивался в среднем в 177 249 пудов, а норвежской рыбы – в 43 376 пудов, тогда как в период с 1836 по 1845 год вывоз рыбы, добытой отечественными промысловиками, уменьшился до 127 779 пудов при ввозе норвежской рыбы в 111 518 пудов [21, с. 146]. Такая тенденция сохранялась и в последующие десятилетия.

В первой половине XIX века для отечественного рыболовства на Русском Севере одной из острых была проблема сохранности и переработки рыбы. В публикациях того времени отмечалась следующая ситуация на Мурманском берегу: «По невозможности сохранить от порчи рыба никогда не доставляется свежей в Архангельск, а привозится зимой мороженой» [22, с. 2].

Отношения между Норвегией и Российской империей не всегда были безоблачными. Иногда между государствами возникали конфликты. К примеру, в британской прессе в начале 50-х годов XIX века сообщалось: «...русские очень хотят завладеть Люнген-фьордом честными и нечестными путями, чтобы получить гавань на северном побережье океана» [20, с. 211]. Этот фьорд длиной в 82 км являлся самым протяженным в провинции Тромс. В 1853 году отношения резко обострились: российские власти отдали приказ отстреливать всех оленей, которые заходили на территорию страны со стороны Норвегии, а также запретили своим подданным-саамам пересекать границу с соседним королевством.

В годы Крымской войны Норвегия выступила на стороне Великобритании и Франции.

³Указ Александра I Архангельскому военному губернатору М.П. Дезину от 22 ноября / 4 декабря 1807 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXIX. С. 1325–1326.

⁴Управляющий Министерством морских сил И.И. Траверсе товарищу Министра иностранных дел А.Н. Салтыкову // Внешняя политика России XIX и начала XX века: док. Рос. м-ва иностр. дел / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. Сер. 1: 1801–1815. М., 1967. Т. 5. С. 187.

Король Оскар проводил антироссийскую политику, что отразилось на состоянии российско-норвежской торговли, которая была сведена к минимуму. Так продолжалось до вступления на престол Карла XV в 1859 году. При нем значительно увеличился норвежский флот, а также расширилась география внешней торговли. Корабли под норвежским флагом можно было встретить в самых разных уголках планеты [23; 24, с. 530].

Развитию взаимовыгодных торгово-экономических отношений и сотрудничества в сфере рыболовства также способствовали торговые договоры, заключенные между Норвегией и Российской империей. Так, в феврале 1826 года в Санкт-Петербурге был подписан договор, в соответствии с которым отменялись таможенные пошлины на товары, поставлявшиеся с Русского Севера в Финнмарк. Это касалось зерна, муки, канатов, смолы, пеньки, разных строительных материалов и пр. Договорами 1834 и 1838 годов данные льготы были вновь подтверждены. В 1848 году власти рассматриваемых государств заключили договор о взаимном рыболовстве у побережья Норвегии. Между тем, как убедительно доказал Р.В. Пересадило, и норвежцы, и поморы зачастую действовали по собственному усмотрению, а не руководствовались законами и двусторонними договорами [18, с. 78–79]. Именно поэтому многие торговые операции и объемы рыбных промыслов оказывались вне контроля таможенных органов обоих государств. Реальные данные были значительно больше показателей, отраженных в официальной статистике. Все это способствовало тому, что Российская империя наряду с Великобританией, Соединенными Штатами Америки, Данией и Пруссией оставалась крупнейшим внешнеторговым партнером Норвегии на протяжении всего столетия.

Территориальная близость Финляндии и Кольского полуострова к Норвегии определяла тесные торгово-экономические связи между странами. Финнмарк особенно нуждался в российских товарах, прежде всего в продовольствии. Летний улов, добытый норвежцами в прибрежных водах Финн-

марка, практически полностью уходил на меновую торговлю с русскими. Рыбу меняли преимущественно на муку. В период с 1886 по 1890 год в среднем такой обмен оценивался в 3 233 000 норвежских крон [24, 25, с. 27]. В весеннее время норвежцы добывали мойву, палтуса, пикшу. В это время на промысле были заняты в среднем 16 895 чел. Из них 651 чел. – иностранцы (русские, финны и небольшое количество шведов). Летом у берегов Финнмарка норвежцы занимались промыслом трески. Этот улов также практически полностью выменивался на русскую муку. К указанному времени к берегам Норвегии прибывало большое количество российских торговых судов, которые двигались от одного становища к другому. Ежегодный средний улов трески в летнее и осеннее время в районе г. Хаммерфеста и в округе Мосьен оценивался в 1 104 000 крон. В этом промысле участвовали порядка 10 630 чел.

В 1888 году на промысел под дер. Киберг прибыло 88 русских кормщиков. В одном из дореволюционных источников читаем: «При меновой торговле с русскими цены на рыбу были весьма различны и зависели, прежде всего, от цен на муку в России и от скопления русских скупщиков в том или другом становище, равно как и от величины рыбы» [26, с. 28].

Кроме того, в определенное время норвежцы занимались промыслом акул, моржей, тюленей, белухи, белых медведей, оленей, а также гагачьего пуха. Для этого норвежцы отправлялись к берегам островов Шпицбергена и Новой Земли, а также к другим островам. Данные промыслы приносили норвежцам до 125 287 крон. Китобойный промысел (до 700 китов в год) оценивался в 699 850 крон. Наконец, важную роль в жизни северной провинции Норвегии играл промысел семги в устьях местных рек. Ежегодно вылавливалось до 26 887 кг семги на общую сумму 16 760 крон [26, с. 28]. Из Норвегии в Россию также экспортировались треска в сушеном и соленом виде, а также тресковая икра и рыбий жир [26, с. 146].

Важным центром российско-норвежской торговли был порт г. Тромсё. Промысловики из этого города с 20-х годов XIX века занима-

лись ловом рыбы от Новой Земли до берегов Канады. Ежегодно в данный порт прибывали торговые корабли из г. Архангельска. К середине века г. Тромсё стал одним из крупнейших центров арктической торговли и промыслов.

Другим центром российско-норвежской торговли был г. Хаммерфест. В летние месяцы здесь всегда находились русские торговцы, закупавшие рыбу и рыбопродукты. Как отмечалось в одном издании 1848 года, «Российское правительство прилагает огромные усилия для развития торговли с северными провинциями Норвегии, которые в основном снабжаются хлебом из этой страны» [20, с. 211]. Примечательно, что норвежцы переняли от русских некоторые традиции. Так, например, практически во всех селениях Финнмарка были русские бани.

Нередко поморов, находившихся на территории Норвегии, задерживали власти Финнмарка и отдавали под суд. В одном из источников читаем: «поморы решительно не видят никакой защиты своих интересов, так что в этом случае они совершенно представлены произволу местного начальства, вообще не слишком дружелюбного к русским, и честности тамошних купцов» [27; 28, с. 586]. Для решения подобных проблем предлагалось учредить российское консульство в Финнмарке, с помощью которого поморы могли обратиться за консульской защитой к российским дипломатам. Кроме того, отечественный консул мог бы предоставлять информацию: «какие именно товары в настоящем году более требуются в Финнмарке, каковы уловы рыбы и, вообще, виды на торговлю. Эти сведения должны быть сообщаемы через каждые две недели в первую половину лета, на что должна назначаться особая небольшая сумма сверх содержания консула. Без такого своевременного извещения поморы принуждены отправляться в Норвегию на авось» [27; 28, с. 586].

К началу 90-х годов XIX века на территории Финнмарка действовали фабрика для приготовления гуано, фабрика рыбной муки, 14 китоловных заводов, 51 салотопный завод и т. д. Часть продукции этих заводов экспортировалась в Российскую империю.

В Финнмарк и Россию из Швеции поступала балтийская сельдь – стремминг. Она была мельче, чем сельдь, добытая в Северном море, но не менее востребована на российском рынке. Н.Я. Данилевский отмечал: «Количество товаров, получаемых норвежскими рыболовами взамен их рыбы, и теперь уже удовлетворяет их потребностям, так что значительнейшие из наших поморских торговцев уже в настоящее время большую часть своего торга ведут на деньги с норвежскими купцами, а не меной с рыбопромышленниками» [27; 28, с. 591].

Отечественные предприниматели предлагали достичь соглашения с норвежскими властями о равных условиях промысла: например, разрешить подданным двух государств вести лов рыбы близ береговой линии в 10 миль, норвежцам – до входа в Кольскую губу, а поморам – до Вардегуса. Отчасти это было связано с тем, что норвежцы часто селились (временно) на Мурманском берегу для промысла, занимая лучшие становища. По словам Данилевского, они «стесняют наших рыбопромышленников или отнимают те места, в которых всего лучше могла бы основаться русская колонизация» [27; 28, с. 592]. Однако были и другие мнения по этому поводу. Некоторые отечественные исследователи полагали, что соседство русских и норвежцев на Мурманском берегу принесет определенную пользу. Например, поморы смогут перенять от норвежцев новые способы лова рыбы (например, удочкой на поддев), а также добычи акул и сайды, познакомятся с особым способом ночного лова крупной рыбы на трезубец или зазубренное копье. Для него норвежцы разводили на одном конце лодки огонь, привлекая рыбу. В Норвегии такой промысел назывался «эн листер» [28; 29, с. 155].

Практически до конца XIX века в Финнмарке норвежцы использовали парусные промысловые суда старинной конструкции, напоминавшие корабли викингов (заостренная корма и квадратные паруса). На таких судах норвежцы выходили на промысел трески [28; 29, с. 39]. Об его объемах можно судить по сведениям,

опубликованным в одном британском издании: на участке от Лафатенских островов до Финн-марка в 70-е годы добывалось до 50 млн шт. трески, а рекордным стал 1877 год, когда норвежские промысловики выловили 70 млн шт. трески [29; 30, с. 21].

Из данных *таблицы* видно, что ассортимент экспортируемой из Норвегии рыбы и рыбной продукции в начале 80-х годов XIX века был достаточно широким и приносил норвежцам значительный доход. Основными потребителями норвежской рыбы были Великобритания и Ирландия. На долю России приходилась незначительная часть экспорта, что объяснялось активным участием российских промысловиков в норвежском рыболовстве. Добытые ими рыба и морепродукты не отражались в норвежской экспортной статистике. Отрывочные сведения

об объемах российского промысла содержатся в отечественных и норвежских источниках.

Норвежское море в силу его природно-климатических условий было одним из важнейших ареалов европейского рыболовства. Здесь скапливались гигантские косяки рыбы. Прибрежные воды Норвегии являлись местом нереста трески и сельди, а фьорды – скопления молоди рыбы. Английский исследователь отмечал: «Норвежское побережье и море являются источником ресурсов величайшей важности... Сейчас можно сказать, что Норвегия взяла на себя ведущую роль в современной торговле рыбой, а также в рыбоводстве» [29; 30, с. 28].

Тесные связи Русского Севера с Норвегией в сфере рыболовства и торговли способствовали формированию уникального языка межнационального общения – руссенорска (пиджин).

Экспорт норвежской рыбной продукции в 1881 году [31, с. 27]

Norwegian fish exports in 1881 [31, p. 27]

Вид рыбной продукции	Масса, кг	Стоимость, £
Лосось	379 670	569 500
Скумбрия	1 820 210	365 800
Морская рыба	3 377 520	675 500
Треска слабосоленая	41 918 720	16 012 000
Сельдь соленая (весеннего и зимнего лова)	4 956 524	835 700
Сельдь летнего лова (жирная)	71 591 388	13 485 800
Килька	6 728 554	469 400
Сельдь исландская	9 740 790	1 359 200
Анчоусы	1 308 216	734 500
Лосось копченый	2 980	6 000
Сельдь копченая	354 109	113 300
Лобстер	500 900	400 800
Устрицы	6 800	6 800
Икра трески	6 330 000	1 091 900
Рыбий жир медицинский	882 291	681 700
Рыбий жир пищевой	1 164 267	704 200
Жир светлый из печени трески	1 839 354	905 100
Жир светло-коричневый из печени трески	2 898 717	1 208 400
Жир коричневый из печени трески	4 004 952	1 582 400

Этот язык позволял норвежцам, переселившимся на Мурманский берег для промысла, общаться с местным русским населением. В то же время поморские купцы, отправлявшиеся в Финнмарк для торговли, использовали руссенорск в торговых операциях. На улицах и в торговых лавках г. Вардё его можно было слышать повсюду. В целом же руссенорск использовался на огромном пространстве от Новой Земли до Лофотенских островов [30; 32, с. 140–151]. Особую категорию слов в данном языке составляла лексика из сферы рыболовства и торговли. Приведем пример из статьи И. Кажучика:

«Норвежец: Драсви, гаммель гу вен по моя. Твоя фиск купум?»

(Здравствуй, мой старый добрый друг. Ты покупаешь рыбу?)

Русский: Да. (Да)

Норвежец: Как прис? (По какой цене?)

Русский: Эн вога мукка, со ту вога треска. (За вог муки два вога трески.)» [31, с. 83; 32].

Расширение объемов рыболовства, освоение новых промыслов, модернизация рыболовецкого флота, приобщение к промыслам новых участников – все это способствовало повышению внимания исследователей и предпринимателей к изучению ихтиофауны Северного Ледовитого океана и северной части Атлантического океана.

Среди отраслей экономики Русского Севера рыболовство и добыча морского зверя занимали особое место. По сравнению с другими отраслями региональной экономики они не теряли своей значимости на протяжении всего рассматриваемого периода [15, с. 113]. По оценкам И.Ф. Штукенберга, различными видами рыбных промыслов в Белом море были заняты около 100 тыс. местных жителей [13, с. 29; 31; 33]. Между тем, по оценкам некоторых российских ученых, «торговля Норвегии с Мурманом более приносила прибыли норвежцам, а не русским» [15, с. 111]. Другие отечественные исследователи полагают, что «в России в торговле с Северной Норвегией, несмотря на ее меньший объем по сравнению с другими зарубежными госу-

дарствами, были заинтересованы достаточно широкие торговые круги» [34, с. 262]. Соответственно, проблемы торгово-экономического взаимодействия Норвегии и Российской империи в сфере рыболовства в рассматриваемый период носят дискуссионный характер. На наш взгляд, следует выделять два направления исследования: оценка ущерба, нанесенного отечественным промыслам наплывом норвежской рыбы и рыбопродуктов; осознание значимости торговли в Северной Норвегии для поморов.

Таким образом, на протяжении XIX века торгово-экономическое сотрудничество Российской империи и Норвегии в сфере рыболовства носило противоречивый характер. Отечественные и норвежские промысловики осуществляли вылов рыбы вдоль всего побережья Скандинавского и Кольского полуостровов, Архангельского края, а также близ островов Северного Ледовитого и северной части Атлантического океана. В этом отношении трудно не согласиться с утверждением отечественного исследователя Н.А. Голубцова, который писал: «Благодаря приморскому положению Архангельской губернии, множеству рек и озер и обилию рыбных богатств, промысел морской и речной рыбы составляет одно из самых производительных занятий местных жителей» [35, с. 1]. С одной стороны, свободное преодоление границы, возможность поселения норвежцев на Мурманском берегу, активная торговля поморов в Финнмарке, таможенные преференции – все это отвечало потребностям жителей приграничья, а также всей северной части Норвегии и Русского Севера. С другой стороны, значительный экспорт норвежской рыбы и рыбопродуктов в районы Русского Севера негативно отражался на состоянии отечественных промыслов. Между тем рыболовство и торговля рыбной продукцией на протяжении всего рассматриваемого периода сохраняли важнейшую роль в экономическом развитии как Норвегии, так и Русского Севера.

Список литературы

1. Давыдов Р.А. Русские на севере Норвегии в XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2025. 260 с.
2. Давыдов Р.А. Русские на севере Норвегии в XIX – начале XX вв.: Киберг // Вопр. истории. 2021. № 11–2. С. 91–107.
3. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 6: Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1862. 257 с.
4. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 7: Техническое описание рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1863. 111 с.
5. Smitt F.A. A History of Scandinavian Fishes. Part I. Stockholm, 1892. 566 p.
6. Thorson O. Ålesund 1848–1948: Økonomisk og kommunal historie; bind I: 1848–1904. Oslo, 1948. 458 s.
7. Fries B.F., Ekström C.U., Ekström C.U., Smitt F.A., Smitt F.A., Sundevall C.J., Sundevall C.J., von Wright W. A History of Scandinavian Fishes. Stockholm, 1892. 566 p.
8. Murray J. The Knapsack Guide to Norway. London, 1869. 207 p.
9. Stoddard J.L. Norway. Chicago, 1897. 119 p.
10. Шрадер Т.А. Взаимовлияние культур русских и норвежцев в период поморской торговли (XVIII–XIX вв.) // Кунсткамера. 2020. № 3(9). С. 141–147.
11. Самушин Д.Л. «Поморская торговля» и «русские поморы» с точки зрения российского государственного законодательства XIX века // Арктика и Север. 2014. № 15. С. 125–146.
12. Минаева Т.С., Гортер В. Поморское и норвежское освоение Шпицбергена в первой половине XIX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2013. № 4. С. 5–12.
13. Заозерский Д.С. Проекты по освоению Новой Земли и Шпицбергена в XIX – начале XX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 5–13.
14. Пересадило Р.В. Русско-норвежские отношения в материалах Государственного архива Архангельской области. Русский Север в документах архива. Архангельск, 1998. С. 72–89.
15. Пересадило Р.В. Российско-норвежские экономические отношения на Русском Севере (конец XVIII – начало XX вв.) // СПб. и страны Сев. Европы. 2005. № 6. С. 100–114.
16. Шкунов В.Н. Торговля Российской империи со скандинавскими странами в XVIII – XIX вв.: моногр. Ульяновск, 2011. 204 с.
17. Шкунов В.Н. Государственно-правовое регулирование внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX вв.: моногр. Ульяновск, 2012. 255 с.
18. Пересадило Р.В. Политика Российского государства и норвежское влияние на Русском Севере в XIX – начале XX в. // Полярные чтения на ледоколе «Красин». М., 2020. С. 76–88.
19. Подгаецкий Л.И. Мурманский берег. Его природа, промыслы и значение. СПб., 1890. 23 с.
20. Handbook for Northern Europe including Denmark, Norway, Sweden, Finland, and Russia. London, 1848. 346 p.
21. Гебель Г.Ф. Наша Лапландия. СПб., 1909. 314 с.
22. Крюков П. Архангельская губерния // Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России. СПб., 1853. С. 1–5.
23. Boyesen H.H. Keary C.F. Norway. London, 1900. 616 p.
24. Keary C.F. Norway and the Norwegians. London, 1896. 435 p.
25. Норвегия // Вестн. финансов, промышленности и торговли. 1895. Т. 3, № 27. С. 26–28.
26. Mohn H. Den Norske Nordhavs-Expedition. 1876–1878: Fiske. Christiania, 1880. 164 p.
27. Данилевский Н.Я. О мерах по обеспечению народного продовольствия на Крайнем Севере России // Сб. полит. и эконом. ст. Н.Я. Данилевского. СПб., 1890. С. 501–623.
28. Le Bas P. Historia de la Noruega. Barcelona, 1839. 61 p.
29. Walpole S. The British Fish Trade. London, 1883. 69 p.
30. Минаева Т.С., Карелин В.А. Языковые контакты поморов с норвежцами в ходе экспедиций на Шпицберген во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 140–151.
31. Wallem F.M. Notes on the Fish Supply of Norway. London, 1883. 37 p.

32. Кажучик И. Руссенорск, как спрек или моя по твоя // Избр. вопр. перевода, литературы, паремиологии, когнитивизма и лингв. прагматики. Щецин; Грайсфальд; СПб., 2021. С. 77–85.
33. Штукенберг И.Ф. Статистические труды И.Ф. Штукенберга: Архангельская губерния. Т. 1. СПб., 1858. С. 1–67.
34. Шрадер Т.А. Скандинавские чтения 2008 года. С торгом в Норвегу: Поморская торговля как фактор взаимодействия культур. СПб., 2010. С. 256–273.
35. Голубцов Н.А. Рыбные промыслы в Архангельской губернии. СПб., 1910. 18 с.

References

1. Davydov R.A. *Russkie na severe Norvegii v XIX – nachale XX v.* [Russians in Northern Norway in the 19th – early 20th Century]. Ekaterinburg, 2025. 260 p.
2. Davydov R.A. *Russkie na severe Norvegii v XIX – nachale XX vv.: Kiberg* [Russians in the North of Norway in the 19th – early 20th Centuries: Kiberg]. *Voprosy istorii*, 2021, no. 11–2, pp. 91–107.
3. *Issledovaniya o sostoyanii rybolovstva v Rossii. T. 6: Rybnye i zverinye promysly na Belom i Ledovitom moryakh* [Research on the State of Fishing in Russia. Vol. 6: Fishing and Hunting in the White and Arctic Seas]. St. Petersburg, 1862. 257 p.
4. *Issledovaniya o sostoyanii rybolovstva v Rossii. T. 7: Tekhnicheskoe opisanie rybnikh i zverinykh promyslov na Belom i Ledovitom moryakh.* [Research on the State of Fishing in Russia. Vol. 7: Technical Description of Fishing and Hunting in the White and Arctic Seas]. St Petersburg, 1863. 111 p.
5. Smitt F.A. *A History of Scandinavian Fishes. Part I.* Stockholm, 1892. 566 p.
6. Thorson O. *Ålesund 1848–1948: Økonomisk og kommunal historie; bind I: 1848–1904.* Oslo, 1948. 458 p.
7. Fries B.F., Ekström C.U., Ekström C.U., Smitt F.A., Smitt F.A., Sundevall C.J., Sundevall C.J., von. Wright W. *A History of Scandinavian Fishes.* Stockholm, 1892. 566 p.
8. Murray J. *The Knapsack Guide to Norway.* London, 1869. 207 p.
9. Stoddard J.L. *Norway.* Chicago, 1897. 119 p.
10. Shrader T.A. Vzaimovliyanie kul'tur russkikh i norvezhtsev v period pomorskoy trgovli (XVIII – XIX vv.) [Pomor Trade as a Factor of Mutual Cultural Interaction Between Russians and Norweigians (Eighteenth and Nineteenth Centuries)]. *Kunstkamera*, 2020, no. 3, pp. 141–147.
11. Samushin D.L. “Pomor Trade” and “Russian Pomors” In XIX Century. Russian State Legislation. *Arktika i Sever*, 2014, no. 15, pp. 125–146.
12. Minaeva T.S., Gorter V. The Pomor and Norwegian Trapping On Svalbard Spitsbergen in the First Half of the 19th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2013, no. 4, pp. 5–12.
13. Zaozerskiy D.S. Projects on Exploration of Novaya Zemlya and Spitsbergen in 19th – Early 20th Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2018, no. 6, pp. 5–13.
14. Peresadilo R.V. Russko-norvezhskie otnosheniya v materialakh Gosudarstvennogo arkhiva Arkhangel'skoy oblasti [Russian-Norwegian Relations in the Materials of the State Archive of the Arkhangelsk Region]. *Russkiy Sever v dokumentakh arkhiva.* Arkhangelsk, 1998, pp. 72–89.
15. Peresadilo R.V. Rossiysko-norvezhskie ekonomicheskie otnosheniya na Russkom Severe (konets XVIII – nachalo XX vv.) [Russian-Norwegian Economic Relations in the Russian North (Late 18th – Early 20th Centuries)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy*, 2005, no. 6, pp. 100–114.
16. Shkunov V.N. *Torgovlya Rossiyskoy imperii so skandinavskimi stranami v XVIII – XIX vv.* [The Trade of the Russian Empire with the Scandinavian Countries in the XVIII – XIX Centuries.]. Ul'yanovsk, 2011. 205 p.
17. Shkunov V.N. *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie vneshney trgovli Rossiyskoy imperii v XVIII – XIX vv.* [State-Legal Regulation of Foreign Trade of the Russian Empire in the XVIII – XIX Centuries.]. Ul'yanovsk, 2012. 255 p.
18. Peresadilo R.V. Politika Rossiyskogo gosudarstva i norvezhskoe vliyanie na Russkom Severe v XIX – nachale XX v. [The Policy of the Russian State and Norwegian Influence in the Russian North in the 19th and Early 20th Centuries.]. *Proceedings of the VIIth Scientific and Practical Conference Polyarnye chteniya – 2019*, 2020, pp. 76–88.
19. Podgaetskiy L.I. *Murmanskiy bereg. Ego priroda, promysly i znachenie.* [Murmansk Coast. Its Nature, Crafts and Significance]. St. Petersburg, 1890. 23 p.

20. *Handbook for Northern Europe Including Denmark, Norway, Sweden, Finland, and Russia*. London, 1848. 346 p.
21. Gebel' G.F. *Nasha Laplandiya*. [Our Lapland]. St Petersburg, 1909. 314 p.
22. Kryukov P. Arxangel'skaya guberniya [Arkhangelsk province]. *Ocherk manufakturno-promy'shlenny'x sil Evropejskoj Rossii*. St. Petersburg, 1853, pp. 1–5.
23. Boyesen H.H. Keary C.F. *Norway*. London, 1900. 616 p.
24. Keary C.F. *Norway and the Norwegians*. London, 1896. 435 p.
25. Norvegiya [Norway]. *Vestnik finansov, promy'shlennosti i trgovli*, 1895, vol. 3, no. 27, pp. 26–28.
26. Mohn H. *Den Norske Nordhavs-Expedition*. 1876–1878: Fiske. Christiania, 1880. 164 p.
27. Danilevskiy N.Ya. O merakh po obespecheniyu narodnogo prodovol'stviya na Kraynem Severe Rossii [On Measures to Ensure National Food in the Far North of Russia]. *Collection of Political and Economical Articles by Danilevskiy N.Ya.* St. Petersburg, 1890, pp. 501–623.
28. Le Bas P. *Historia de la Noruega*. Barcelona, 1839. 61 p.
29. Walpole S. *The British Fish Trade*. London, 1883. 69 p.
30. Minaeva T.S., Karelin V.A. Language Contacts of the Pomors with the Norwegians During Expeditions to Svalbard in the Second Half of the XVIII – First Half of the XIX Centuries. *Arktika i Sever*, 2020, no. 38, pp. 140–151.
31. Wallem F.M. *Notes on the Fish Supply of Norway*. London, 1883. 31 p.
32. Kazhuchik I. Russenorsk, kak spreki ili moye po tvoya [Russenorsk, Like a Spray or Mine by Yours]. *A Collection of Aticles Izbrannye voprosy perevoda, literatury, paremiologii, kognitivizma i lingvisticheskoy pragmatiki*. Shchetsin-Graysfal'd – St. Petersburg, 2021, pp. 77–85.
33. Shtukenberg I.F. *Statisticheskie trudy I.F. Shtukenberga: Arkhangelskaya guberniya*. [Statistical Works of I.F. Shtukenberg: Arkhangelsk Province.]. St. Petersburg, 1858, pp. 1–67.
34. Shrader T.A. *Skandinavskie chteniya 2008 goda. S torgom v Norvegu: Pomorskaya trgovlya kak faktor vzaimodeystviya kul'tur*. [Scandinavian Readings of 2008. With trade in Norway: Pomor Trade as a Factor of Cultural Interaction]. St. Petersburg, 2010, pp. 256–273.
35. Golubtsov N.A. *Rybnye promysly v Arkhangel'skoy gubernii*. [Fisheries in Arkhangelsk Province]. St. Petersburg, 1910. 18 p.

Информация об авторе

В.Н. Шкунов – доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Самарского федерального исследовательского центра Российской академии наук (адрес: 443001, г. Самара, пер. Студенческий, д. 3А).

Information about the author

Vladimir N. Shkunov, *Doct. Sci. (Hist.), Doct. Sci. (Pedagog), Prof., Leading Researcher, Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences* (address: *Studencheskiy per. 3A, Samara, 443001, Russia*).

Поступила в редакцию 09.09.2025

Одобрена после рецензирования 02.12.2025

Принята к публикации 04.12.2025

Submitted 9 September 2025

Approved after reviewing 2 December 2025

Accepted for publication 4 December 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 43–52.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 43–52.

Научная статья
УДК [81'42:81'38](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V512

Метафорическое моделирование образа Павла Дурова в русскоязычном и англоязычном медиадискурсах

Ибрагим Алиевич Курбанов

Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия,
e-mail: ibragimkurbanov@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0081-5360>

Аннотация. Данная статья посвящена сопоставительному когнитивному исследованию метафорических моделей, используемых в русскоязычных и англоязычных средствах массовой информации для формирования образа одной из самых противоречивых и обсуждаемых персон в медиaprостранстве – российского предпринимателя и основателя социальной сети «ВКонтакте» и мессенджера Telegram Павла Дурова. Цель статьи – выявление и описание метафорических моделей, концептуализирующих образ Павла Дурова в дискурсах российских и зарубежных медиа. Данное исследование опирается на положения теории концептуальной метафоры. В нем применяются методы сплошной выборки, компонентного и фреймового анализа, а также сопоставительный и статистический методы. В качестве материала используются тексты таких российских и зарубежных медиа, как РИА «Новости», «Коммерсантъ», The New York Times, The Guardian, Lenta.ru, CNN, Aljazeera.com и др., за период с 2018 по 2025 год. Сравнительный анализ выявил схожую тенденцию к преобладанию социоморфных метафор в обоих медиaprостранствах, но с разными коннотациями: в российских средствах массовой информации образ Дурова чаще негативный, а в зарубежных – противоречивый, сочетающий элементы героизации и критики. Метафорическое моделирование образа Павла Дурова в массмедиа служит мощным инструментом формирования общественного мнения, отражая не только реальные действия рассматриваемой персоны, но и культурные стереотипы, социальные ожидания и медийные тенденции. Результаты исследования подчеркивают важность критического подхода к интерпретации метафор в медиадискурсе, их роли в конструировании образов публичных фигур и медийных личностей и могут быть использованы в дальнейших исследованиях метафорического моделирования медиаобразов.

Ключевые слова: концептуальные метафоры, метафорическое моделирование, медиадискурс, Павел Дуров, медийный образ

Для цитирования: Курбанов И.А. Метафорическое моделирование образа Павла Дурова в русскоязычном и англоязычном медиадискурсах // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 43–52. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V512>

Original article

Metaphorical Modelling of the Image of Pavel Durov in the Russian and English Language Media Discourse

Ibragim A. Kurbanov

Moscow Technical University of Communication and Informatics, Moscow, Russia,
email: ibragimkurbanov@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0081-5360>

Abstract. This article carries out a comparative cognitive study of metaphorical models used in the Russian and English language media to shape the image of Russian entrepreneur and founder of the social platforms “VKontakte” and Telegram Pavel Durov. The aims of this study are to identify and describe metaphorical models used to conceptualize the image of Pavel Durov in Russian and foreign media discourse. This research is based on the provisions of the conceptual metaphor theory and includes the methods of continuous sampling, component and frame analysis, as well as comparative and statistical methods. The primary research material includes metaphors that depict the activities of Pavel Durov presented in foreign and Russian media texts published in RIA Novosti, Kommersant, The New York Times, The Guardian, Lenta.ru, CNN, Aljazeera.com, etc. from 2018 to 2025. The analysis conducted has shown the similar tendency of sociomorphic metaphors’ predominance in both media but with different connotations: Russian language media texts tend to depict a negative image of Pavel Durov while English language media reveal him as a contradictory image combining the elements of glorification and criticism. Metaphorical modelling of the image of Pavel Durov in the Russian and English language media represents itself as a powerful tool of shaping public opinion by reflecting not only Durov’s real deeds but also some cultural stereotypes, social expectations and media tendencies. The obtained results underline the importance of a critical approach towards metaphors interpretation in media discourse, their role in shaping public personalities’ images and may be useful in conducting further research of media images’ metaphorical modelling.

Keywords: *conceptual metaphors, metaphorical modelling, media discourse, Pavel Durov, media image*

For citation: Kurbanov I.A. Metaphorical Modelling of the Image of Pavel Durov in the Russian and English Language Media Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 43–52. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V512>

Введение. Дискурс – ключевое понятие современной лингвистики, однако его определение остается дискуссионным. По словам Г.Н. Манаенко, «термин “дискурс” с самого начала своего появления всеми учеными применялся для исследования и описания явлений, относящихся к речи (в смысле сосюровской дихотомии язык – речь)» [1, с. 50]. Следует добавить, что нидерландский ученый, профессор Т. ван Дейк подчеркивает, что его видение понятия «дискурс» несколько отличается от общепри-

нятого, и указывает на междисциплинарность своего подхода, говоря «мой подход <...> сочетает в себе анализ лингвистических, когнитивных, социальных и культурных аспектов текста и выступления в контексте, и делает это с критической социально-политической точки зрения» [2, с. 193].

Особый интерес для настоящего исследования представляет термин «медиадискурс», который, по нашему мнению, включает не только тексты средств массовой информации (СМИ),

но и их аудиторию, каналы передачи и социальные условия. Медиадискурс играет ключевую роль в формировании общественного мнения через тексты различных жанров [3].

Г.Н. Манаенко выделяет такие черты медиадискурса, как публичность, массовость и диссенси-ориентированность, т. е. стремление создавать противоречия для привлечения внимания [1, с. 56]. В цифровую эпоху медиадискурс трансформируется, охватывая интернет-коммуникацию и социальные сети. При этом формирование медиаобраза происходит под влиянием двух ключевых факторов: с одной стороны, его конструируют СМИ через отбор и подачу информации, а с другой – сами пользователи Интернета, которые интерпретируют и переосмысливают медиаконтент [4, с. 75]. Проблема концептуализации медийных личностей поднимается в различных лингвистических публикациях как отечественных, так и зарубежных авторов [5–8]. Для настоящего исследования наибольший интерес представляют работы, посвященные метафорическому моделированию медиаобразов [9–12].

Важным аспектом медиадискурса является его прагматическая направленность. Метафора, как один из ключевых инструментов, позволяет не только структурировать информацию, но и влиять на восприятие адресата. Концептуальная метафора – центральная тема когнитивной лингвистики, изучающей связь языка и мышления. Основы теории концептуальной метафоры заложили Дж. Лакофф и М. Джонсон, которые предложили модель проекции знаний из сферы-источника в сферу-мишень [13].

В рамках современной когнитивной лингвистики, развиваемой такими исследователями, как Дж. Лакофф, М. Джонсон, А.П. Чудинов, Э.В. Будаев и др., метафора трактуется как фундаментальная мыслительная операция [14–16]. Она играет ключевую роль в познавательных процессах, в т. ч. в категоризации, концептуализации и интерпретации действительности. Концептуальная метафора возникает в результате метафоризации, также именуемой «метафорической экспансией» или «проекцией».

Этот процесс предполагает установление ассоциативных связей между двумя фреймами (концептуальными областями). В ходе метафоризации происходит трансформация восприятия объекта: одни концепты уточняются за счет других, что позволяет осмыслить неизвестное через известное [17, с. 26].

Цель статьи – выявление и описание метафорических моделей, концептуализирующих образ Павла Дурова в дискурсах российских и зарубежных СМИ.

Объектом исследования является концептуальная метафора в русскоязычном и англоязычном медиадискурсах, используемая для формирования образа Павла Дурова – основателя мессенджера Telegram и социальной сети «ВКонтакте». Актуальность и новизна данной работы объясняются отсутствием описания современной метафорической парадигмы образа Павла Дурова в культурных контекстах российского и зарубежного медиапространств, а также повышением интереса к изучению медиадискурса и метафорики как неотъемлемых частей формирования национальной картины мира.

Под метафорической парадигмой мы понимаем совокупность метафорических моделей (М-моделей), составляющих репрезентативное единство анализируемого объекта и функционирующих в определенный временной период [11, с. 55]. М-модели – это устойчивые структуры, формирующиеся при объединении когнитивных метафор одного типа. Как отмечает А.П. Чудинов, М-модель представляет собой связь между понятийными системами двух взаимодействующих фреймов, существующую в сознании носителей языка [18]. Сравнительный анализ М-моделей позволяет понять их роль в формировании общественного мнения и воздействии на аудиторию. Система М-моделей является ключевым элементом национальной языковой картины мира и ментальности народа. Она тесно связана с историей и актуальными социально-политическими условиями.

Для анализа метафорических моделей, формирующих образ Павла Дурова, применяется классификация, предложенная А.П. Чудино-

вым [18, с. 57]. Она включает четыре основных разряда метафор, каждый из которых обладает уникальными характеристиками:

- *антропоморфная метафора* – политическая и социальная реальность моделируется по образу и подобию человека. Исходными понятиями сферами являются «Анатомия», «Физиология», «Болезни», «Семья» и др.;

- *природоморфная метафора* – образ рассматриваемого объекта представляется через призму природных явлений, включая «Мир животных» и «Растительный мир»;

- *социоморфная метафора* – образ моделируется через другие сферы социальной деятельности, такие как «Преступность», «Война», «Театр»;

- *артефактная метафора* – образ ассоциируется с объектами, созданными человеком, такими как «Дом», «Книга», «Инструменты».

Теоретическая значимость работы заключается в развитии методики сопоставительного анализа метафорических моделей в различных медиадискурсах. Полученные результаты могут использоваться в дальнейших исследованиях метафорического моделирования образов публичных фигур. Практическая значимость данной статьи состоит в возможности применения ее результатов в преподавании лингвистических дисциплин, таких как когнитивная лингвистика, медиалингвистика и межкультурная коммуникация. Материалы исследования также могут быть полезны журналистам, политологам и специалистам по связям с общественностью для анализа и коррекции медиаобразов.

Материалы и методы. Методология данной работы основана на подходах когнитивной лингвистики и медиадискурса. Используются следующие методы: метод сплошной выборки для отбора релевантных текстов из российских и зарубежных СМИ, компонентный и фреймовый анализ для выявления структурных элементов метафор и их роли в формировании образа, сопоставительный метод для сравнения метафорических моделей в русскоязычном и англоязычном медиадискурсах, статистиче-

ский метод для систематизации и визуализации данных, включая распределение метафор по основным сферам-источникам.

Материал исследования включает тексты новостных статей и публикаций в российских и зарубежных СМИ, таких как РИА «Новости», «Коммерсантъ», The New York Times, The Guardian, Lenta.ru, CNN, Aljazeera.com и др., за период с 2018 по 2025 год, содержащие метафоры, описывающие деятельность и личность Павла Дурова. Общий объем выборки составил 500 случаев употребления метафорических единиц русскоязычных СМИ и 500 случаев употребления метафорических единиц англоязычных СМИ в 970 контекстах, из них на российские СМИ приходится 457 контекстов, а на зарубежные – 443.

Результаты. Анализ демонстрирует, что в медийном образе Павла Дурова преобладают социоморфные и антропоморфные метафоры, которые часто имеют негативную коннотацию. Это отражает сложность и противоречивость его медийного образа, а также влияние культурных и социальных контекстов на восприятие публичной личности.

Проведем сопоставительный анализ метафорических моделей в субсферах «Социум», «Человек», «Природа» и «Артефакты», используемых в дискурсах российских и зарубежных СМИ.

Субсфера «Социум»

В рамках социоморфной метафоры, которая представлена 310 метафорическими единицами русскоязычного медиадискурса и 315 метафорическими единицами англоязычного медиадискурса, образ Павла Дурова в российских и зарубежных СМИ формируется через несколько ключевых моделей, отражающих его роль в технологической и общественной сферах. Наиболее ярко выраженными являются криминальная, милитарная и театральная метафоры, которые создают противоречивый образ Дурова – от правонарушителя до героя цифровой эпохи.

В российском медиадискурсе криминальная метафора нередко используется для акцентирования негативных аспектов деятельности

Дурова. Например, фраза «Сейчас Дурова *перевели под полицейский надзор*»¹ подчеркивает образ потенциального правонарушителя, находящегося под контролем правоохранительных органов. В зарубежных СМИ криминальная метафора также доминирует, однако с акцентом на глобальные последствия действий Павла Дурова: “To his detractors, he is a villain for abetting criminal activity”². В данном примере Дуров представлен как злодей, сознательно способствующий осуществлению преступлений, что усиливает его негативный имидж в международном пространстве.

Милитарная метафора формирует образ Дурова как участника конфликта. В российских СМИ он нередко изображается как «мишень»: «Дуров – это *мишень, на которую нацелены обвинения*»³. Такая метафора подчеркивает его уязвимость перед давлением властей и судебными органами. В дискурсе зарубежных СМИ с помощью милитарной метафоры описывается противостояние Дурова государственной власти: “But Durov’s relationship with the Kremlin turned adversarial much quicker than Zuckerberg’s did with Washington”⁴. Здесь Павел Дуров выступает как противник системы, что усиливает его образ борца за свободу.

Театральная метафора раскрывает Дурова как персонажа, играющего различные роли. В российских СМИ он предстает то как «герой/персонаж», то как «шут»: «Долгое время ос-

нователю Telegram удавалось создавать *образ загадочного холостяка*, ведущего аскетичную жизнь»⁵. Эта метафора подчеркивает его способность управлять публичным восприятием и создавать определенный образ. В зарубежных медиа театральная метафора приобретает мифологизированный характер: ““Internet prophet”: arrest of Telegram CEO could strengthen heroic image”⁶. Образ «интернет-пророка» (“Internet prophet”) мифологизирует фигуру Дурова, приписывая ему почти мессианские качества предвидения цифрового будущего.

Таким образом, социоморфные метафоры создают многогранный образ Павла Дурова. В зависимости от культурного и политического контекста он воспринимается то как «преступник», то как «цифровой мессия».

Субсфера «Человек»

Антропоморфная метафора, представленная 110 метафорическими единицами русскоязычного медиадискурса и 95 метафорическими единицами англоязычного медиадискурса, хотя и характеризуется наличием меньшего количества метафорических образов по сравнению с социоморфной метафорой, но некоторые ее модели все же позволяют ярко выразить ключевые аспекты образа исследуемой медийной личности. Одной из таких является метафора «ПАВЕЛ ДУРОВ – ЭТО БОЛЕЗНЬ», которая подчеркивает негативное влияние его идей на развитие технологической индустрии.

¹ Дело Павла Дурова: заказ или правосудие? // Lenta.ru. 2024. 20 сент. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/09/20/judge> (дата обращения: 17.10.2024).

² Pavel Durov and the limits of free speech // Financial Times 2024. 9 авг. URL: <https://www.ft.com/content/45637861-a89e-4fea-979c-36993d8a6116> (дата обращения: 10.02.2025).

³ Дуров как мишень: новые подробности дела // Lenta.ru. 2024. 9 сент. URL: <https://lenta.ru/news/2024/09/09/raskryty-novye-podrobnosti-dela-durova/> (дата обращения: 28.10.2024).

⁴ A Russian Elon Musk with 100 biological children: Meet Pavel Durov // CNN. 2024. 26 авг. URL: <https://edition.cnn.com/2024/08/26/tech/pavel-durov-telegram-profile-intl/index.html> (дата обращения: 12.02.2025).

⁵ Потеря ребенка, любовь к голым фото и слухи о работе на «Моссад». Что еще известно о новой возлюбленной Павла Дурова? // Lenta.ru. 2024. 11 нояб. URL: <https://lenta.ru/news/2024/11/11/super-dama-durova/> (дата обращения: 15.01.2025).

⁶ Pavel Durov Arrest Tracker // Tech Policy Press 2024. 30 авг. URL: <https://www.techpolicy.press/pavel-durov-arrest-tracker/> (дата обращения: 10.02.2025).

Например, в российском медиадискурсе можно встретить следующую метафорическую единицу: «Идеи Дурова тормозят рост компании, как болезнь останавливает развитие организма»⁷. Эта метафора создает образ разрушительной силы, воспринимаемой критически и оказывающей негативное влияние. В дискурсе зарубежных СМИ аналогичная модель «DUROV IS A VIRUS» (Дуров – это вирус) усиливает ассоциацию его идей с заразой и опасностью: «Durov is a digital dopamine dealer, hooking millions on Telegram's instant gratification»⁸. Такой образ подчеркивает системное и потенциально вредное влияние инноваций и действий Павла Дурова на общество.

Метафорическая модель «ДУРОВ – ЭТО СЕРДЦЕ» в российских СМИ отражает энергию и амбиции Павла Дурова: «В каждой новости о Дурове слышен пульс его амбиций»⁹. В зарубежном медиадискурсе данная идея развивается физиологической метафорой «DUROV IS AN AORTA» (Дуров – это аорта), подчеркивающей его центральную роль в технологической экосистеме: «Cryptocurrency flows through Telegram's bloodstream, with Durov as the aorta»¹⁰. В такой модели Дуров воспринимается как важнейший «кровеносный сосуд», обеспечивающий жизнеспособность и функционирование цифровых процессов.

Проведенный анализ показывает, что в рамках антропоморфной метафоры в российском медиадискурсе преобладают метафоры, связанные с болезнями (57 метафорических единиц из 110), что отражает критический на-

строй по отношению к образу Дурова. В противоположность этому зарубежные медиа чаще используют метафоры, подчеркивающие его системообразующую роль и функциональную значимость, что свидетельствует о более нейтральном или позитивном восприятии в глобальном контексте. Таким образом, антропоморфные метафоры формируют многогранный образ Павла Дурова – от разрушителя и источника опасности до создателя и системного лидера. В российских источниках акцент делается на противоречивых аспектах его влияния, в то время как зарубежные СМИ подчеркивают его роль как важного игрока в глобальной технологической экосистеме.

Субсфера «Природа»

В рамках природоморфной метафоры, представленной 30 метафорическими единицами русскоязычного медиадискурса и 40 метафорическими единицами англоязычного медиадискурса, образ Павла Дурова моделируется через ассоциации с природными явлениями, животными и растениями. Эти метафоры подчеркивают его уникальность, силу, устойчивость, а и иногда разрушительное влияние.

В российском медиадискурсе одной из наиболее распространенных является метафорическая модель «ДУРОВ – ЭТО ПТИЦА»: «Некоторые эксперты сейчас обсуждают идею организовать Павлу Дурову дерзкий побег на территорию России, где он сможет расправить крылья»¹¹. В данном контексте подчеркивается стремление Дурова к свободе и независимости. В зарубежном медиадискурсе также

⁷Депутат Горелкин: арест Дурова направлен на замедление роста Telegram // Дума ТВ. 2024. 29 авг. URL: <https://dumatv.ru/news/deputat-gorelkin--arest-durova-napравlen-na-zamedlenie-rosta-telegram> (дата обращения: 26.01.2025).

⁸Inside the bust that took down Pavel Durov – and upended Telegram // WIRED. 2025. 4 февр. URL: <https://www.wired.com/story/pavel-durov-arrest-telegram-content-moderation/> (дата обращения: 10.02.2025).

⁹Феномен Павла Дурова: Как один человек изменил правила игры // VC.ru. 2025. 17 февр. URL: <https://vc.ru/hr/1435883-fenomen-pavla-durova-kak-odin-chelovek-izmenil-pravila-igry> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁰Telegram CEO Durov plans to build crypto wallets, decentralized exchange // CoinDesk. 2022. 30 нояб. URL: <https://www.coindesk.com/business/2022/11/30/telegram-ceo-durov-plans-to-build-crypto-wallets-decentralized-exchange> (дата обращения: 10.02.2025).

встречаются различные зооморфные метафоры. Рассмотрим метафорическую модель «DUROV IS A FOX» (Дуров – это лиса): “Durov, the cunning fox of the tech world, has outmaneuvered Russian authorities time and again”¹². Эта метафора подчеркивает его хитрость, стратегическое мышление и умение миновать препятствия, что развивает образ Дурова как человека, способного обходить сложности благодаря своей сообразительности.

В российских СМИ прослеживается фитоморфная (растительная) метафора в модели «ДУРОВ – ЭТО БОРЩЕВИК»: «Дуров – это человеческий эквивалент борщевика»¹³. Борщевик символизирует агрессивность, выносливость и способность к активному воздействию на окружающую среду. Этот образ создает представление о Дурове как фигуре, которая, несмотря на препятствия, активно влияет на свою среду и демонстрирует устойчивость. В дискурсе зарубежных СМИ функционирует похожая модель «DUROV IS A WEED» (Дуров – это сорняк): “To governments trying to control the internet, Durov is a weed that keeps growing back”¹⁴. Эта метафора подчеркивает его неуязвимость, способность к адаптации и постоянному росту, несмотря на попытки подавления. Она создает образ человека, которого трудно уничтожить и который продолжает бороться за свою свободу и независимость.

Таким образом, природоморфные метафоры помогают сформировать образ Павла Дурова как сильной, устойчивой и иногда разрушительной силы, связанной с природными

явлениями. Метафоры подчеркивают его уникальность и способность преодолевать сложности.

Субсфера «Артефакты»

В рамках артефактной метафоры, представленной 50 метафорическими единицами русскоязычного медиадискурса и 50 метафорическими единицами англоязычного медиадискурса, выделяется метафорическая модель «ДУРОВ – ЭТО МЕХАНИЗМ», которая широко используется в российских и зарубежных СМИ для описания образа основателя «ВКонтакте» и Telegram. Метафоры, относящиеся к данной модели, представляют Дурова как изобретателя технологий, а также акцентируют его влияние на общество через созданные человеком объекты.

Так, в дискурсе российских СМИ популярна модель «ТЕХНОЛОГИИ ДУРОВА – ЭТО ИНСТРУМЕНТ»: «Технологии, разработанные Дуровым, – это *ключевые инструменты* в цифровой эпохе»¹⁵. Эта метафора подчеркивает значимость его продуктов как элементов в информационной инфраструктуре. В зарубежном медиадискурсе также существует схожая метафорическая модель. Например: “Durov is the invisible engine behind Telegram’s rise, a coder who operates in the shadows while the app dominates markets”¹⁶. В данном случае артефактная метафора «двигатель» представляет Павла Дурова как скрытую силу, обеспечивающую работу всей системы Telegram, что усиливает образ Дурова как «невидимого архитектора» цифровой эпохи.

¹¹ Депутат Горелкин: арест Дурова направлен на замедление роста Telegram.

¹² Inside the bust that took down Pavel Durov – and upended Telegram.

¹³ Главные мемы 2024 года: о чем чаще всего шутили в сети // Lenta.ru. 2024. 19 сент. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/09/19/glavnye-memy-2024-goda/> (дата обращения: 14.01.2025).

¹⁴ Durov’s Arrest Highlights Russia’s Love-Hate Bond with Telegram // Bloomberg News. 2024. 28 авг. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-08-28/telegram-durov-s-arrest-in-france-highlights-russia-s-dubious-bond-with-platform> (дата обращения: 15.01.2025).

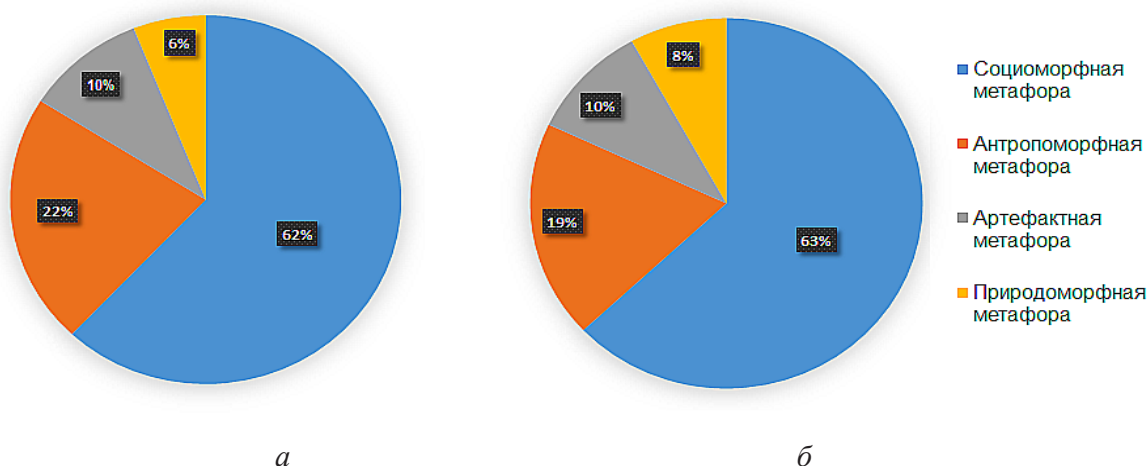
¹⁵ Николай и Павел Дуровы. История создания Telegram // AntovaLifestyle. 2024. 25 авг. URL: <https://antovallifestyle.ru/2024/08/07/pavel-durov/> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁶ Durov’s Arrest Highlights Russia’s Love-Hate Bond with Telegram.

Таким образом, метафоры, связанные с артефактами и объектами, помогают создать образ Дурова как инноватора, архитектора и современного технологического символа, а также позволяют понять его роль в глобальной цифровой инфраструктуре и возможных политических контекстах.

Рассмотрим статистическое сопоставление метафор выборки. *Рисунок* иллюстрирует распределение концептуальных метафор, формирующих образ Павла Дурова, по ведущим сферам-источникам в текстах российских и зарубежных СМИ.

социоморфных метафор в обоих медиапространствах, но с разными коннотациями: в российских СМИ образ Дурова чаще негативный, а в зарубежных – противоречивый, сочетающий элементы героизации и критики. Остальные сферы-источники демонстрируют культурно обусловленные различия в восприятии его личности. Метафоры в обоих дискурсах служат инструментом для создания многогранного, но зачастую неоднозначного образа Павла Дурова. В дискурсе российских СМИ акцент делается на его связи с криминальной деятельностью и

Сферы-источники метафорической экспансии в российских (а) и зарубежных (б) СМИ на примере медийного образа Павла Дурова
Source spheres of metaphoric expansion in Russian (a) and foreign (b) mass media: the case of the media image of Pavel Durov

Сравнительный анализ статистических данных вышеуказанных диаграмм показывает, что наиболее частотными в обоих дискурсах являются социоморфные метафоры сферы-источника «Социум». Антропоморфные метафоры сферы-источника «Человек» занимают второе место, артефактные метафоры сферы-источника «Артефакты» – третье место, а наименее частотными оказываются природоморфные метафоры сферы-источника «Природа».

Вывод. Сравнительный анализ выявил схожую тенденцию к преобладанию

изолированности, в то время как в зарубежных – на его роли в технологической индустрии.

Таким образом, метафорическое моделирование образа Павла Дурова в СМИ служит мощным инструментом формирования общественного мнения, отражая не только его реальные действия, но и культурные стереотипы, социальные ожидания и медийные тенденции. Результаты исследования подчеркивают важность критического подхода к интерпретации метафор в медиадискурсе и их роли в конструировании образов публичных фигур и медийных личностей.

Список литературы

1. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Баженовой. Т. 12. Пермь, 2008. С. 48–61.
2. van Dijk T.A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London, 1998. 365 p.
3. Медиадискурс в современной лингвистической парадигме: сравнительно-сопоставительный аспект: моногр. / Е.В. Сажина [и др.]; под общ. ред. Е.В. Сажинной. Гомель, 2021. 165 с.
4. Горбаль Д.Э. Современные подходы к феномену медиаобраза // Наука и образование сегодня. 2020. № 11(58). С. 72–75.
5. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2013. № 11(160). С. 91–94.
6. Драчева Ю.Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2019. № 2(98). С. 134–146.
7. Корженева О.В. Медиаобразы в массовой политической коммуникации // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Язык и литература. 2013. № 1. С. 218–226.
8. Cotter C. *Discourse and Media. The Handbook of Discourse Analysis*. 2015. 821 p.
9. Гулагаев И.Н., Курбанов И.А. Сопоставительный анализ образа Турции в медийном и художественном дискурсах на русском и английском языках // Полит. лингвистика. 2024. № 4(106). С. 156–166.
10. Калантарян Г.А., Курбанов И.А., Нахимова Е.А. Метафорическое моделирование образа премьер-министра Республики Армении Никола Пашиняна в русскоязычных, армяноязычных и англоязычных СМИ: сопоставительный аспект // Полит. лингвистика. 2025. № 5(113). С. 81–92.
11. Курбанов И.А., Ламазаева А.Ж. Метафорическое моделирование образа Евгения Касперского в российских и англоязычных средствах массовой информации // Полит. лингвистика. 2025. № 1(109). С. 84–90.
12. Nguyen Vi-Thong. A Comparative Analysis on Metaphoric Strategies in Presidential Inaugurals of Barack Obama and Donald Trump // Stud. Linguist. 2018. P. 157–179.
13. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980. 242 p.
14. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: моногр. М., 2008. 248 с.
15. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): моногр. Екатеринбург, 2001. 238 с.
16. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопр. когнит. лингвистики. 2007. № 4(013). С. 55–57.
17. Рофиева Г.Ю. Когнитивно-семантическая классификация метафор // Вестн. науки и образования. 2020. № 2-3(80). С. 24–29.
18. Малагин Д.В., Курбанов И.А. Метафорическое моделирование образа президента США Джо Байдена в англоязычном политическом медиадискурсе // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 55–65. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V305>

References

1. Manaenko G.N. Diskurs v ego otnoshenii k rechi, tekstu i yazyku [Discourse in Relation to Speech, Text, and Language]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste*, 2008, vol. 12., pp. 48–61.
2. Van Dijk T.A. *Ideology. A Multidisciplinary Approach*. London, 1998, 365 p.
3. Sazhina E.V. *Mediadiskurs v sovremennoy lingvisticheskoy paradigme: sravnitel'no-sopostavitel'nyy aspekt* [Media Discourse in the Modern Linguistic Paradigm: a Comparative Aspect]. Gomel', 2021. 165 p.
4. Gorbali' D.E. *Sovremennye podkhody k fenomenu mediaobraza* [Modern Approaches to the Phenomenon of Media Image]. *Nauka i obrazovanie segodnya*, 2020, no. 11, pp. 72–75.
5. Galinskaya T.N. *Ponyatie mediobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoy lingvistike* [The Concept of Media Image and the Problem of its Reconstruction in Modern Linguistics]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 11, pp. 91–94.
6. Dracheva Yu.N. *Ponyatie mediobraza i ego opisaniye v yazykovedcheskom i neyazykovedcheskom aspektakh* [The Concept of Media Image and its Description in Linguistic and Non-Linguistic Aspects]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 2, pp. 134–146.

7. Korzheneva O.V. Mediaobrazy v massovoy politicheskoy kommunikatsii [Media Images in Mass Political Communication]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2013, no. 1, pp. 218–226.
8. Cotter C. *Discourse and Media. The Handbook of Discourse Analysis*. 2015. 821 p.
9. Gulagaev I.N., Kurbanov I.A. Sopostavitelny analiz obraza Turtsii v mediynom i khudozhestvennom diskursakh na russkom i angliyskom yazykakh [The Comparative Analysis of the Image of Turkey in the Russian and English Media and Literary Discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, 2024, no. 4, pp. 156–166.
10. Kalantaryan G.A., Kurbanov I.A., Nakhimova E.A. Metaforicheskoe modelirovanie obraza prem'er-ministra Respubliki Armeniya Nikola Pashinyana v ruskoyazychnykh, armyanoyazychnykh i angloyazychnykh SMI: sopostavitelnyy aspekt [Metaphorical Modeling of the Image of Armenian Prime Minister Nikol Pashinyan in the Russian-, Armenian- and English-Language Media: a Comparative Study]. *Politicheskaya lingvistika*, 2025, no. 5, pp. 81–92.
11. Kurbanov I.A., Lamazaeva A.Zh. Metaforicheskoe modelirovanie obraza Evgeniya Kasperskogo v rossiyskikh i angloyazychnykh sredstvakh massovoy informatsii [Metaphorical Modeling of the Image of Evgeniy Kasperskiy in the Russian- and English-language media]. *Politicheskaya lingvistika*, 2025, no. 1, pp. 84–90.
12. Nguyen Vi-Thong. A Comparative Analysis on Metaphoric Strategies in Presidential Inaugurals of Barack Obama and Donald Trump. *Stud. Linguist.*, 2018, pp. 157–179.
13. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980. 242 p.
14. Budaev E.V., Chudinov A.P. *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* [Metaphor in Political Communication]. Moscow, 2008. 248 p.
15. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, 2001. 238 p.
16. Chudinov A.P., Budaev E.V. Kognitivnaya teoriya metafory na sovremennom etape razvitiya [Cognitive Theory of Metaphor at the Present Stage of Development]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2007, no. 4, pp. 55–57.
17. Rofieva G.Yu. Kognitivno-semanticheskaya klassifikatsiya metafor [Cognitive-Semantic Classification of Metaphors]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 2020, no. 2-3, pp. 24–29.
18. Malagin D.V., Kurbanov I.A. Metaphorical Modeling of the Image of the US President Joe Biden in English-Language Political Media Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 55–65. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V305>

Информация об авторе

И.А. Курбанов – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Московского технического университета связи и информатики (адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 8А).

Information about the author

Ibragim A. Kurbanov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Moscow Technical University of Communication and Informatics (address: ul. Aviamotornaya 8A, 111024, Moscow, Russia).

Поступила в редакцию 23.08.2025
Одобрена после рецензирования 15.12.2025
Принята к публикации 17.12.2025

Submitted 23 August 2025
Approved after reviewing 15 December 2025
Accepted for publication 17 December 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 53–60.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 53–60.

Научная статья
УДК 81'42(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V513

Средства позитивной эмотивности стратегии убеждения в текстах экологического дискурса (на материале англоязычного интернет-издания The Ecologist)

Татьяна Владимировна Лопашенкова

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия,
e-mail: bamh@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0835-8984>

Аннотация. В современном мире, где антропогенная нагрузка на окружающую среду все сильнее обостряет глобальные экологические проблемы, особую актуальность приобретает поиск эффективных инструментов преодоления экологического кризиса, в т. ч. на уровне коммуникации. Поэтому все более востребованным становится изучение экологического дискурса, который помогает сформировать экологическое сознание социума, выявляя связь между словами, действиями и состоянием экосистемы. Цель исследования – анализ особенностей функционирования средств позитивной эмотивности категории «пафос» стратегии убеждения в текстах англоязычного медийного экологического дискурса. Осуществляется краткий обзор научных работ, посвященных проблематике данного типа дискурса. Проводится интерпретация набора языковых средств, используемых авторами текстов статей из англоязычного интернет-издания The Ecologist, являющегося авторитетным журналом, который специализируется на вопросах экологической тематики. Выделяются три коммуникативные тактики, служащие средством реализации категории «пафос» стратегии убеждения посредством положительного эмоционального окрашивания сообщения, а именно: декларация позитивной оценки, декларация позитивного прогноза, демонстрация положительных результатов деятельности. Наряду с характерным для всех выявленных тактик функционированием лексики с положительной коннотацией, зафиксированы специфические особенности, присущие каждой из них. Так, для декларации позитивной оценки свойственно использование приема противопоставления, для декларации позитивного прогноза – употребление языковых средств, относящих высказывание к плану будущего, которые будут различаться в зависимости от степени уверенности автора в своем прогнозе, для демонстрации положительных результатов деятельности – доминирование наиболее экспрессивных среди всех представленных тактик языковых средств, в т. ч. фразеологизмов.

Ключевые слова: лингвопрагматика, экологический дискурс, стратегия убеждения, пафос, тактика декларации позитивной оценки, тактика декларации позитивного прогноза, тактика демонстрации положительных результатов деятельности, англоязычный медиадискурс

Для цитирования: Лопашенкова Т.В. Средства позитивной эмотивности стратегии убеждения в текстах экологического дискурса (на материале англоязычного интернет-издания The Ecologist) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 53–60. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V513>

Original article

Means of Positive Emotiveness of Persuasion Strategy in Environmental Discourse Texts (Based on the Materials of the Online Media Outlet *The Ecologist*)

Tatyana V. Lopashenkova

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia,

e-mail: bamh@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0835-8984>

Abstract. Nowadays, when anthropogenic pressure on the environment is increasingly exacerbating global environmental problems, the need for effective tools to overcome the environmental crisis, including through communication, is particularly important. In this regard, the study of environmental discourse, which helps shape social environmental awareness by identifying the connections between words, actions, and the state of the ecosystem, is becoming increasingly important. The aim of this study is to analyze environmental media discourse from a linguopragmatic perspective, identifying and systematizing the set of positively emotive linguistic means used in implementing communicative tactics within the «pathos» category of persuasive strategies. A brief review of scholarly works devoted to this type of discourse is provided. An interpretation of the linguistic tools used by the authors of the articles from the online media outlet *The Ecologist*, a reputable journal specializing in environmental issues, is given. Three communication tactics are identified that serve as a means of implementing the «pathos» category of persuasion strategy through the positive emotional coloring of a message: the tactic of declaring a positive assessment, the tactic of declaring a positive forecast, and the tactic of demonstrating positive performance results. Along with the use of vocabulary with positive connotations characteristic of all the identified tactics, specific features inherent to each tactic were also identified. Thus, the tactic of declaring a positive assessment is characterized by the use of contrasts, the tactic of declaring a positive forecast is characterized by the use of linguistic devices relating the statement to a future plan, which vary depending on the author's degree of confidence in their forecast, and the tactic of demonstrating positive performance results is characterized by the predominance of expressive language, including phraseological units.

Keywords: *linguopragmatics, environmental discourse, strategy of persuasion, pathos, tactic of declaring a positive assessment, tactic of declaring a positive forecast, tactic of demonstrating positive performance results, English media discourse*

For citation: Lopashenkova T.V. Means of Positive Emotiveness of Persuasion Strategy in Environmental Discourse Texts (Based on the Materials of the Online Media Outlet *The Ecologist*). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 53–60. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V513>

Введение. В настоящее время актуальной проблемой в жизни социума в связи с угрозой глобальной экологической катастрофы является формирование экологического сознания. Одним из факторов, способствующих нахождению путей решения данного вопроса, могут стать тексты, относимые к экологическому дискурсу (ЭД). Цель работы – анализ особенностей функционирования средств позитивной эмотивности категории «пафос» стратегии убеждения в текстах англоязычного медийного ЭД. Научная новизна статьи выражается в установлении тактик реализации данной категории стратегии убеждения ЭД. Актуальность исследования высока, т. к. оно помогает понять механизмы, с помощью которых средства массовой информации воздействуют на общественное мнение и мотивируют читателей к реальным действиям по сохранению природы. Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее результаты вносят вклад в развитие теоретического компонента изучения англоязычного медийного ЭД, а практическая значимость – в подборе инструментов для изучения лингвопрагматических особенностей данного типа дискурса.

Обзор литературы. К научной литературе, освещающей вопрос изучения ЭД, можно отнести работы таких отечественных авторов, как М.В. Голомидова и А.Е. Гладий (ЭД в отечественной лингвистике) [1], А.А. Громушкина (специфические особенности ЭД) [2], Н.П. Мерзлякова и М.А. Карелина (лингвостилистика ЭД) [3], А.В. Зайцева (типология немецкоязычного ЭД) [4], Е.В. Иванова (роль метафоры в ЭД) [5], М.В. Басинская (лексико-семантические особенности ЭД) [6], А.А. Лагутина (экологические реалии в немецком медийном дискурсе) [7], С.Н. Семенова (когнитивно-прагматические характеристики ЭД) [8]. Также необходимо отметить ряд исследований зарубежных ученых, в частности М. Стецяг (ЭД в публичных дебатах в Польше) [9], П. Бромли, Дж.У. Мейера и Ф.О. Рамиреса (распространение ЭД в учебниках по обществознанию, истории и гражданскому праву

во всем мире) [10], М. Мариани и М. Борги (ЭД в онлайн-отзывах туристической индустрии) [11], Ч.Х. Чанга, П.Р. Армсворта и Ю.Дж. Масуда (анализ цифрового ЭД на примере социальной сети Twitter) [12]. Из приведенного краткого обзора видно, что лингвопрагматическому изучению ЭД отведено крайне малое число научных трудов.

Материал и методы. При проведении анализа функционирования средств позитивной эмотивности категории «пафос» стратегии убеждения применялись методы лингвистического анализа (контекстный и стилистический), позволившие получить обоснованные результаты. В качестве эмпирического материала использовались тексты 7 статей, опубликованных в авторитетном англоязычном интернет-издании *The Ecologist* за период с 2022 по 2025 год. Терминологический аппарат исследования базируется на подходе В.А. Шевцовой, согласно которому реализация стратегии убеждения в текстах ЭД осуществляется на основе трех аспектов риторического воздействия – логоса, этоса и пафоса [13, с. 363]. Пафос, по ее мнению, подразумевает апелляцию к эмоциям адресата и «направлен на то, чтобы вызвать у аудитории страх, сострадание, сожаление, беспокойство, осуждение и т. д.» [13, с. 365]. Тактики, выявленные в рамках этого аспекта риторического воздействия, мы относим, соответственно, к категории «пафос», а в данной статье фокусируем внимание исключительно на языковых средствах, нацеленных на формирование положительного эмоционального восприятия предлагаемой читателям информации экологической тематики.

Результаты. В ходе анализа были выявлены три тактики, способствующие экспликации позитивной эмотивности категории «пафос» стратегии убеждения: декларация позитивной оценки, декларация позитивного прогноза, демонстрация положительных результатов деятельности.

Реализация тактики декларации позитивной оценки в текстах статей из интернет-издания *The Ecologist* осуществлялась в первую очередь за счет употребления глаголов в форме

настоящего совершенного времени, которые дополнялись прилагательными и существительными с положительной коннотацией. Рассмотрим пример из статьи А. Гиббонса, посвященной вопросам энергоэффективности домохозяйств Великобритании: *Huge progress has already been made, with the number of homes with an energy efficiency rating of C or above at 46 percent and rising, up from just 14 percent in 2010*¹. Очевидно, что результаты осуществленной властями политики трактуются автором в положительном ключе, а к языковым средствам позитивной эмотивности категории «пафос» стратегии убеждения в данном примере можно отнести употребление словосочетания *huge progress*.

При реализации тактики положительной оценки важное место занимает также использование стилистического приема противопоставления. Например, в статье «Faith in a fossil fuel free future» Б. Монтегю информирует читателей о том, что религиозные лидеры призывают британское правительство поддержать международную инициативу, направленную на прекращение расширения добычи ископаемого топлива, т. е. присоединиться к Договору о нераспространении ископаемого топлива (Fossil Fuel Non-Proliferation Treaty). Главную мысль статьи автор подкрепляет цитатами поддерживающих договор религиозных лидеров: *“As faith leaders, we believe that taking action for a fair and well-managed transition to renewable energy – one which uses the gargantuan profits of the fossil fuel industry to fund a fairer future for all – is a moral imperative for any responsible government,” the letter stated*². В приведенном фрагменте используется прием противопоставления, реализуемый за счет употребления прилагательных с положительной коннотацией для желательных, по мнению духовных лидеров,

событий, которые заключаются в управляемом государством переходе к возобновляемым источникам энергии (*fair and well-managed transition to renewable energy, fairer future, responsible government*), и прилагательных с негативной коннотацией для критикуемых явлений, к которым они относят масштабность прибыли от производства ископаемого топлива (*gargantuan profits of the fossil fuel industry*).

Средства позитивной эмотивности категории «пафос» стратегии убеждения, зафиксированные нами в процессе анализа англоязычных текстов экологического дискурса, используются и при реализации тактики декларации позитивного прогноза. Немаловажную роль для данной тактики также играют языковые средства, относящиеся высказывание к плану будущего, которые, на наш взгляд, целесообразно систематизировать в зависимости от степени уверенности автора в предполагаемом развитии событий.

Выразить наибольшую степень уверенности автора в собственном прогнозе помогает использование лексики с положительной коннотацией совместно с глаголами в форме будущего времени. Так, в примере из статьи «Petrol cars ‘heading for extinction’» Б. Монтегю информирует читателей об исследовании, согласно которому подержанные электромобили могут приблизиться к «переломному моменту» в своей истории, когда они станут популярнее своих бензиновых и дизельных аналогов в Великобритании: *This is a strong signal that UK drivers are becoming more receptive to second-hand EVs – and this will probably increase further as technology continues to improve, prices continue to fall and more EVs reach the second-hand market*³. Позитивный авторский прогноз формируется в данном контексте с помощью глагола будущего времени *will increase*, при

¹Gibbons A. Tories fail to insulate Britain // The Ecologist. 30.08.2022. URL: <https://theecologist.org/2022/aug/30/tories-fail-insulate-britain> (дата обращения: 10.07.2025).

²Montague B. Faith in a fossil fuel free future // The Ecologist. 03.04.2025. URL: <https://theecologist.org/2025/apr/03/faith-fossil-fuel-free-future> (дата обращения: 10.07.2025).

³Montague B. Petrol cars ‘heading for extinction’ // The Ecologist. 12.03.2025. URL: <https://theecologist.org/2025/mar/12/petrol-cars-heading-extinction> (дата обращения: 10.07.2025).

этом степень уверенности прогноза смягчается за счет употребления элемента ассертивной авторской модальности *probably*, а также словосочетаний, позитивно характеризующих будущую востребованность электромобилей (*technology continues to improve, prices continue to fall, more EVs reach the second-hand market*).

В свою очередь примером относительной уверенности автора в предлагаемом им прогнозе может служить фрагмент из статьи Р. Харбор «Extreme weather, extreme prices», в которой освещаются вопросы влияния климатических изменений на ценообразование в продовольственном секторе экономики Великобритании. Автор описывает положительный эффект от мер, которые были предприняты правительством для укрепления данного сектора, следующим образом: *The good news is that steps to make farming more sustainable can not only cut emissions but also make our food production more resilient to the extremes of flooding and drought*⁴. Вполне понятно, что автор прибегает к употреблению словосочетания *good news* и конструкции *not only... but...* для того, чтобы заострить внимание читателя на положительном прогнозе, который можно реализовать, если предпринять соответствующие шаги по повышению эффективности сельского хозяйства.

Еще один пример прогноза ближайшего будущего представлен в отрывке из статьи Б. Монтегю «A clear and obvious choice», где автор сравнивает предвыборные манифесты партии лейбористов и партии «зеленых»: *Both parties suggest they are prepared to borrow more to fund home energy efficiency upgrades, the switch to electric heating and nature restoration – all of which would create thousands of new jobs across the UK and in many instances reduce the cost of*

*living and increase economic growth*⁵. Предположительные позитивные результаты, к которым приведет имплементация заявленных данными партиями намерений, формулируются автором благодаря использованию словосочетаний с положительной коннотацией (*create thousands of new jobs, reduce the cost of living, increase economic growth*) и глагола сослагательного наклонения (модальный глагол *would*).

При реализации последней из трех тактик, характерных для категории пафоса в рамках стратегии убеждения, а именно тактики демонстрации положительных результатов деятельности, авторы статей из интернет-издания The Ecologist употребляют наиболее экспрессивные языковые средства. Так, в качестве примера можно привести фрагмент из статьи «‘Watershed moment’ for fossil fuels at Supreme Court», в которой К. Ирли цитирует высказывания эоактивистов о судебном решении по делу о запрете разработки нефтегазового месторождения в Суррее: *De Kauwe added: “This is a stunning victory for Sarah Finch and the Weald Action Group, after nearly five years of grit and determination, in going to court year after year against adversaries with far greater financial resources than they have. Despite setbacks in the lower courts, they never gave up.” Campaigner Sarah Finch said she was “absolutely over the moon” to have won the case*⁶.

Победа эоактивистов в суде описывается автором как грандиозный успех за счет использования словосочетания *stunning victory*. Усилению благоприятного впечатления способствует положительная характеристика эоактивистов в результате употребления существительных *grit* и *determination*, а также противопоставления невзгод судебной тяжбы и упорства эоак-

⁴Harbour R. Extreme weather, extreme prices // The Ecologist. 04.12.2023. URL: <https://theecologist.org/2023/dec/04/extreme-weather-extreme-prices> (дата обращения: 10.07.2025).

⁵Montague B. A clear and obvious choice // The Ecologist. 26.06.2024. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/26/ge2024-clear-and-obvious-choice> (дата обращения: 10.07.2025).

⁶Early C. ‘Watershed moment’ for fossil fuels at Supreme Court // The Ecologist. 20.06.2024. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/20/watershed-moment-fossil-fuels-supreme-court> (дата обращения: 10.07.2025).

тивистов-победителей (*despite setbacks in the lower courts, they never gave up*). Помимо этого, демонстрация положительных результатов деятельности победителей судебного процесса осуществляется за счет цитирования их положительной самооценки. Например, активист С. Финч делится эмоциями от судебного разбирательства и комментирует победу в нем, используя фразеологизм «на седьмом небе от счастья» (*over the moon*).

Еще один пример реализации тактики демонстрации положительных результатов деятельности представлен в статье С. Стерланд «Indigenous plants ‘grow diversity’», рассказывающей об исследовании ученых из Мельбурнского университета, согласно результатам которого посадка местных видов растений способна быстро увеличить биоразнообразие в городах: *He* («Луис Мата, австралийский эколог и энтомолог, руководитель группы исследователей из Мельбурнского университета» – Т.Л.) *added: “We used an ‘interaction approach’, which simply means we look at the number of interactions between insects and plants. After three years we found a more complex, interesting, fine-tuned integration between plants and insects than at the beginning”*⁷. Следует подчеркнуть, что демонстрации успешности упомянутого проекта в данном случае способствуют использованию приема противопоставления (*more... than...*), благодаря которому ученые подчеркивают контраст в результатах, полученных до и после проведенных экспериментов, а также трехкратное употребление прилагательных с положительной коннотацией (*complex, interesting, fine-tuned*).

Заключение. Анализ средств позитивной эмотивности категории «пафос» стратегии убеждения

на материале статей англоязычного интернет-издания The Ecologist позволил установить, что эффективным инструментом соответствующего интенционально обусловленного воздействия авторов текстов на читателей может явиться апелляция к целому ряду релевантных тактик. В качестве таковых были выявлены декларация позитивной оценки, декларация позитивного прогноза и демонстрация положительных результатов деятельности.

В целом результаты исследования показали, что для каждой из установленных тактик характерно употребление специфических языковых средств:

1) тактика декларации позитивной оценки – употребление прилагательных и существительных с положительной коннотацией, а также применение приема противопоставления;

2) тактика декларации позитивного прогноза – использование языковых средств позитивной эмотивности и языковых средств, относящихся к плану будущего, которые различаются в зависимости от степени уверенности автора в своем прогнозе. Наибольшая степень уверенности достигается при употреблении глаголов в форме будущего времени, относительная степень уверенности – за счет использования сослагательного наклонения и экспликаторов ассертивной модальности;

3) тактика демонстрации положительных результатов деятельности – применение наиболее экспрессивных среди представленных тактик языковых средств, таких как фразеологизмы, прием противопоставления, привлечение прилагательных, существительных и наречий с позитивной коннотацией.

Список литературы

1. Голомидова М.В., Гладий А.Е. Экологический дискурс и аспекты его изучения в российской лингвистике // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 5(53). С. 1–6. <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.15>

⁷Sterland C.I. Indigenous plants ‘grow diversity’ // The Ecologist. 24.06.2024. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/24/indigenous-plants-grow-diversity> (дата обращения: 10.07.2025).

2. Громорушкина А.А. Экологический дискурс как комплексное явление // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманит. науки. 2020. № 3(832). С. 36–46.
3. Мерзлякова Н.П., Карелина М.А. Лингвостилистические особенности экологических лозунгов (на материале английского языка) // Многоязычие в образоват. пространстве. 2025. Т. 17, № 1(24). С. 81–90. <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2025-17-1-81-90>
4. Зайцева А.В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014. 253 с.
5. Иванова Е.В. Эколингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2007. № 13. С. 34–38.
6. Басинская М.В. Исследование лексико-семантических особенностей экологического дискурса в рамках языковой экологии // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. 2014. № 20(706). С. 32–41.
7. Лагутина А.А. Доминантные экологические реалии в современном немецком газетно-публицистическом дискурсе и средства их языковой категоризации: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 262 с.
8. Семенова С.Н. Когнитивно-прагматические характеристики дискурса в предметной области «Горные экосистемы»: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 227 с.
9. Steciag M. Environmental Discourse in Public Debates in Poland: Relativization, Exclusion and Acceptance // Lang. Ecol. 2010. Vol. 3, № 2. P. 1–16.
10. Bromley P., Meyer J.W., Ramirez F.O. The Worldwide Spread of Environmental Discourse in Social Studies, History, and Civics Textbooks, 1970–2008 // Comp. Educ. Rev. 2011. Vol. 55, № 4. P. 517–545.
11. Mariani M., Borghi M. Environmental Discourse in Hotel Online Reviews: A Big Data Analysis // J. Sustain. Tour. 2020. Vol. 29, № 5. P. 829–848. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1858303>
12. Chang Ch.H., Armsworth P.R., Masuda Yu.J. Environmental Discourse Exhibits Consistency and Variation Across Spatial Scales on Twitter // BioScience. 2022. Vol. 72, № 8. P. 789–797. <https://doi.org/10.1093/biosci/biac051>
13. Шевцова В.А. Реализация коммуникативных стратегий и тактик в экологическом дискурсе // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та. (Минск, 26–27 марта 2021 года). Минск, 2021. С. 362–366.

References

1. Golomidova M.V., Gladiy A.E. Ekologicheskij diskurs i aspekty ego izucheniya v rossiyskoy lingvistike [Environmental Discourse and Aspects of Its Study in Russian Linguistics]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2024, no. 5, pp. 1–6. <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.15>
2. Gromorushkina A.A. Ekologicheskij diskurs kak kompleksnoe yavlenie [Environmental Discourse As a Complex Phenomenon]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2020, no. 3, pp. 36–46.
3. Merzlyakova N.P., Karelina M.A. Lingvostilisticheskie osobennosti ekologicheskikh lozungov (na materiale angliyskogo yazyka) [Linguistic and Stylistic Features of Environmental Slogans (Based on the English Language)]. *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve*, 2025, no.1, pp. 81–90. <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2025-17-1-81-90>
4. Zaytseva A.V. Tipologiya tekstov ekologicheskogo diskursa FRG [Text Typology of the Ecological Discourse in Germany]. Cand. philol. sc. thesis. Smolensk, 2014. 253 p.
5. Ivanova E.V. Ekolingvistika i rol' metafory pri opisani ekologicheskikh problem [Ecolinguistics and the Role of Metaphor in Describing Environmental Problems]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 13, pp. 34–38.
6. Basinskaya M.V. Issledovanie leksiko-semanticheskikh osobennostey ekologicheskogo diskursa v ramkah yazykovoy ekologii [Research of Lexical-Semantic Features of Ecological Discourse within the Framework of Linguistic Ecology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, no. 20, pp. 32–41.
7. Lagutina A.A. Dominantnye ekologicheskie realii v sovremenном nemetskom gazetno-publitsisticheskom diskurse i sredstva ih yazykovoy kategorizatsii [Dominant Environmental Realities in Contemporary German Newspaper and Journalistic Discourse and Means of Their Linguistic Categorization]. Cand. philol. sc. thesis. Voronezh, 2013. 262 p.
8. Semenova S.N. Kognitivno-pragmaticheskie kharakteristiki diskursa v predmetnoy oblasti «Gornye ekosistemy» [Cognitive-Pragmatic Characteristics of Discourse in the Subject Area «Mountain Ecosystems»]. Cand. philol. sc. thesis. Krasnodar, 2014. 227 p.

9. Steciag M. Environmental Discourse in Public Debate in Poland: Relativization, Exclusion and Acceptance. *Lang. Ecol.*, 2010, vol. 3, no. 2, pp. 1–16.
10. Bromley P., Meyer J.W., Ramirez F.O. The Worldwide Spread of Environmental Discourse in Social Studies, History, and Civics Textbooks, 1970–2008. *Comp. Educ. Rev.*, 2011, vol. 55, no. 4, pp. 517–545.
11. Mariani M., Borghi M. Environmental Discourse in Hotel Online Reviews: A Big Data Analysis. *J. Sustain. Tour.*, 2020, vol. 29, no. 5, pp. 829–848. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1858303>
12. Chang Ch.H., Armsworth P.R., Masuda Yu.J. Environmental Discourse Exhibits Consistency and Variation Across Spatial Scales on Twitter. *BioScience*, 2022, vol. 72, no. 8, pp. 789–797. <https://doi.org/10.1093/biosci/biac051>
13. Shevtsova V.A. Realizatsiya kommunikativnyh strategiy i taktik v ekologicheskom diskurse. Inostrannye yazyki: innovatsii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya [Implementation of Communicative Strategies and Tactics in Ecological Discourse]. *Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the Belarusian State University*. Minsk, 2021, pp. 362–366.

Информация об авторе

Т.В. Лопашенкова – аспирант, ведущий специалист Института подготовки научно-педагогических кадров Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (адрес: 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14).

Information about the author

Tatyana V. Lopashenkova, PhD student, Leading Specialist at the Institute for the Training of Scientific and Pedagogical Personnel, Immanuel Kant Baltic Federal University (address: ul. A. Nevsky 14, Kaliningrad, 236041, Russia).

Поступила в редакцию 05.11.2025

Одобрена после рецензирования 23.01.2026

Принята к публикации 26.01.2026

Submitted 5 November 2025

Approved after reviewing 23 January 2026

Accepted for publication 26 January 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 61–70.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 61–70.

Научная статья
УДК [81'42+2:811.111'37]:72 (045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V514

Когнитивно-матричное моделирование интегративного концепта ARCHITECTURE (на материале английского языка)

Олеся Александровна Якимова

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет,
Москва, Россия,
e-mail: yakimovaoa@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2095-9289>

Аннотация: Статья посвящена изучению архитектурного знания, репрезентированного в англоязычных лексикографических источниках, в формате когнитивной матрицы. Цель работы – анализ структуры и содержания интегративного концепта ARCHITECTURE посредством выявления и систематизации его когнитивных признаков, актуализированных в англоязычных словарях. С опорой на отечественную и зарубежную научную традиции знания матричного типа исследуются с помощью когнитивно-матричного анализа. В статье апробирована схема когнитивно-матричного моделирования интегративного концепта ARCHITECTURE. Данная схема детерминирована субъективностью восприятия, текущим событийным контекстом и вектором исторического развития. Установлено, что ядро концепта объективируется лексемой *architecture*, относящейся к пласту профессиональной лексики. Определено, что формирование периферии в матрице осуществляется через призму когнитивных контекстов осмысления архитектуры. Выявлено, что концепт ARCHITECTURE находит свое вербальное выражение через систему конкретных когнитивных контекстов, таких как искусство, компьютерные науки, научная деятельность и антропоцентрическое измерение. Важность построения когнитивной матрицы определена возможностью передачи ею многоаспектного знания при осмыслении значения *architecture* как единицы специальной лексики. Обращение к различным аспектам знаний, а также выявление когнитивных признаков интегративного концепта обеспечивает понимание архитектуры. Теоретическая ценность статьи состоит в комплексном вкладе в развитие методов когнитивной лингвистики при изучении интегративных концептов. Практическая значимость работы заключается в том, что модель когнитивной матрицы может быть использована в методических целях в качестве инструмента для обучения профессиональной лексике студентов архитектурных специальностей. Полученные результаты могут быть также применены при разработке учебных материалов для курсов по языкознанию и лингвоконцептологии. Статья адресована лингвистам, интересующимся проблемами когнитивно-матричного исследования языка.

Ключевые слова: когнитивная матрица, лингвокогнитивное моделирование, интегративный концепт, когнитивный контекст, концепт ARCHITECTURE, когнитивная лингвистика, английский язык

Для цитирования: Якимова О.А. Когнитивно-матричное моделирование интегративного концепта ARCHITECTURE (на материале английского языка) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 61–70. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V514>

Original article

Cognitive-Matrix Modelling of the Integrative Concept ARCHITECTURE in English

Olesya A. Yakimova

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow, Russia,
e-mail: yakimovaoa@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2095-9289>

Abstract. The article deals with the study of architectural knowledge, reflected in English lexicographical sources, in the form of cognitive matrix. The purpose of the paper is to analyse the structure and content of the integrative concept ARCHITECTURE by identification and systematisation of its cognitive features represented in English dictionaries. Following the Russian and foreign scholarly tradition, matrix-type knowledge is investigated by means of cognitive-matrix analysis. The article tests the scheme of cognitive-matrix modelling of the integrative concept ARCHITECTURE. The developed scheme of cognitive-matrix modelling is determined by the subjectivity of perception, the current event context, and the vector of historical development. It has been established the core of the concept is objectified by the lexeme “architecture”, which belongs to the layer of professional vocabulary. It has been found out the periphery is formed by different cognitive contexts. The examination of various aspects of knowledge, as well as the identification of cognitive features of the integrative concept, ensures an understanding of architecture. It has been revealed the concept ARCHITECTURE finds its verbal expression through a system of specific cognitive contexts, such as art, computer science, scientific activity, and the anthropocentric dimension. The importance of cognitive matrix’s creation is defined by its ability to convey multifaceted knowledge while interpreting architecture as a special lexical unit. The theoretical value of the article lies in its comprehensive contribution to the development of cognitive linguistics methods in the study of integrative concepts. A key practical implication is the application of the cognitive matrix model as an effective tool for teaching architecture students. The description of the concept ARCHITECTURE through the cognitive matrix contributes to the further development of linguistic concepts of cognitive modelling in English. The results can be applied in the development of educational materials for courses in linguistics and linguistic concept science. The article is addressed to linguists interested in the issues of cognitive-matrix language research.

Keywords: *cognitive matrix, linguistic and cognitive modelling, integrative concept, cognitive context, concept ARCHITECTURE, cognitive linguistics, the English language*

For citation: Yakimova O.A. Cognitive-Matrix Modelling of the Integrative Concept ARCHITECTURE in English. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 61–70. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V514>

Моделирование интегративных концептуальных структур привлекает внимание лингвистов в контексте современных исследований. Актуальность работы определяется общей тенденцией в когнитивной лингвистике, ориентированной на изучение недоступных напрямую наблюдению феноменов и всего спектра способов их репрезентации. Немногочисленность исследований концептов через призму когнитивно-матричного моделирования также обуславливает своевременность изучения интегративного концепта ARCHITECTURE. Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые описывается архитектурное знание в форме когнитивной матрицы.

Цель исследования – моделирование интегративного концепта ARCHITECTURE, репрезентированного в англоязычных лексикографических источниках. Для реализации цели были поставлены следующие задачи: проанализировать текстовые фрагменты для установления когнитивных признаков, формирующих ядро и периферию интегративного концепта ARCHITECTURE; описать исследуемый концепт через призму разнообразных когнитивных контекстов; построить когнитивную матрицу концепта.

Объектом исследования выступают текстовые фрагменты, репрезентирующие архитектуру в англоязычных словарях и тезаурусах: Cambridge English Thesaurus¹, Merriam Webster Thesaurus², Collins Dictionary³, Oxford Learner's Dictionary⁴, Online Etymology Dictionary⁵, Chamber's Twentieth Century Dictionary of the English Language⁶. Эмпирическую базу составили 1198 лексических единиц, объективирующих концепт ARCHITECTURE. Выбор источников обусловлен их расположением в

открытом доступе, авторитетностью и широкой читательской аудиторией, что обеспечивает репрезентативное отражение современных реалий.

Когнитивно-матричное моделирование является одним из исследовательских приемов в системе когнитивно-матричного анализа, разработанного Н.Н. Болдыревым. Круг и тематика вопросов, решаемых с помощью когнитивно-матричного анализа, разнообразны. Попытка его применения при изучении концептуальных основ английских топонимов предпринимается в работе Н.Н. Болдырева и В.В. Алпатова [1]. Можно также отметить работу О.В. Бронниковой и А.С. Самофаловой, в которой рассматриваются дискурсивные стратегии в рекламном дискурсе с использованием когнитивно-матричного анализа [2]. Исследование немецких фитонимов с позиции когнитивно-матричного анализа представлено в труде Н.А. Жук и В.В. Робустовой [3]. Когнитивно-матричному анализу прецедентного имени, осмысляемого относительно когнитивных контекстов литературы и кино, посвящена статья Ю.М. Разумовской [4]. Работы Н.Н. Кошкарковой, О.А. Солоповой и И.В. Сибирякова [5–7] служат примером продуктивного применения когнитивно-матричного и лексикографического анализа для изучения топонимических номинаций в англоязычном медиадискурсе. В зарубежных исследованиях когнитивно-матричное моделирование тесно связано с лингвистической категоризацией [8], компьютерной лингвистикой [9], нейровизуализацией языка [10].

В настоящей работе ключевым понятием выступает интегративный концепт. Под данным термином понимается «нестереотипное знание, которое является результатом интегра-

¹Cambridge English Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения 24.10.2025).

²Merriam Webster Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus> (дата обращения 24.10.2025).

³Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения 24.10.2025).

⁴Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения 24.10.2025).

⁵Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения 24.10.2025).

⁶Chamber's Twentieth Century Dictionary of the English Language. URL: <https://archive.org/details/chambersst-ventie00daviiala> (дата обращения 24.10.2025).

ции концептов или концептуальных областей в единую концептуальную структуру» [11, с. 83]. В когнитивной лингвистике концепт интерпретируется как динамичная структура, параметры которой, в частности содержание и связи, находятся в прямой зависимости от общественного сознания и исторического контекста. Вышеупомянутое обуславливает необходимость учета в когнитивно-матричном моделировании фактора событий текущего момента, т. е. актуального общественного интереса к осмыслению архитектуры. Кроме того, любое описание интегративного концепта есть отражение его структуры и содержания на конкретном историческом этапе. Как справедливо отмечают В. Крофт и Д. Круз, «a dynamic picture of concepts is emerging, in which they are viewed as being created at the moment of use» [12, с. 75]. Данная цитата иллюстрирует точку зрения исследователей о постоянной изменчивости концептов и концептуальных связей. Другой ключевой фактор при моделировании концепта ARCHITECTURE – фактор субъективности, который проявляется в авторских оценках и вербализациях, подчеркивающих интерпретационную природу человеческого восприятия. Однако при анализе англоязычных текстов фактор субъективности может быть учтен лишь частично, поскольку субъективный компонент часто выражен имплицитно. В качестве его вербальных маркеров можно выделить метафоричность и оценочную семантику высказывания. Такая изменчивость подтверждается мыслью В. Крофта и Д. Круза о том, что отдельный концепт не является окончательной репрезентацией феномена или предмета, т. к. может трансформироваться через образное описание [12, с. 75]. Таким образом, с течением времени семантическое пространство интегративного концепта, а также потенциальные возможности его интерпретации расширяются.

Мы разделяем точку зрения Н.Н. Болдырева о том, что особую значимость при исследовании интегративных концептов приобретает когнитивно-матричное моделирование, направленное на «выявление и сведение воедино в виде

когнитивной матрицы различных когнитивных контекстов, в рамках которых та или иная языковая единица получает необходимое осмысление» [11, с. 389–390]. Отметим, что понятие когнитивной матрицы было разработано Р. Лэнкером в рамках теории когнитивной грамматики, согласно которой когнитивная матрица представляет собой фундаментальный механизм, объясняющий природу значения языковых единиц [13, с. 147]. Отметим, что в составе матрицы содержание компонентов может варьироваться в пределах от обыденного до экспертного знания [1, с. 6]. В процессе исследования устанавливается взаимосвязь между ядром и периферией. В качестве ядра матрицы выступает «термин или единица специальной лексики», а под периферией понимаются «когнитивные контексты, различные аспекты знания, обращение к которым способствует пониманию языковой единицы» [14, с. 106].

К числу преимуществ использования когнитивно-матричного моделирования интегративных концептов относятся возможность систематизации знаний и вербальная или графическая визуализация полученных результатов, а также междисциплинарный характер, проявляющийся в тесной связи лингвистики с искусственным интеллектом, компьютерной лингвистикой и когнитивной наукой. Все вышеупомянутые факты положены в основу теоретической составляющей данного исследования.

Когнитивно-матричное моделирование реализовывалось в три этапа. На этапе отбора материала проводилась репрезентативная выборка текстовых фрагментов из авторитетных англоязычных лексикографических источников. На этапе анализа выборки исследовалось семантическое наполнение ключевой лексики с целью выявления когнитивных признаков концепта. На втором этапе анализировалось вербальное наполнение ядра и когнитивные контексты осмысления концепта. На третьем этапе интерпретации и синтеза систематизировались выделенные единицы с целью определения потенциала репрезентации интегративного концепта. Результатом заключительного

этапа стало вербальное представление концепта в формате когнитивной матрицы.

Ключевым вербальным индикатором концепта, объективирующего архитектуру, выступает лексема *architecture*. Диахронический анализ ее семантики позволил установить, что в 1560-х годах под архитектурой понималась особая форма сознания и деятельности человека, обозначаемая как «искусство строительства», которая использовалась для характеристики изящных (сделанных со вкусом) и красивых строений – *the art of building, especially of fine or beautiful building*⁷. По данным словаря, лексическая единица *architecture*, пришедшая в английский язык из французского, происходит от лат. *architectus* со значением *master builder, chief workman*, что еще раз указывает на присутствие в значении компонента, связанного со строительством. Постепенно в структуре концепта ARCHITECTURE появляются новые характеристики. Так, обнаруживается осмысление архитектуры в рамках когнитивного контекста, связанного с научным знанием – *tasteful application of scientific and traditional rules of good construction to the materials at hand*⁸. В приведенном примере архитектура трактуется как сочетание научных и традиционных правил строительства. Стоит обратить внимание на то,

как в другом раннем словаре комментируется имя существительное *architecture* – *the art or science of building*⁹. Согласно вышеупомянутой дефиниции, архитектура может пониматься не только как искусство строительства, но и как феномен, связанный с наукой. В 1610-х годах зафиксирован семантический сдвиг лексемы *architecture*, и она перестает репрезентировать абстрактное знание – искусство строительства, науку строительства. Лексема использовалась для обозначения конкретного результата, физических объектов, в частности зданий, построенных с учетом архитектурных особенностей, – *buildings constructed architecturally*¹⁰. В процессе формирования смысла в когнитивных контекстах «искусство» и «наука» активизируется когнитивный признак *tasteful, fine, beautiful* (изящный характер).

Современные словари квалифицируют лексему *architecture* главным образом как искусство строительства зданий: 1) *the art and practice of designing and making buildings*¹¹; 2) *the art and study of designing buildings*¹²; 3) *the art or science of building*¹³; 4) *architecture is the art of planning, designing, and constructing buildings*¹⁴. Сравнительный анализ демонстрирует, что при видимом сходстве дефиниции характеризуются рядом расхождений. В первом

⁷Architecture // Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

⁸Architecture // Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

⁹Architecture // Chamber's Twentieth Century Dictionary of the English Language. URL: <https://archive.org/details/chambersstwentie00daviiala/page/48/mode/2up> (дата обращения 25.10.2025).

¹⁰Architecture // Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

¹¹Meaning of architecture in English // Cambridge English Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

¹²Architecture // Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/architecture?q=architecture> (дата обращения 25.10.2025).

¹³Architecture // Merriam Webster Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

¹⁴Definition of 'architecture' // Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

фрагменте внимание сосредоточено на практической функции архитектуры. Лексическая единица *making* в этом контексте переводится как «строительство», что подразумевает весь процесс создания здания. Во втором фрагменте акцентировано целенаправленное изучение и исследование принципов архитектуры, что позволяет выделить еще один когнитивный контекст осмысления архитектуры – *study* (учеба, обучение). В третьей дефиниции обнаруживается связь ядра концепта ARCHITECTURE с периферией через призму когнитивного контекста науки.

В результате обращения к иллюстративному материалу, представленному в авторитетных лексикографических источниках, выявлены различные когнитивные признаки концепта. При осмыслении концепта ARCHITECTURE в рамках когнитивного контекста *art* актуализируется такая характеристика, как *the style and design in which buildings are made* (стиль здания): *environmentally sustainable architecture*, *Roman architecture*, *modernist architecture*, *the town's modern architecture*, *classical architecture*, *Gothic architecture*¹⁵, *the city's architecture*, *the Ottoman-style architecture*, *Brutalist and Bauhaus architecture*, *Southern architecture*¹⁶, *Moroccan architecture*, *Romanesque architecture*, *civic architecture*, *classical architecture*, *colonial architecture*, *contemporary architecture*, *distinctive architecture*, *domestic architecture*, *fine architecture*, *grand architecture*, *historic architecture*¹⁷, *industrial*

architecture, *innovative architecture*, *interior architecture*, *magnificent architecture*, *medieval architecture*, *modern architecture*, *neoclassical architecture*, *striking architecture*, *stunning architecture*, *traditional architecture*, *urban architecture*¹⁸.

В процессе анализа словарных статей обнаруживается еще один частотный контекст осмысления ARCHITECTURE – *computing science*. Речь идет об осмыслении архитектуры через призму научного подхода к проектированию и созданию таких сложных систем, как операционная система, искусственный интеллект. Достаточно обширный когнитивный контекст затрагивает сразу несколько научных областей – информационные технологии, компьютерную лингвистику и искусственный интеллект. При обращении к когнитивному контексту *computing science* обнаруживается еще один когнитивный признак в структуре интегративного концепта ARCHITECTURE, а именно *structure* (структура). В подтверждение вышеуказанного приведем несколько текстовых иллюстраций: архитектура как структура компьютерной системы – *hardware/software architecture*, *substratebased system management architectures*, *more generic system architectures*, *memory architectures*, *parallel chain architectures*, *integration architectures*, *smartcard architectures*, *not invalidate multi-layered architectures*, *computer architectures*, *parallel architectures in surgery tasks*, *fault diagnosis architectures*¹⁹, *different program architectures*²⁰, *based on Arm's architecture*,

¹⁵Examples of architecture // Cambridge English Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/example/english/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

¹⁶Architecture // Merriam Webster Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

¹⁷Definition of 'architecture' // Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

¹⁸Collocations for architecture noun // Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/collocations/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

¹⁹Examples of architecture // Cambridge English Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/example/english/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

²⁰Architecture // Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

Lovelace architecture may not be worth the hassle of finding one in stock²¹; архитектура как структура в компьютерной лингвистике – the empirical robustness of two independent parsing architectures, complex parsing architectures, to assess the role of sub-categorization lexicon, two different parsing architectures are contrastively compared, computation algebras by machine architectures, on cognitive architectures, a variety of architectures that constitute operational models for implemented agent languages²²; архитектура как структура и парадигма в искусственном интеллекте – multi-agent architectures, neural architectures; behaviour-based architectures²³.

В процессе исследования англоязычных тезаурусов был выявлен еще один релевантный контекст осмысления интегративного концепта ARCHITECTURE – study, в рамках которого архитектура предстает как университетская дисциплина со сложившимся корпусом знаний и исследовательских практик. Анализ концепта в заданном когнитивном ракурсе позволяет обнаружить в его структуре новый когнитивный признак – academic discipline: studied architecture with Gropius, earned a master's degree in architecture²⁴, to study architecture, a school of architecture, a professor of architecture at the University of Oregon, an architecture student/critic²⁵.

Важную роль в языковом воплощении знаний матричного формата играет метафора.

Подчеркнем, что в когнитивной науке метафора представляет собой не только языковой, но и когнитивный феномен, механизм работы сознания. Анализ выборки показал, что в словарях находит свое отражение метафорическое осмысление архитектуры как человека: Trauma lodges on the first floor of human architecture, where the body, mind and soul align²⁶, architecture of muscle fibres²⁷. В приведенных примерах человеческое естество представлено в метафорическом ключе как некое строение.

Итогом проведенного анализа является построение когнитивной матрицы интегративного концепта ARCHITECTURE, представленной в *таблице*.

Согласно результатам исследования, модель концепта, актуализированная в англоязычных словарях, обнаруживает ряд характерных особенностей. Определена высокая частотность проявления ядерной лексики *architecture*. В результате анализа словарных дефиниций выделены такие когнитивные контексты осмысления архитектуры, как art, science, study. Вместе с тем анализ текстовых иллюстраций к словарным статьям про архитектуру значительно расширяет представление об архитектуре посредством конкретизации когнитивных контекстов. Концепт ARCHITECTURE фиксируется в определенных вербальных репрезентациях в зависимости от выявленных когнитивных контекстов – art, computing science, study, human being. Обнаружен ряд когнитивных

²¹Architecture // Merriam Webster Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

²²Examples of architecture // Cambridge English Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/example/english/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

²³Examples of architecture // Cambridge English Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/example/english/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

²⁴Meaning of architecture in English // Cambridge English Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

²⁵Architecture // Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

²⁶How to Use architecture in a Sentence // Merriam Webster Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/sentences/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

²⁷Definition of 'architecture' // Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/architecture> (дата обращения 25.10.2025).

Когнитивная матрица концепта ARCHITECTURE

The cognitive matrix of the concept ARCHITECTURE

Уровень матрицы [Matrix level]	Когнитивные контексты (и когнитивные признаки) [Cognitive contexts (and features)]	Языковые репрезентанты [Verbal representation]
Ядро [Core]	Professional activity and its result	Architecture
Ближняя периферия [Near periphery]	ART (style and design)	Environmentally sustainable/Roman/modernist/ the town's modern/classical/Gothic/the Ottoman- style/Brutalist and Bauhaus/Southern/Moroccan/ Romanesque / civic / classical / colonial / contemporary / distinctive / domestic / fine / grand / historic / industrial / innovative / interior / magnificent / medieval / modern / neoclassical / striking / stunning / traditional / urban / tasteful / beautiful architecture
	COMPUTING SCIENCE (structure): Information Technology, Computational Linguistics, Artificial Intelligence	Hardware/software / Lovelace architecture, management / generic system / memory / parallel chain / integration / smartcard / multi-layered / computer / fault diagnosis / different program / independent parsing / complex parsing / machine / cognitive / multi-agent / neural / behaviour- based architectures
	STUDY (academic discipline)	A master's degree in architecture, to study architecture, a school of architecture, a professor of architecture, an architecture student/critic
Дальняя пери- ферия [Distant periphery]	HUMAN BEING (human structure)	The first floor of human architecture, architecture of muscle fibres

признаков на периферии интегративного концепта – tasteful, fine, beautiful, the style and design in which buildings are made, structure, academic discipline, human. Анализ всей совокупности средств репрезентации интегративного концепта ARCHITECTURE с учетом когнитивных контекстов его осмысления, в частности представление архитектуры как стиля, композиции, визуальной гармонии, логической структуры и взаимодействия компонентов, академической дисциплины, структуры в целом, а также ме-

тафорическое понимание архитектуры личности, позволило построить исследовательскую модель, которая приблизила нас к концепту ARCHITECTURE как знанию матричного формата, ментальной единице языкового сознания.

Таким образом, метод когнитивно-матричного моделирования доказал свою эффективность в изучении такого разноаспектного объекта, как архитектура, а также позволил осуществить детальное описание интегративного концепта ARCHITECTURE. Проведенное исследование

подтвердило, что в англоязычных лексикографических источниках ARCHITECTURE представляется как сложный лингвистический феномен, выражаемый разнообразным арсеналом средств английского языка. Структура интегративного концепта ARCHITECTURE и

его системные связи были выявлены лишь в результате построения его когнитивной матрицы. Перспектива исследования видится в изучении вышеупомянутого концепта через призму других когнитивных контекстов в разнообразных типах дискурса.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // *Вопр. когнит. лингвистики*. 2008. № 4(17). С. 5–14.
2. Бронникова О.В., Самофалова А.С. Когнитивно-матричный анализ дискурсивных стратегий в рекламном дискурсе // *Когнит. исследования языка*. 2020. № 2(41). С. 511–515.
3. Жук Н.А., Робустова В.В. Когнитивно-матричный анализ немецких фитонимов // *Когнит. исследования языка*. 2021. № 4(47). С. 193–199.
4. Разумовская Ю.М. Когнитивно-матричный анализ в изучении прецедентных имён (на примере прецедентного имени Золушка (Cinderella)) // *Когнит. исследования языка*. 2023. № 3-2(54). С. 191–196.
5. Кошкарлова Н.Н., Сибиряков И.В., Солопова О.А. Когнитивно-дискурсивные особенности топонимов Екатеринбурга и Челябинск в британском медиадискурсе XIX в. // *Вопр. ономастики*. 2022. Т. 19, № 1. С. 180–200. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.009
6. Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. Лексикографическое и дискурсивное исследование топонима Челябинск (на материале английского языка) // *Вопр. лексикографии*. 2021. № 22. С. 107–127. <https://doi.org/10.17223/22274200/22/6>
7. Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н., Сибиряков И.В. Образ Челябинска в британском медиадискурсе первой половины XX века // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13, № 1. С. 9–26. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-9-26>
8. Taylor J. R. *Linguistic Categorization*. 3rd edition. Oxford, 2003. 308 p.
9. Sun R. *The Cambridge Handbook of Computational Psychology*. Cambridge, 2008. 753 p.
10. Fedorenko E.G., Kuperberg G.R. Neuroimaging of Language: Why Hasn't a Clearer Picture Emerged? // *Lang. Linguist. Compass*. 2009. no 3(4). pp. 839–865. <https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2009.00143.x>
11. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка: моногр. (2-е изд.). М., 2019. 480 с.
12. Croft W., Cruse D.A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, 2004. 356 p.
13. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar: Volume I: Theoretical Prerequisites*. Stanford, 1987. 540 p.
14. Калинина С.В. Когнитивно-матричный анализ в исследовании отраслевой терминологии (на примере англоязычных лексических единиц в нефтегазовой отрасли) // *Уч. зап. Ульянов. гос. ун-та. Актуал. проблемы теории языка и лингводидактики. Сер. Лингвистика. Вып. 1(26) / под ред. проф. А.И. Фефилова*. Ульяновск: УлГУ, 2021. С. 105–110.

References

1. Boldyrev N.N., Alpatov V.V. *Cognitivno-matrichnyy analiz angliiskikh khristianskikh toponimov* [A Cognitive-Matrix Analysis of English Christian Place-Names]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2008, no. 4, pp. 5–14.
2. Bronnikova O.V., Samofalova A.S. *Cognitivno-matrichnyy analiz diskursivnykh strategiy v reklamnom diskurse* [Cognitive-Matrix Analysis of Discursive Strategies in Advertising Discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2020, no. 2, pp. 511–515.
3. Zhuk N.A., Robustova V.V. *Cognitivno-matrichnyy analiz nemetskikh fitonimov* [Cognitive-Matrix Analysis of German Phytonyms]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2021, no. 4, pp. 193–199.

4. Razumovskaya Yu.M. Kognitivno-matrichnyy analiz v izuchenii pretsedentnykh imyen (na primere pretsedentnogo imeni Zolushka (Cinderella)) [Cognitive-Matrix Analysis of Precedent Names (Based on the Precedent Name Cinderella)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2023, no. 3-2, pp. 191–196.
5. Koshkarova N.N., Sibiryakov I.V., Solopova O.A. Kognitivno-diskursivnye osobennosti toponimov Ekaterinburg i Chelyabinsk v britanskom mediadiskurse XIX v. [Cognitive and Discursive Peculiarities of the Place-Names Ekaterinburg and Chelyabinsk in the 19th Century British Media Discourse]. *Voprosy onomastiki*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 180–200. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.009
6. Solopova O.A., Koshkarova N.N. Leksikograficheskoe i diskursivnoe issledovanie toponima Chelyabinsk (na materiale angliyskogo yazyka) [Lexicographic and Discursive Representation of the Place-Name Chelyabinsk in English]. *Voprosy leksikografii*, 2021, no. 22, pp. 107–127. <https://doi.org/10.17223/22274200/22/6>
7. Solopova O.A., Koshkarova N.N., Sibiryakov I.V. Obraz Chelyabinska v britanskom mediadiskurse pervoy poloviny XX v. [The Image of Chelyabinsk in the 20th Century British Media Discourse (1901-1950)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2022, vol. 13, no. 1, pp. 9–26. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-9-26>
8. Taylor J.R. *Linguistic Categorization*. 3rd edition. Oxford, 2003. 308 p.
9. Sun R. *The Cambridge Handbook of Computational Psychology*. Cambridge, 2008, 753 p.
10. Fedorenko E.G., Kuperberg G.R. Neuroimaging of Language: Why Hasn't a Clearer Picture Emerged? *Lang. Linguist. Compass*, 2009, no. 3, pp. 839–865. <https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2009.00143.x>
11. Boldyrev N.N. *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language]. Moscow, 2019, 480 p.
12. Croft W., Cruise D.A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, 2004, 356 p.
13. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar: Volume I: Theoretical Prerequisites*. Stanford, 1987, 540 p.
14. Kalinina S.V. Kognitivno-matrichnyy analiz v issledovanii otraslevoy terminologii (na primere angloyazychnykh edinit v neftegazovoy otrasli) [Cognitive-Matrix Analysis in the Study of Industry-Specific Terminology (with a Focus on Translating English Lexical Units in the Oil and Gas Industry)]. *Uchenye zapiski Ul'yanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Aktualnye problemy teorii yazyka i lingvodidaktiki. Ser. Lingvistika*. 2021, pp. 105–110.

Информация об авторе

О.А. Якимова – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (адрес: 129337, Москва, Ярославское шоссе, д. 26).

Information about the author

Olesya A. Yakimova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (address: Yaroslavskoye Shosse 26, Moscow, 129337, Russia).

Поступила в редакцию 13.11.2025

Одобрена после рецензирования 03.02.2026

Принята к публикации 09.02.2026

Submitted 13 November 2025

Approved after reviewing 3 February 2026

Accepted for publication 9 February 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 71–81.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 71–81.

Научная статья
УДК [81'25:001.8:913](985)(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V515

Перевод как трансфер знаний об Арктике: системный анализ

Шаомэй Люй^{1✉}

Александр Михайлович Поликарпов²

^{1,2}Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,

¹e-mail: schaomei@yandex.com[✉], ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1067-350X>

²e-mail: a.polikarpov@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0726-2524>

Аннотация. Статья посвящена изучению перевода арктического текста как сложного процесса межкультурного трансфера знаний. Проблема исследования состояла в установлении возможностей обеспечения целостного и адекватного трансфера различных типов арктического знания китайскому читателю, несмотря на наличие существенных когнитивных и культурных расхождений между русской и китайской картинами мира и различий в моделях концептуализации регионального знания. Актуальность работы определяется возрастающей ролью Арктики в международном сотрудничестве и недостаточной разработанностью культурно-когнитивного аспекта ее репрезентации в китайском научном и социальном дискурсе. Цель исследования заключается в выявлении механизмов передачи знаний об Арктике при переводе книги Н.М. Бызовой «Приближая Арктику» на китайский язык и оценке его качества посредством системного анализа. Научная новизна работы состоит в применении комплексной аналитической модели, объединяющей три отрасли знаний (теория трансфера знаний, арктиковедение и переводоведение), что позволяет рассматривать перевод не как языковую операцию, а как трансфер знаний с учетом их научной, исторической и культурной составляющих. Методология исследования базируется на принципах системного подхода, обеспечивающего целостное описание взаимодействия исходного текста, когнитивных действий и операций переводчика и культурных ожиданий получателя текста перевода. Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов для перевода текстов об Арктике. Исследование вносит вклад в развитие системного подхода в переводоведении и изучение механизмов межкультурной трансляции регионального знания.

Ключевые слова: перевод, трансфер знаний, Арктика, межкультурная коммуникация, системный анализ, арктиковедение, русская языковая картина мира, китайская языковая картина мира

Для цитирования: Люй Ш., Поликарпов А.М. Перевод как трансфер знаний об Арктике: системный анализ // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 71–81. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V515>

Original article

Translation as Knowledge Transfer about the Arctic: A Systems Analysis

Shaomei Lyu¹✉

Alexander M. Polikarpov²

^{1,2}Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

¹e-mail: schaomei@yandex.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1067-350X>

²e-mail: a.polikarpov@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0726-2524>

Abstract. The article examines the translation of an Arctic text as a complex process of intercultural knowledge transfer. The research problem consists in exploring ways to ensure a coherent and adequate transfer of different types of Arctic knowledge to the Chinese reader despite substantial cognitive and cultural differences between the Russian and Chinese worldviews. The relevance of the study is determined by the insufficient development of the cultural and cognitive aspects of its representation in Chinese academic and social discourse. The aim of the research is to identify the mechanisms of transferring knowledge about the Arctic in the process of translating the book “Approaching the Arctic” into Chinese and to analyze this process using systems analysis. The scientific novelty of the work lies in the application of a complex analytical model of systems analysis that integrates three fields of knowledge (knowledge transfer theory, Arctic studies and translation studies). This makes it possible to view translation not as a purely linguistic operation, but as a multi-level process of using scientific, historical and cultural knowledge in the course of its transfer. The methodology of the study is based on the principles of the systems approach, which ensures a holistic description of the interaction between the source text, the translator’s cognitive actions and operations, and the cultural expectations of the target reader. The practical significance of the research lies in the possibility of applying its results when making translation decisions for texts about the Arctic. The study contributes to the development of the systems approach in translation studies and to the investigation of mechanisms of intercultural transmission of regional knowledge.

Keywords: translation, knowledge transfer, Arctic, intercultural communication, systems analysis, Arctic studies, Russian linguistic worldview, Chinese linguistic worldview

For citation: Lyu Sh., Polikarpov A.M. Translation as Knowledge Transfer about the Arctic: A Systems Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 71–81. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V515>

Введение. В статье на основе системного анализа выявляются основные типы знания об Арктике (географическое, экологическое, этнокультурное и историческое), подвергающиеся восприятию, осмыслению и пониманию при переходе в китайский культурно-языковой контекст. При этом переводчик выступает активным субъектом реконструи-

рования образа Арктики, осуществляя преобразование концептов, адаптацию культурно маркированных единиц к условиям иной (китайской) лингвокультуры и интеграцию получаемых научных данных в китайскую языковую картину мира.

Системному анализу подвергнут перевод на китайский язык книги ведущего методиста

по экологическому просвещению Национального парка «Русская Арктика» Н.М. Бызовой «Приближая Арктику»¹, выполненный Люй Шаомэй² в 2025 году. Рассматриваемая книга является комплексным изложением географических особенностей, климатических условий, исторического развития и культурных традиций Арктической зоны Российской Федерации и может послужить основой целостного представления об Арктическом регионе для китайской аудитории. Данное издание стало не только новым учебно-справочным пособием для обучающихся общеобразовательных организаций по программе «Арктиковедение», но и важным источником специализированного знания об Арктике и арктиковедении.

В данной статье перевод рассматривается как процесс трансфера знаний, с опорой на системный подход обосновывается тезис о том, что перевод книги «Приближая Арктику» на китайский язык представляет собой сложную деятельность по межкультурной передаче арктического знания. При осуществлении системного анализа задействуются три отрасли знаний (теория трансфера знаний, арктиковедение и переводоведение) для того, чтобы выявить основания переводческих решений, принимаемых при реконструкции образа Арктики в тексте перевода.

Системный анализ как методологическая основа исследования. Исходным методологическим основанием данной работы выступает системный подход, который в общей теории систем и системологии рассматривается как фундаментальная научная платформа для описания сложных объектов и процессов. Язык и переводческая деятельность в современных исследованиях все чаще трактуются как открытые, многокомпонентные, саморазвивающиеся системы, что делает системный

анализ естественным инструментом их изучения [1, с. 23].

С точки зрения общей теории систем системный анализ представляет собой совокупность принципов, методов и приемов, предназначенных для обоснования решений в отношении сложных систем; его ключевые характеристики – целостность рассмотрения, иерархичность описания, учет множества факторов и ориентация на цели функционирования системы [2, с. 1991–1993].

В лингвистике системный подход зарекомендовал себя в качестве адекватного метода исследования, поскольку язык как сложная многоуровневая система требует анализа, учитывающего наличие подсистем и их взаимосвязей; системное видение позволяет соотнести отдельные языковые факты с более широкими когнитивными и дискурсивными структурами и показать, как языковая система взаимодействует с культурным и социальным контекстом [1, с. 23, 24; 3, с. 4, 5].

В настоящем исследовании системный анализ применяется к описанию перевода как трансфера знаний и показывает принципиальную применимость системного подхода к переводческой деятельности, понимаемой как сложная, иерархически организованная, открытая система, включающая текст оригинала, текст перевода, отправителя и получателя текста оригинала, переводчика, адресата текста перевода, культурно-исторический контекст и многое другое.

Реализация системного подхода осуществляется в данном исследовании посредством комплексного использования приемов контрастивного, компонентного и семантического анализа с учетом научного компонента, отражающего систематизированный и обобщенный опыт, накопленный в арктиковедении, и играю-

¹Бызова Н.М. Приближая Арктику: книга для чтения / под общ. ред. А.Г. Кирилова. Архангельск: [б. и.]; М.: PressPass, 2021. 143 с.

²Автор имеет практический опыт перевода текстов арктической направленности на китайский язык. Ранее она участвовала в качестве переводчика в проектах «Арктическая лингвокультурология для китайцев» и «Развитие китаеведения на Севере России и в САФУ».

щего важную роль в трансфере знаний. Проведенный системный анализ включает также изучение концептуального содержания, лежащего в основе значения языковых единиц.

Трансфер знаний как теоретическое основание для перевода арктических текстов. Во второй половине XX – начале XXI века понятие «трансфер знаний» стало одним из ключевых в гуманитарных науках, в частности в современном переводоведении. Исследователи подчеркивают междисциплинарный характер данного термина: изначально возникнув в психологии как обозначение переноса, он постепенно был переосмыслен и включен в лингвистику, теорию культурных трансферов и переводоведение, где служит для описания возможностей перемещения знаний, смыслов и концептов между разными языками и культурами [4].

В широком смысле под трансфером знания понимают переработку и целенаправленную передачу профессиональной информации между участниками коммуникации [5, с. 18]. Он обеспечивает не только усвоение нового материала, но и использование уже имеющихся знаний для решения новых задач [6, с. 118–120].

В работах, посвященных теории культурных трансферов, трансфер знаний определяется как процесс переноса содержаний между различными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами [7, с. 5, 23]. Особое место понятие «трансфер знаний» занимает в современной теории перевода. В междисциплинарных обзорах подчеркивается, что термин «трансфер» становится дополнительным по отношению к термину «перевод»: если перевод традиционно связывается с перекодированием информации с одного языка на другой, то трансфер позволяет описывать более глубокие когнитивные и культурные процессы, связанные с соположением ментальных и концептуальных пространств [4, с. 15].

Еще более явно связь между переводом и трансфером знаний прослеживается в работах, специально посвященных переводческой деятельности. Л.М. Алексеева и С.Л. Мишланова

рассматривают современное переводоведение и показывают, что перевод следует понимать как многофазный процесс трансфера знания, в котором ключевую роль играет переводящая личность, включенная в сетевые структуры коммуникации [8, с. 41, 42]. Понятие «трансфер знания», по мнению авторов, лежит в основе актуальной проблемы изучения предметно-специальной компетенции в рамках современной теории перевода [8, с. 46, 51].

Схожая установка прослеживается и в работах по теории трансфера знаний (知识翻译学, англ.: knowledge translation studies, или transknowletology), в которой перевод трактуется как процесс межкультурного управления и переноса знания, при котором переводчик перестраивает структуру знания исходного языка в структуру знания языка перевода [9].

В настоящем исследовании перевод арктического текста рассматривается как особый случай интеркультурного трансфера знаний, в котором взаимодействуют несколько типов знания: научное, историческое, социокультурное и аксиологическое. Книга «Приближая Арктику» позиционируется как системное изложение знаний о российской Арктике и одновременно как текст, ориентированный на широкую аудиторию; перевод книги на китайский язык переносит этот комплекс знаний в иное языковое и культурное пространство, при этом неизбежна как лингвистическая, так и концептуальная переработка материала [10, с. 10, 11].

Важным следствием принятия теории трансфера знаний в качестве базовой рамки является переосмысление статуса переводчика. Следуя подходу Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой, переводчика мы будем рассматривать не как «прозрачного» посредника, а как субъекта трансфера знания, реализующего совокупность переводческих компетенций и включенного в сеть межкультурных взаимодействий [8, с. 46, 47, 51]. В контексте перевода арктического текста это означает, что переводчик не только передает уже сформированный объем сведений об Арктике, но и отбирает, интерпретирует и структурирует их с учетом ког-

нитивных ожиданий и культурных установок китайского читателя. Современные исследования в русле китайского «знаниевого переводоведения» также показывают, что переводчик в международной коммуникации предстает как многоролевая фигура – посредник, интерпретатор и со-создатель переводимого знания [11, с. 40, 41].

Таким образом, теория трансфера знаний обеспечивает понятийный аппарат для описания того, что именно должно передаваться в процессе перевода, и позволяет интерпретировать наблюдаемую в переводе адаптацию знания в новой когнитивно-культурной среде.

Практическое действие теории трансфера знаний можно проиллюстрировать на примере перевода описания природной зоны «арктические пустыни». В русскоязычном тексте это устоявшийся термин арктиковедения, тогда как у китайского читателя он может ассоциироваться с привычным образом жаркой пустыни. В китайском тексте данный термин должен передаваться с уточнением его основных признаков: слабое развитие почв, крайне бедная растительность, связь с многолетней мерзлотой. При переводе на китайский язык необходимо найти не только само лексическое соответствие данному термину, но и пояснение, связанное структурно с научным знанием об Арктике.

Арктиковедение как научный мост для понимания арктических явлений. В современной российской научно-образовательной традиции арктиковедение понимается как комплексная область знания об Арктике, объединяющая естественно-научные, социально-экономические и культурно-исторические представления о северном регионе Земли. Арктика трактуется как единая природная территория вокруг Северного полюса с суровыми климатическими условиями, значительным ресурсным потенциалом и самобытным коренным населением [12, с. 361, 362]. При этом подчеркивается, что экологическое состояние Арктики определяется не только природными факторами, но и освоением данного региона

человеком и характером природопользования, что сближает арктиковедение с географией, историей, экологией и этнологией [13].

В рамках настоящего исследования арктиковедение рассматривается как предметное и понятийное основание для системного анализа. Использование арктиковедения при осуществлении системного анализа позволяет трактовать перевод указанной книги об Арктике на китайский язык как процесс межкультурного трансфера регионального знания, при котором арктическое содержание, сформированное в российской научно-образовательной традиции, адаптируется к китайской языковой картине мира [13].

При переводе фрагментов текста книги, в которых называются и рассматриваются природные зоны Арктики, такие как арктические пустыни, тундра, лесотундра, переводчик должен опираться на понятийный аппарат арктиковедения, чтобы не подменить российские категориальные различия китайскими аналогами. Уточнение содержания данных терминов позволяет скорректировать возможные представления китайского читателя, для которого тундра может ассоциироваться с холодной степью, и тем самым обеспечить более точный трансфер регионального знания.

Анализ микроконтекстов арктической направленности. Отбор микроконтекстов для последующего анализа проводился с учетом таких критериев, как арктическая направленность содержания фрагмента текста; наличие арктических терминов, помогающих осуществлять трансфер знаний об Арктике; необходимость принятия переводческих решений, направленных на помощь в рецепции представленной информации представителями Китая.

Рассмотрим конкретные примеры.

(1) Арктика – особый регион, с суровыми природно-климатическими условиями, разнообразными ресурсами и богатым культурным наследием. Арктика – единая природная территория Северного полушария вокруг Северного полюса в пределах Северного полярного круга (66°33') с наличием морских акваторий,

*островов и архипелагов Северного Ледовитого океана, многолетней мерзлоты и ледников. Климат арктический и субарктический. Большую часть арктических островов занимает природная зона арктических пустынь, материковую сушу и южную часть островов – тундра*³.

Берега являются важными частями, обладающими суровыми природными условиями, разнообразными ресурсами и богатой культурой. Северный полярный круг (66°33') является единой природной территорией, включающей Арктику, острова и архипелаги, вечную мерзлоту и ледники. Тип климата – арктический и субарктический. Большинство островов Арктики относятся к зоне арктических пустынь, а материковую сушу и южную часть островов – к тундре.

В приведенном микроконтексте дано базовое определение Арктики: задаются границы региона, тип климата, природные зоны и ключевые признаки (Северный полярный круг, многолетняя мерзлота, арктические пустыни, тундра). Для китайского читателя здесь возникает первая проблема: в его предшествующем опыте Арктика часто ассоциируется лишь с абстрактным «полюсом холода» или глобальной повесткой изменения климата, тогда как приведенное в книге определение представляет Арктику как конкретное, структурированное пространство с внутренней зональной дифференциацией. Этот фрагмент формирует отправную точку арктического знания: он задает рамочный концепт, в пределах которого читатель интерпретирует всю последующую информацию о морях, архипелагах, коренных народах и ресурсах Арктики. При переводе на китайский язык переводчик выступает как субъект когнитивной переработки, который должен не только подобрать терминологические эквиваленты, но и выстроить определение так, чтобы оно встроилось в уже существующую китайскую картину мира, не разрушая, а уточняя привычные представления об Арктике.

(2) *Географический образ Арктики формируется на основе географической информа-*

*ции о природных ресурсах и условиях, истории освоения, самобытной культуры и народных традиций малых и коренных народов, проживающих на ее территории. Большая площадь арктических просторов является основой для формирования образа обширности и бескрайности территории. Подтверждение данного образа чаще всего происходит при изучении географических карт или во время длительных путешествий, как в прошлом, так и в настоящее время. Природные комплексы Арктики в окружении ледников, айсбергов, извилистых фьордов, скалистых берегов с белыми медведями и птичьими базарами создают образ первозданности и нетронутости территории, чистоты окружающего мира*⁴.

Берега являются важными частями, обладающими суровыми природными условиями, разнообразными ресурсами и богатой культурой. Северный полярный круг (66°33') является единой природной территорией, включающей Арктику, острова и архипелаги, вечную мерзлоту и ледники. Тип климата – арктический и субарктический. Большинство островов Арктики относятся к зоне арктических пустынь, а материковую сушу и южную часть островов – к тундре.

В этом микроконтексте фактическое географическое описание Арктики сменяется представлением ее образа: подчеркиваются обширность, бескрайность, первозданность территории, вводятся визуально-насыщенные детали (ледники, фьорды, скалистые берега, белые медведи, птичьи базары). Для китайского читателя здесь возникает вторая проблема: многие элементы данного образа Арктики либо отсутствуют в его жизненном опыте (например, фьорды, птичьи базары), либо присутствуют как размытые стереотипы («земля белых медведей»), не связанные с конкретной географией Российской Арктики. С точки зрения трансфера знаний рассматриваемый микроконтекст демонстрирует переход от «сухого» научного описания к географически воображаемому, закреплённому в российской культурной традиции. Переводчик дол-

³Бызова Н.М. Приближая Арктику. С. 5.

⁴Там же. С. 9.

жен привнести в китайскую лингвокультуру не только набор объектов, но и способ их видения, иначе образ Арктики в китайском сознании рискует остаться абстрактным и не привязанным к реальной территории.

Подход к рассмотрению специфики перевода в ракурсе системности позволяет рассматривать такие лексические единицы, как «белые медведи», «птичьи базары», «извилистые фьорды»: они несут на себе отпечаток российского северного дискурса и выполняют символическую функцию. В переводе на китайский язык их нельзя свести к обобщенным описаниям вроде «много птиц» или «красивые скалы», иначе теряется культурная специфика образа. Оптимальной тактикой перевода в данном случае становится сочетание лексической точности (с сохранением терминов) и умеренной описательности, позволяющей китайскому читателю визуализировать незнакомые ему реалии.

Умеренная описательность в переводе связана в первую очередь с использованием приема описательного перевода (экспликация), при котором лексическая единица русского языка заменяется словосочетанием, которое дает более или менее полное объяснение ее значения на китайском языке (ср. заимствование «айсберг» передается в переводе на китайский как «冰川»; заимствованная лексема «фьорд» – как «峡湾»). Описательный перевод помогает раскрыть существенные признаки того или иного явления, связанного с Арктикой. Приведенные выше китайские словосочетания дают объяснение арктических терминов, раскрывают, что они означают с учетом контекста и знаниевого компонента. Этот прием используется, когда в языке перевода нет соответствующей номинации или она не известна переводчику. Он позволяет более точно передать смысл оригинального текста и избежать недоразумений, связанных с культурными и языковыми различиями.

С позиции арктиковедения приведенный выше фрагмент текста соотносится с образом

Арктики уникального природного комплекса, в котором природные условия, история освоения и культура коренных народов образуют единую систему.

(3) Дореволюционная история Новой Земли свидетельствует о том, что именно поморы начали осваивать этот суровый край Земли. Они составили первые рукописные карты и сделали описание подходов к архипелагу. Их накопленный опыт, зафиксированный в поморских лоциях, семейных архивах и устных рассказах, был востребован, когда к экспедициям в Арктику приобщилось государство в лице военных моряков и представителей науки. Ученые и дипломированные моряки не стеснялись обращаться к местным кормщикам, имеющим опыт арктического плавания. Именно опыт поморов и деловая активность предприимчивых северян привели к окончательному закреплению архипелага Новая Земля за Россией⁵.

新地岛的革命前历史表明，正是波莫尔人开始开发这片地球上严酷的地域。他们绘制了最早的手稿地图，并对通往群岛的航道进行了描述。他们积累的经验被记录在波莫尔人的航海指南、家族档案以及口述故事中，当国家以海军军官和科学家的名义加入北极探险时，这些经验变得十分重要。学者和受过专业训练的海员并不羞于向当地具备北极航行经验的领航者请教。正是波莫尔人的经验和富有进取心的北方居民的实际行动，使得新地岛群岛最终归属俄罗斯。

Приведенный микроконтекст посвящен дореволюционной истории освоения Новой Земли и роли поморов в этом процессе. В нем описывается, как местные жители создавали первые рукописные карты, лоции, как сохранялись семейные архивы, как полученный практический опыт был воспринят государством и научным сообществом и в итоге стал одним из оснований закрепления архипелага за Россией. Для китайского читателя здесь возникает еще одна проблема: привычная модель исторического знания предполагает ведущую роль госу-

⁵Бызова Н.М. Приближая Арктику. С. 95.

дарства и официальных экспедиций, тогда как данный микротекст показывает, что фундамент арктического знания может складываться «снизу», из опыта локальных сообществ. Данный фрагмент текста демонстрирует превращение локального практического знания (устные рассказы, семейные архивы, рукописные лоции) в институционализированное научное и политическое знание. Переводчик должен попытаться сделать эту траекторию развертывания знания прозрачной для китайского читателя, подчеркнув, что поморские сведения не являются какими-то легендами, а превращаются в ресурс, востребованный государством и наукой.

Теория трансфера знаний позволяет рассматривать трансфер знаний как многоступенчатый процесс: сначала знание перемещается из практики поморских плаваний в систему навигации и картографии, затем – в исторический и политический дискурс и, наконец, через перевод погружается в китайский культурно-языковой контекст.

Особую значимость для перевода представляют культурно маркированные лексические единицы: поморы, лоции, кормщики. Они обозначают специфические элементы поморской морской культуры и не имеют однозначных соответствий в китайском языке. Переводчик вынужден выбирать между транслитерацией и описательным переводом, возможно, дополняя текст комментариями, чтобы не нивелировать культурную специфику и не растворить поморов в родовом понятии «северные рыбаки».

(4) Флора и фауна Северного Ледовитого океана представлены более чем 3 тысячами видов живых организмов. Биоразнообразие видов уменьшается от Баренцева до Чукотского моря. Эндемики составляют 18 % от общего числа организмов, что объясняется молодостью арктических вод по сравнению с водами других океанов. Промысловое значение имеют тресковые, сельдевые, лососевые, камбаловые виды рыб. Многочисленные морские птицы обрывают на островах птичьи базары. Морские

млекопитающие представлены китообразными (гренландский кит, нарвал, белуха и др.), ластоногими (тюлени, морж). Северный Ледовитый океан – кладовая природных ресурсов. В хозяйственном освоении все еще преобладают биологические ресурсы: добывают рыбу, морских моллюсков, млекопитающих, водоросли; развивается марикультура⁶.

北冰洋的动植物群由三千多种生物组成。物种的生物多样性从巴伦支海向楚科奇海方向递减。特有种占有所有生物的18%，这与北极水域相比其他大洋水域更为年轻有关。具有渔业开发价值的鱼类包括鳕鱼类、鲱鱼类、鲑鱼类以及比目鱼类。数量众多的海鸟在岛屿上形成鸟崖。海洋哺乳动物包括鲸类（格陵兰鲸、独角鲸、白鲸等）和鳍足类（海豹、海象）。北冰洋是自然资源的宝库。在经济开发中仍以生物资源为主：捕捞鱼类、海洋软体动物、哺乳动物、海藻，并发展海洋养殖业。

Данный микроконтекст характеризует экологическое и экономическое знания о Северном Ледовитом океане: перечисляются виды организмов, указывается доля эндемиков, описываются промысловые виды рыб, морские млекопитающие, подчеркивается роль «кладовой природных ресурсов» и представляются направления хозяйственного освоения океана (рыболовство, добыча морских млекопитающих, марикультура). Для китайского читателя возникает очередная проблема: в его сознании Арктика чаще всего представлена как источник ресурсов и объект геополитической конкуренции, тогда как в данном русскоязычном фрагменте представлены тесно связанные друг с другом экологическое и ресурсное когнитивно-семантические измерения, когда реализуется подход к изучению семантики с позиций когнитивной лингвистики. В этом микроконтексте мы видим пример того, как точные научные данные (количество видов, доля эндемиков) интегрируются в научно-популярное описание, формируя у читателя определенный образ арктической экосистемы. Переводчик должен сохранить баланс между научной строгостью

⁶Бызова Н.М. Приближая Арктику. С. 35.

и доступностью, чтобы китайский перевод рассматриваемого пособия-оригинала выполнял ту же самую когнитивную функцию: расширял знания, не превращаясь в сухую справку.

Теория трансфера знаний позволяет увидеть то, что в переводе происходит не только передвижение набора терминов (названий рыб, морских млекопитающих, экологических и хозяйственных понятий), но и концептуализация океана как живой, уязвимой системы и одновременно как стратегического ресурса. Если усилить в переводе роль океана как ресурса, экологическое знание будет ослаблено; если, напротив, сосредоточиться лишь на биоразнообразии, исчезнет важная для российской арктиковедческой традиции тема хозяйственного освоения.

Особого внимания требует метафора «кладовая природных ресурсов», которая в русском дискурсе закреплена за Северным Ледовитым океаном и несет оценочный смысл. При выборе китайского эквивалента важно сохранить значение «стратегический резерв», а не просто представить океан как «богатый ресурсами», чтобы читатель понял ценностную коннотативную окраску данного образа.

От принятых переводческих решений зависит, увидит ли китайский читатель Арктику как сложный объект управления, где вопросы использования ресурсов неотделимы от сохранения биологического разнообразия, или воспримет ее как упрощенную модель «новой ресурсной базы», что, несомненно, исказит

исходную систему арктического знания, представленную в книге.

Заключение. Исследование подтвердило, что перевод арктического текста представляет собой сложную системную деятельность, предполагающую перераспределение и преобразование различных типов знания (научного, исторического и культурного) в рамках межкультурной коммуникации. Обращение к системному анализу позволило установить, что перевод функционирует как открытая, иерархически организованная система, в которой взаимодействуют текст оригинала, текст перевода, когнитивные процессы переводчика и культурные ожидания адресата.

Использование теории трансфера знаний показало, что при переводе происходит не только передача фактов, но и адаптация ментальных моделей Арктики, определяющих ее восприятие в принимающей культуре.

Проведенный анализ подтверждает, что перевод книги «Приближая Арктику» на китайский язык может способствовать формированию у китайской аудитории целостного образа российской Арктики. Результаты исследования можно использовать для разработки переводческих стратегий и тактик, ориентированных на эффективную межкультурную трансляцию регионального знания. Дальнейшие перспективы связаны с расширением корпуса переводимых текстов об Арктике и изучением конкретных моделей трансфера знаний в переводе.

Список литературы

1. Миронова Д.М. Принципы системного подхода в концептуальных исследованиях языка: актуальность и реализация // Филол. класс. 2019. № 4(58). С. 23–30. <https://doi.org/10.26170/FK19-04-03>
2. Карпенко П.П., Селезнев А.В., Пелогейко А.В., Чебунина М.В., Буравцова Д.А., Башкинцев М.В. Основы системного анализа // Столып. вестн. 2022. № 4. URL: <https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2022/08/28.pdf> (дата обращения: 15.05.2026).
3. Березнева К.А. Системный подход как метод исследования лингвистических парадигм // Вестн. Калуж. ун-та. Сер. 2: Исследования по филологии. 2023. № 1(3). С. 4–9.
4. Бочавер С.Ю., Феценко В.В. Концептуализация трансфера и перевода в современной лингвистике // Слово.ру: Балт. акцент. 2017. Т. 8, №3. С. 7–29. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2017-3-1>

5. Демьянков В. Трансфер знания и перевод // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. Т. 2. М., 2018. С. 18–21.
6. Liyanage C., Elhag T., Ballal T., Li Q. Knowledge Communication and Translation – A Knowledge Transfer Model // J. Knowl. Manag. 2009. Vol. 13, № 3. P. 118–131. <https://doi.org/10.1108/13673270910962914>
7. Фещенко В.В. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллект. моногр. М., 2016. С. 5–35.
8. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Трансфер знания в переводе как вызов современного сетевого общества // Вопр. когнит. лингвистики. 2019. № 1. С. 41–53. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-1-41-53>
9. 张生祥. 基于知识翻译学的翻译研究与知识转化 // 当代外语研究. 2022. № 2. P. 58–67.
10. Иванов В.Е., Нестерова Н.М. Перевод как инструмент культурного трансфера знаний и их популяризации // Вестн. ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2024. №4. С. 8–17.
11. 梁建辉, 王妮. 知识翻译学视角下译者角色的多重定位及其实现路径 // 外语界. 2023. № 2. P. 40–48.
12. Бызова Н.М., Кирилов А.Г. Арктиковедение // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие: сб. науч. ст. по материалам XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб., 24–25 окт. 2024 г. СПб., 2024. С. 361–363.
13. Бызова Н.М. Арктиковедение – инновационный проект в системе образования // Современные проблемы ландшафтоведения и геоэкологии: материалы VII Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию кафедры геогр. экологии Белорус. гос. ун-та, Минск, 11–15 нояб. 2024 г. Минск, 2024. С. 379–384.

References

1. Mironova D.M. Printsipy sistemnogo podkhoda v konceptual'nykh issledovaniyakh yazyka: aktual'nost' i realizatsiya [Principles of the System Approach in Conceptual Studies of Language: Relevance and Implementation]. *Filologicheskii klass*, 2019, no. 4, pp. 23–30. <https://doi.org/10.26170/FK19-04-03>
2. Karpenko P.P., Seleznev A.V., Pelogeyko A.V., Chebunina M.V., Buravtsova D.A., Bashkintseva M.V. Osnovy sistemnogo analiza [Fundamentals of Systems Analysis]. *Stolybinskiy vestnik*, 2022, no. 4, URL: <https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2022/08/28.pdf> (accessed: 15.05.2026).
3. Berezneva K.A. Sistemnyy podkhod kak metod issledovaniya lingvisticheskikh paradigm [The System Approach as a Method for Studying Linguistic Paradigms]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta. Seriya. 2: Issledovaniya po filologii*, 2023, no. 1, pp. 4–9.
4. Bocharov S.Ju., Feshchenko V.V. Kontseptualizatsiya transfera i perevoda v sovremennoy lingvistike [Conceptualization of Transfer and Translation in Contemporary Linguistics]. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent*, 2017, no. 3, pp. 7–29. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2017-3-1>
5. Dem'yankov V. Transfer znaniya i perevod [Knowledge Transfer and Translation]. *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya*. Moscow, 2018, pp. 18–21.
6. Liyanage C., Elhag T., Ballal T., Li Q. Knowledge Communication and Translation: A Knowledge Transfer Model. *J. Knowl. Manag.*, 2009, vol. 13, no. 3, pp. 118–131. <https://doi.org/10.1108/13673270910962914>
7. Feshchenko V.V. Teoriya kul'turnykh transferov: ot perevodovedeniya – cherez cultural studies – k teoreticheskoy lingvistike [Theory of Cultural Transfers: From Translation Studies, through Cultural Studies, to Theoretical Linguistics]. *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii*. Moscow, 2016, pp. 5–35.
8. Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Transfer znaniya v perevode kak vyzov sovremennogo setevogo obshchestva [Knowledge Transfer in Translation as a Challenge of the Contemporary Network Society]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2019, no. 1, pp. 41–53. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-1-41-53>
9. Zhang S. Translation Studies and Knowledge Transformation from the Perspective of Knowledge Translation Studies. *Contemp. For. Lang. Stud.*, 2022, no. 2 pp. 58–67.
10. Ivanov V.E., Nesterova N.M. Perevod kak instrument kul'turnogo transfera znaniy i ikh populyarizatsii [Translation as an Instrument of Cultural Knowledge Transfer and Its Popularization]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, 2024, no. 4, pp. 8–17.
11. Liang J., Wang N. Translator Roles and Their Realization Paths from the Perspective of Knowledge Translation Studies. *For. Lang. World*, 2023, no. 2, pp. 40–48.

12. Byzova N.M, Kirilov A.G. Arktikovedenie [Arctic Studies]. *Proceedings of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation Prirodnoe i kul'turnoe nasledie: mezhdisciplinarnye issledovaniya, sokhranenie i razvitie*, St Petersburg, 2024, pp. 361–363.

13. Byzova N.M. Arktikovedenie – innovatsionnyy proekt v sisteme obrazovaniya [Arctic Studies as an Innovative Project in the Education System]. *Proceedings of the VII International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the Geographical Ecology Department in Belorus State University Sovremennyye problemy landshaftovedeniya i geoekologii*, Minsk, 2024, pp. 379–384.

Информация об авторах

Ш. Люй – аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002. г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

А.М. Поликарпов – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002. г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Information about the authors

Sh. Lyu, postgraduate student at the Department of Translation and Applied Linguistics, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163002, Russia).

A.M. Polikarpov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Translation and Applied Linguistics, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 16.12.2025
Одобрена после рецензирования 18.02.2026
Принята к публикации 20.02.2026

Submitted 16 December 2025
Approved after reviewing 18 February 2026
Accepted for publication 20 February 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 82–92.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 82–92.

Научная статья
УДК [130.2:78.083.28]-8Шпенглер О.А.Г.(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V516

Освальд Шпенглер и концепция музыкального начала фаустовской культуры: философский анализ

Вячеслав Тависович Фаритов¹✉

Татьяна Вадимовна Борисова²

^{1,2}Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

¹e-mail: vfar@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

²e-mail: borisovatva@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0200-2949>

Аннотация. Статья посвящена анализу специфического подхода Освальда Шпенглера к философскому осмыслению музыки фаустовской культуры. В исследовании применяются приемы философской компаративистики, реконструкции, а также концептуальные установки цивилизационного подхода. Осуществляется реконструкция философского подхода к осмыслению музыки, представленного в первом томе «Заката Европы». Акцент делается на онтологическом аспекте философии Шпенглера. Обосновывается тезис, что разработанная немецким философом концепция музыки относится к постметафизической онтологии. Осуществлен критический анализ тезиса Шпенглера о преимущественно музыкальном характере фаустовской культуры. Показано, что в его концепции феномен музыки анализируется на двух уровнях: культурологическом – в качестве художественной формы выражения прасимвола фаустовской культуры; и онтологическом – как феномен, в наибольшей степени соответствующий специфике истолкования бытия в постметафизической философии. В качестве рабочей гипотезы приводится тезис, что Шпенглер берет музыку в качестве формы, которая способна выступать наиболее характерным выражением определенного способа понимания бытия. В исследовании ставятся следующие вопросы: Является ли именно данный способ понимания бытия квинтэссенцией онтологической парадигмы европейской философии? Соответствует ли та онтология, которую Шпенглер вслед за А. Шопенгауэром и Ф. Ницше находит в музыке, онтологии Р. Декарта и И. Канта. В качестве ответа на поставленные вопросы предлагается вывод, что сам Шпенглер в своих онтологических построениях исходит из онтологии иного типа, которую можно определить как постметафизическую и которая выражает не сущностный характер европейской философии, а ее кризис.

Ключевые слова: Шпенглер, постметафизическая философия, фаустовская культура, музыка, онтология, прасимвол, музыкальное бытие

Для цитирования: Фаритов В.Т., Борисова Т.В. Освальд Шпенглер и концепция музыкального начала фаустовской культуры: философский анализ // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 82–92. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V516>

Original article

Oswald Spengler and the Concepts of the Musical Principle of Faustian Culture: A Philosophical Analysis

Vyacheslav T. Faritov¹✉Tatyana V. Borisova²^{1,2}Samara State Technical University, Samara, Russia¹e-mail: vf@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>²e-mail: borisovatva@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0200-2949>

Abstract. This article analyzes Oswald Spengler’s specific approach to the philosophical and cultural understanding of the music of Faustian culture. The study employs methods of comparative philosophical studies, reconstruction as well as the conceptual tenets of a civilizational approach. A reconstruction of the philosophical approach to understanding music presented in the first volume of Spengler’s “The Decline of the West” is provided. The study emphasizes the ontological aspect of Spengler’s philosophy. It argues that the concept of music developed by this philosopher belongs to a post-metaphysical ontology. The article provides a critical analysis of Spengler’s thesis on the predominantly musical nature of Faustian culture. It is shown that in Spengler’s conception, the phenomenon of music is analyzed on two levels: cultural – as an artistic form of expression of the primordial symbol of Faustian culture; and ontological – as a phenomenon that best corresponds to the specific interpretation of being in post-metaphysical philosophy. The working hypothesis is that Spengler views music as a form capable of serving as the most characteristic expression of a particular way of understanding existence. The study asks whether this particular way of understanding existence represents the quintessence of the ontological paradigm of European philosophy. Another point under discussion is whether the ontology that Spengler, following A. Schopenhauer and F.W. Nietzsche, finds in music corresponds to the ontology of R. Descartes, and I. Kant. The answer to these questions is that Spengler himself, in his ontological constructions, proceeds from a different type of ontology, one that can be defined as post-metaphysical and that expresses not the essential character of European philosophy, but its crisis.

Keywords: Spengler, post-metaphysical philosophy, Faustian culture, music, ontology, primordial symbol, musical being

For citation: Faritov V.T., Borisova T.V. Oswald Spengler and the Concepts of the Musical Principle of “Faustian” Culture: A Philosophical Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 82–92. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V516>

Основная задача настоящего исследования состоит в реконструкции философского подхода Освальда Шпенглера к осмыслению роли музыки в европейской, фаустовской, культуре. Несмотря на то, что предметом обсуждения в «Закате Европы» выступают преимущественно феномены культуры, Шпенглер мыслит не как историк культуры и культуролог, но преимуще-

ственно как философ. Отсюда следует, что феномены культуры, и в частности музыка, несут в его концепции специфическую философскую смысловую нагрузку. В этом состоит основная проблема, определяющая сложность реализации поставленной задачи. Когда Шпенглер пишет о европейской музыке, он рассматривает ее преимущественно и едва ли не исключительно

в качестве формы выражения души человека фаустовской культуры. Такими же формами у Шпенглера выступают европейская математика, трактующая число как функцию, и европейская живопись, утверждающая перспективный способ репрезентации видимого мира. Во всех приведенных случаях речь идет не о математике или живописи как таковых, но о выражении некоего прасимвола, лежащего в основе данной культуры. Прасимвол, в свою очередь, имплицитно описывает онтологическую картину мира, которая будет разворачиваться в этой культуре в различных формах.

Согласно Шпенглеру, в европейской культуре музыка приобретает приоритетную значимость ввиду ее особого сродства с прасимволом фаустовской души. Именно музыка способна выступить наиболее адекватной формой выражения фаустовской устремленности в бесконечность, в отличие, например, от скульптуры, которая в своей телесной замкнутости и статичности в большей степени соответствует духу античной культуры. На основе данного тезиса Шпенглер делает вывод, что именно в европейской культуре музыка получила наиболее полное и всестороннее развитие, в то время как в античности она не сформировалась дальше простого аккомпанемента. Европейская музыка по своей структуре созвучна фаустовскому пониманию бытия, поэтому можно утверждать, что само бытие в этой культуре мыслится музыкально, контрапунктно, симфонически.

Такова предварительная экспозиция специфики шпенглеровского философского осмысления музыки. По ходу исследования реконструкция этого подхода будет осуществлена более подробно, с акцентом на детали. Однако уже сейчас следует отметить ряд проблемных моментов в предложенной Шпенглером концепции. Если бы теоретические разработки немецкого философа изучал музыковед, то он бы сказал, что здесь собственно о европейской музыке говорится совсем не много. И, несмотря на то, что Шпенглер обращается к данному предмету достаточно часто, это суждение верно. Как будет показано ниже, из великих европейских

композиторов Шпенглер более-менее подробно останавливается только на двух фигурах – Людвиге ван Бетховене и Рихарде Вагнере. Остальные имена лишь упоминаются и перечисляются. И Бетховена, и Вагнера философ рассматривает в весьма специфическом ключе: оба композитора выступают для него в качестве фигур, завершающих европейскую музыку. Мы не будем здесь обсуждать вопрос о том, насколько подобное утверждение справедливо с точки зрения истории музыки. Очевидно, что музыковеды с ним будут не согласны. Нас интересует другой вопрос: почему Шпенглер, представивший музыку в качестве наиболее значимого для фаустовской культуры искусства, сосредоточил свое внимание исключительно на феноменах упадка (по его мнению) этого самого искусства?

Проблема состоит в том, что, несмотря на достаточно большое количество научных публикаций по философии Шпенглера, онтологическая реконструкция его подхода к осмыслению роли музыки в фаустовской культуре не предпринималась. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью анализа истоков продолжающихся трансформационных процессов в современной философии и культуре.

В пространстве постницшеанской философской мысли Шпенглер в большей степени получил известность в качестве философа истории и культуры: в области метафизики и онтологии место первой скрипки занял М. Хайдеггер, задавший направление осмысления бытия на несколько десятилетий вперед [1; 2]. Однако и в концепции Шпенглера онтологическая проблематика является определяющей, в этой области философского знания автор «Заката Европы» не менее значим и глубок, чем автор «Бытия и времени».

Сложность онтологической концепции Шпенглера заключается в наличии у его мысли двух перспектив. С одной стороны, история и культура осмысляются в категориях онтологии: становление, ставшее, пространство, время, возможность, действительность, причинность,

бытие, мир. С другой – само бытие мыслится автором исключительно в контексте жизни той или иной культуры. Если Хайдеггер посвятил свою философию поиску путей раскрытия бытия как такового, то для Шпенглера такого бытия не то чтобы нет, но разговор о нем является бессмысленным, поскольку не существует возможности помыслить бытие вне прасимвола конкретной культуры. Главное, что прасимвол одной культуры вовсе не тот, что у другой. И сам по себе, как таковой, прасимвол не доступен определению, однако получает символическое выражение в формах культуры. Он есть «то неописуемое, что проявляется» [3, с. 501]. Исходя из данной установки, автор «Заката Европы» рассматривает все формы культуры, будь то искусство или наука, религия или философия, в качестве выражения, лежащего в основании данной культуры прасимвола. Можно вспомнить, что и сам Хайдеггер, будучи противником всякого «экзистенциализма», подступы к бытию как таковому искал тем не менее через экзистенциальную аналитику Dasein [4]. У Шпенглера прасимвол, выраженный в формах культуры, определяет способ истолкования бытия, своеобразную онтологическую конструкцию, характерную только для данной культуры. К бытию как таковому прийти нельзя. Тогда как к бытию аполлоновской или фаустовской культуры можно приблизиться посредством морфологического и физиогномического исследования искусства или науки данного типа культур. Бытие для каждой культуры сосредоточено в ее прасимволе [3, с. 501–502].

Если сосредоточить внимание на сфере художественного творчества, то для прасимвола фаустовской культуры наиболее значимым искусством выступает музыка, в то время как для аполлоновского – пластика. Шпенглер не ставит своей задачей разработку эстетики отдельных видов искусств. Но поскольку в «Закате Европы» наибольшее внимание уделяется фаустовской культуре, из всех искусств именно музыка рассмотрена наиболее детально. Однако как такового систематического анализа музыки у Шпенглера нет, в отличие, к приме-

ру, от А.Ф. Лосева, посвятившего онтологии музыки отдельную книгу [5], а также ряда других музыковедческих, философско-эстетических и семантических подходов к феномену музыки [6–8]. Можно обратить внимание, что рассуждения о музыке у Шпенглера разбросаны по разным разделам «Заката Европы», поэтому его философия музыки требует специального исследования и реконструкции. Необходимо также учитывать, что в музыковедчески ориентированной философии музыки преобладает линейный подход к истории этого феномена: музыка зародилась в глубокой древности, развивалась где-то в Древнем Китае, получила дальнейшее оформление (и одновременно философское осмысление у того же Платона, например) в Античной Греции, а затем перешла на новую ступень в Европе, достигнув своего расцвета к Новому времени [9]. Можно обратить внимание, в основании такого подхода лежит стандартизированное представление о линейном характере истории человечества в целом и истории философии и музыки в частности, которое получило свое выражение в известной схеме: «Древний мир – Средние века – Новое время». Как будет показано ниже, в случае Шпенглера подобный подход оказывается полностью неприемлемым.

Начать следует с того, что мыслитель рассматривает не музыку вообще, но *инструментальную музыку Европы*, музыку фаустовской культуры. Для Шпенглера культуры как таковой, культуры вообще, не существует. Поэтому не существует и искусства вообще, музыки вообще.

В данном утверждении, впрочем, сразу же вскрывается определенное внутреннее противоречие рассматриваемой концепции. С одной стороны, нет музыки как таковой и европейская музыка – это только европейская музыка, одна из возможных форм выражения фаустовской души, но с другой – музыку как самостоятельное искусство Шпенглер не находит практически нигде, кроме европейской культуры. В этом плане европейская музыка и музыка вообще – вопреки общим концептуальным установкам философа – оказываются едва ли не синонима-

ми. Музыка античной культуры автор «Заката Европы» отказывает в какой-либо значимости: «Античная музыка, не имевшая никаких точек соприкосновения с принципом материальной протяженности, так и осталась в существенной своей части первобытной» [3, с. 338]. Лежащий в основе аполлоновской культуры пластический принцип непродуктивен с точки зрения формирования и развития музыкального искусства. Шпенглер охотно признает самостоятельную значимость и самобытность религии, науки и архитектуры других, неевропейских культур. Однако для музыки он делает исключение. Существует ли вообще неевропейская инструментальная музыка, обладающая самостоятельной художественной значимостью? Или же сложившаяся музыкальная культура – исключительное достояние фаустовской культуры? Пожалуй, здесь можно было бы вспомнить только русскую музыку. Однако в данном случае нам пришлось бы обратиться к шпенглеровской концепции псевдоморфозы и задаться вопросом, в какой степени русская музыка, как и вообще русская культура послепетровской эпохи, является адекватным выражением русской души, а не результатом усвоения форм и стиля чуждой культуры. Данная проблема требует отдельного рассмотрения. Пока мы можем лишь подчеркнуть специфическую особенность оценки европейской музыки в теоретическом наследии Шпенглера. Как высокое искусство музыка возникает и существует только в Европе.

Зададимся вопросом, в чем же заключается эта особая близость музыки прасимволу фаустовской культуры. Душа Европы находит свое выражение в образах и понятиях, связанных с символикой бесконечного пространства. Из всех искусств задаче символического выражения бесконечности западная контрапунктная музыка соответствует в наибольшей степени. Привязанная к ограниченному в пространстве месту и к текущему моменту времени статуя выступает в качестве противоположного полюса устремленной в бесконечность фаустовской души. Ее пластика идеально подходит для пред-

ставления замкнутого на себе и заключенного в строгие границы бытия. Готический собор и перспективная масляная живопись уже выступают как адекватные формы выражения фаустовской души. Однако здесь все еще сохраняется определенная степень телесности, которая должна каким-то образом преодолеваться ввиду задачи выражения в художественной форме бесконечности. Только сложившаяся в эпоху барокко музыкальная форма оказалась способной к наиболее чистому выражению прасимвола бесконечности. Музыка, таким образом, мыслится Шпенглером не только и даже не столько эстетически и культурологически, сколько онтологически: музыкальное искусство представляется способом утверждения характерного именно для западной культуры понимания бытия как бесконечного пространства. Этот же прасимвол обуславливает характерное для западного христианства представление о Боге: «Единое мировое пространство... требует единого Бога» [3, с. 276]. Впоследствии, с обнаружением принципиальной нетождественности западного и восточного христианства («двух отдельных религий под одной маской»), Бог в фаустовской культуре будет мыслиться все более и более пантеистически – от Николая Кузанского до Георга Вильгельма Фридриха Гегеля включительно. В соответствии с прасимволом западной культуры Бог будет растворен в бесконечном мировом пространстве (Кузанский) и наделен чертами динамического процесса становления и развития (Гегель). Поэтому Шпенглер может с полным правом утверждать: «органные фуги, кантаты и “страсти” Щюца, Гаслера и Баха создали образ протестантского Бога» [3, с. 276]. Итак, в основании западного христианства, в основании западной музыки, в основании всей западной метафизики лежит один и тот же прасимвол.

В этой установке Шпенглера на онтологическое прочтение музыки явственно прослеживается ситуация кризиса европейской метафизики, смены онтологических парадигм в западной философской мысли [10]. Еще Гегель в своих лекциях по эстетике отдавал предпочтение не музыке, но поэзии, искусству сло-

ва – поскольку для него слово в наибольшей степени соответствует логической, понятийной сфере духа [11]. Отметим, что мыслить бытие музыкально в европейской философии начали не так уж давно. Предшественниками Шпенглера в этом направлении были Артур Шопенгауэр и Фридрих Ницше. Первый охарактеризовал музыку в качестве единственного искусства, непосредственно выражающего мировую волю, чем ознаменовал разрыв с классической европейской метафизикой, для которой бытие соответствовало категории разума. Ницше, сначала мысливший музыку в рамках шопенгауэровской метафизики, впоследствии пришел к отказу от метафизического стиля философствования и начал искать пути неметафизического (постметафизического) осмысления музыки. Шпенглер, с одной стороны, ограничивает область высокой музыки пространством фаустовской души и культуры («что мы знаем об индийской и китайской музыке?» [3, с. 320]), с другой – возвысил западную инструментальную музыку до статуса высшего искусства европейской культуры, наиболее адекватной художественной формы выражения ее прасимвола, поставив музыку в один ряд с западным христианством и европейской математикой.

Из сказанного следует, что предложенный Шпенглером тезис о сущностной и принципиальной музыкальности фаустовской культуры не является столь бесспорным, каким он может показаться на первый взгляд ввиду убедительности приведенных самим философом аргументов. Следует учитывать, что данный тезис соответствует установке постметафизической философии, источником которой является кризис европейской метафизики. Ни Рене Декарт, ни Готфрид Вильгельм Лейбниц, ни Иммануил Кант, ни даже Гегель (который уже приблизился к порогу кризиса классической философской традиции и которого не покидало ощущение завершенности философии) не мыслили бытие музыкально, а самой музыке отводили весьма скромную роль даже в ограниченной сфере эстетики, не говоря уже об онтологии. Да и были ли сами европейцы столь страст-

ными поклонниками музыки? Не следует забывать, что великий Бах в течение достаточно длительного периода времени не был понят и оценен своими современниками и потомками. Более того: он был едва ли не забыт! А кто среди великих европейских философов был глубоким знатоком и ценителем музыки? Кант не был. Гегель – тоже. Может Ницше? Но это уже философия кризиса европейской метафизики. Шпенглер исходит, по преимуществу, из Ницше. Его представление о музыке как о наиболее адекватном выражении прасимвола фаустовской культуры задано теми преобразованиями, которые произошли в западной философии в постницшеанский период.

На наш взгляд, такая переоценка роли музыки в фаустовской душе во многом обусловлена той перспективой, из которой исходил философ. Шпенглер, во-первых, не был мыслителем эпохи расцвета европейской культуры. Во-вторых, он не был и представителем периода зрелости. Он – философ умирающей культуры, культуры, исчерпавшей все свои возможности и израсходовавшей весь свой творческий потенциал, одинокий мыслитель цивилизации больших городов, предчувствующий уже близкий конец фаустовской души. Подобная перспектива завершения и гибели неизбежно накладывала отпечаток на характер мысли, провоцируя своеобразную и специфическую аберрацию конца. Тот, кто живет и мыслит в период распада, неизбежно окрашивает свои мысли в закатные тона. Он оценивает и прошлые столетия сквозь призму охватившего современность упадка. Именно в период кризиса европейской цивилизации философы стали обращаться к музыке в поисках новых горизонтов осмысления бытия – первыми в этом ряду были Шопенгауэр, Ницше и сам Шпенглер. Именно в это время понимание бытия как трансцендентальной субъектности и трансцендентальной мыслимости всего сущего начинает разлагаться, уступая место истолкованию бытия как становления – хрестоматийная ницшевская формулировка: «Придать становлению характер бытия – вот в чем проявляется высочайшая воля к власти» [12, с. 287].

Из всех искусств бытию как становлению, безусловно, ближе всего музыка. Это характерно преимущественно для постницшеанской философии переживания мира как *безгранично движущегося музыкального бытия*. Однако для европейской метафизики периода не упадка, а расцвета присуще совсем иное осмысление бытия – не как трансгрессивного становления, но как господствующего над всем миром мыслящего субъекта. И такой онтологической конструкции в художественной сфере в большей степени соответствует не музыка, но западная перспективная живопись.

Тем не менее философ стремится всеми силами спасти свой тезис о приоритете музыки в фаустовской культуре. Для достижения этой цели он делает весьма искусный ход: европейская живопись в основе своей музыкальна, что и отличает ее от пластичной античной живописи. Для Шпенглера живопись сама по себе лишь только слово и европейская живопись по существу есть та же музыка: «Живопись делается полифонной, устремляясь в бесконечность. Краски делаются тонами. Искусство кисти покоряется стилю фуги» [3, с. 351]. И, в конце концов, нельзя игнорировать то обстоятельство, что в основе как европейской музыки, так и европейской живописи лежит один прасимвол. Однако нельзя отрицать и то, что западная живопись посредством перспективы утверждает субъекта в качестве онтологического центра, в то время как музыка единство субъекта рассеивает.

Автор «Заката Европы», как и Ницше, заморожен феноменом декаданса. Особенно ярко этот момент проявляется в его оценке истории европейской музыки. Обращает на себя внимание, что для Шпенглера расцвет музыки фаустовской культуры приходится на XVIII столетие, в то время как уже с XIX века начинается упадок: «Около 1740 г., когда все великие мастера масляной живописи умерли и Бах был в расцвете своей силы, был закончен строгий канон 4-частной сонатной фразы» [3, с. 334]. Уже Бетховен – «на границе культуры и цивилизации», уже Бетховен «не справляется с

большим стилем», а Вагнер и вовсе «разрушил этот стиль» [3, с. 334]. Такой взгляд можно назвать, как минимум, нестандартным. Но это типично ницшеанский способ «переоценивать ценности». Вспомним, что в истории античной философии Ницше считал периодом расцвета учения досократиков, с Сократа для него начинался как раз упадок, а философия Платона и Аристотеля – уже суть продукты разложения греческой мысли и культуры. В концепции Шпенглера для европейской культуры стадия цивилизации наступает с 1800 года, подобно тому, как для античной – с 350 года до нашей эры. С этого времени в сфере художественного творчества будут наблюдаться исключительно необратимые процессы распада и разрушения.

С точки зрения Шпенглера, идеальной формой выражения прасимвола фаустовской культуры выступает контрапунктная музыка. А это прежде всего плеяда музыкантов эпохи барокко (многих из которых сегодня уже мало кто помнит) во главе с великим Иоганном Себастьяном Бахом: «В лице Баха чистая инструментальная музыка победила живопись, будучи единственным и последним средством уяснения чувства Бога» [3, с. 451]. Однако этой музыке не суждено жить вечно, ее существование строго ограничено рамками фаустовской культуры, с исчезновением которой неизбежно исчезнет и она. Неотвратимо придет время, когда о европейской музыке человечество будет помнить не больше, чем мы сейчас помним о китайской и индийской музыке.

Распад и деградация музыки большого и строгого стиля, музыкальной формы барокко, начинается уже с Бетховена: «музыка Бетховена разрушила большую форму инструментальной музыки XVIII в., потому что в ней необузданно прорывался избыток варварства современной души большого города» [3, с. 638].

Творчество Бетховена знаменует начало конца. Собственно конец европейской музыки представлен фигурой Вагнера. Здесь ницшеанство Шпенглера проявляется в полной мере. Ни Баху, ни Бетховену, ни другим композиторам он не уделяет столь пристального внима-

ния, как Вагнеру. Деятели периода декаданса вызывают у Шпенглера наибольший интерес.

Бах в «Закате Европы» отмечен лишь несколькими упоминаниями. Бетховен же рассматривается более подробно, очевидно, лишь потому, что с него начинается разрушение большого стиля. Вагнер подвергается анализу сразу в двух перспективах: диахронической и синхронической. В диахроническом аспекте творчество Вагнера соответствует определенному периоду упадка античного искусства, а именно – периоду эллинизма. И пластика Пергамского алтаря, и оперы Вагнера относятся к последним фазам аполлоновского и фаустовского искусства. Дальше будет только хуже. Возвышенный и величественный характер произведений будет неуклонно снижаться, в то время как смешение разнородных стилей и заимствование чужеродных мотивов – нарастать до чудовищных размеров.

В синхроническом плане Шпенглер выявляет родственность техники и стиля музыки Вагнера с импрессионизмом в современной живописи. Если в музыке Бетховена распад большого стиля только начинает давать о себе знать то здесь, то там встречающимися нарушениями строгого канона, то у Вагнера наблюдается уже тотальная деструкция всех канонов. Принципом самой музыкальной ткани Вагнера становится *трансгрессия*, нарушение установленных границ: «Вагнер растворяет мелодию, подобно тому как Мане растворяет границы видимых предметов» [3, с. 423]. Кто-то может усматривать в технике Рихарда Вагнера и Эдуарда Мане прогресс искусства, которое порывает со старым и смело идет по пути новаторства и открытий, но для Шпенглера это очевидные симптомы грядущей смерти фаустовского искусства: «Искусство их обозначает уступку варварству больших городов, начинающееся разложение, которое обнаруживается в смешении грубости и утонченности» [3, с. 422]. Вагнер знаменует конец западной музыки: «С "Тристаном" наступает смерть последнего фаустовского искусства. Это творение есть исполинский заключительный камень западной музыки» [3, с. 419].

Музыка фаустовской культуры не умирает сразу. Этот процесс растягивается на столетия. Однако в действительности авангардная музыка XX века, атональная техника и додекафония, полистилистика – все это знаменует не создание нового стиля, но тотальное разложение и во многом уже осознанное уничтожение некогда сложившегося стиля. В самом лучшем случае – смешение разнородных и чужеродных стилей, постмодернистскую «игру в бисер». Музыка перестает выступать в качестве выражения прасимвола фаустовской культуры, потому что сама эта культура уже уступила место цивилизации (в специфически шпенглеровском понимании данного термина) и движется навстречу собственной гибели. Этот процесс распада европейской музыки может продолжаться еще не одно столетие, в то время как период ее расцвета занимал в лучшем случае один век. На подобную закономерность в истории культуры укажет впоследствии А.Ф. Лосев: «Ведь в истории культуры очень часто бывают такие эпохи разложения, которые гораздо богаче и продолжительнее классических эпох» [13, с. 354]. Согласно Лосеву, период античной классики, при строгом подходе, «займет каких-нибудь два или три десятилетия», в то время как период эллинизма, озаглавленный разложением греческой классики, «существовал по крайней мере 900 лет» [13, с. 354]. Аналогичным образом у Шпенглера большую часть истории западной музыки составляет процесс ее упадка и деградации. Вся музыка XIX столетия, все композиторы, следующие за Бетховеном, уже в той или иной степени представляют упаднические тенденции. История музыки фаустовской культуры в реконструкции Шпенглера представлена сравнительно кратким периодом расцвета и достаточно длительным процессом распада.

Данный момент еще раз позволяет поставить под сомнение тезис Шпенглера о преимущественно музыкальном характере бытия фаустовской культуры. Мы уже отмечали, что попытку молодого Ницше вывести античную трагедию из духа музыки следует скорее признать интеллектуальным конструктором и резуль-

татом ретроспективного истолкования прошлого в горизонте тенденций современной культуры. Ницше исходил вовсе не из античного духа музыки, но из вполне современного духа музыки Вагнера. Был ли античности вообще присущ дух музыки? Или здесь имеют место только романтические грезы филолога-вагнерианца? По крайней мере, в воззрениях Ницше периода базельской профессуры античная культура и музыка Вагнера переплелись в достаточно сложный узел, завязанный на феномене дионисического начала: «По мнению Ницше, Вагнер был призван вернуть немецкую музыку на высоту, достигнутую Бахом и Бетховеном, и возродить то “дионисическое начало”, которое было свойственно культуре греков, утраченное в процессе развития европейской культуры» [14, с. 245].

Здесь со Шпенглером будет вполне солидарен такой признанный знаток античности, как А.Ф. Лосев (хотя и он будет критиковать автора «Заката Европы» за чрезмерно односторонний, недialeктический подход [15; 16]). Вместе с тем более объективный в отношении античности Шпенглер окажется одновременно более предвзятым в отношении европейской культуры. Да и можно ли было ожидать от этого представителя западной цивилизации, от, наконец, немца конца XIX – начала XX столетий непредвзятости? Как уже отмечалось выше, именно в ту пору, в период обозначившегося и проявившегося кризиса европейской метафизики, в западную философию стало активно проникать музыкальное начало. У таких мыслителей, как Шопенгауэр и Ницше, бытие действительно будет пониматься вполне себе музыкально. Шпенглер ретроспективно распространит этот поздний и кризисный вариант онтологии на всю фаустовскую культуру. Так сформируется шпенглеровский миф об исключительной музыкальности европейской души. Однако данный взгляд – результат *эпантиодромии* [17] в сфере культуры. Европа, по преимуществу, обладает культурой рациональности и власти, что достаточно полно и ярко воплотилось в фаустовской мифологии,

религии, архитектуре, живописи и, наконец, в науке и технике. Музыка здесь представляет скорее исключение. По крайней мере, эта часть фаустовской души (вспомним знаменитый монолог гетевского Фауста о двух душах в одной груди) всегда оставалась в определенной степени затененной, не до конца осознаваемой.

Таким образом, завершая реконструкцию философского подхода Шпенглера к осмыслению роли музыки в европейской культуре, мы можем сделать вывод, что в сфере музыки фаустовский человек скорее отдыхал от самого себя, чем утверждал и осознавал самого себя. И только когда он окончательно устал от самого себя, он начал осознанно обращаться к музыке – последняя вошла в пространство философской мысли. Не случайно, что музыкальное истолкование бытия у Шопенгауэра и Ницше стало утверждаться одновременно с глубочайшим скепсисом в отношении рационализма европейской метафизики. Шпенглер продолжил данную тенденцию, в т. ч. в сфере онтологии, отдавая онтологический приоритет становлению, а не ставшему. Здесь, заметим, Шпенглер не уступает Хайдеггеру, онтология которого целиком сводится к утверждению приоритета бытия, понимаемого из горизонта временности, перед сущим [18]. Становление, временность – все это категории постметафизической, постницшеанской философии. Для классической западной метафизики характерны приоритет гносеологических категорий и онтологизация познавательной сферы. Онтология постницшеанского толка возможна только в ситуации кризиса европейской метафизики.

Вместе с тем, реализуя критический подход по отношению к отдельным положениям философского осмысления Шпенглером роли музыки в европейской культуре, автор не утверждает принципиальной невозможности мыслить бытие не скульптурно-пластически (античная культура) и не субъективно-перспективно (европейская культура), но музыкально. Такой подход к пониманию бытия уже начал формироваться в философии Ницше и получил свою

разработку, в т. ч. в концепции Шпенглера. В отечественной философской мысли к музыкальному подходу обращается А.Ф. Лосев [19; 20].

Однако сам факт зарождения онтологической парадигмы подобного рода свидетельствует о кризисе европейской метафизики.

Список литературы

1. Глухов А.А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. М., 2014. 584 с.
2. Малкина С.М. Постметафизические конфигурации онтологии. Саратов, 2015. 268 с.
3. Шпенглер О. Закат Европы. М., 2000. 1376 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003. 503 с.
5. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. 655 с.
6. Холопова В.Н. Феномен музыки. СПб., 2023. 452 с.
7. Оле Кюль. Музыкальная семантика. СПб., 2022. 240 с.
8. Клюев А.С. Русская философия музыки. М., 2024. 240 с.
9. Коломиец Г.Г. Ценность музыки: философский аспект. М., 2012. 532 с.
10. Фаритов В.Т. Пути русской философии в свете кризиса европейской метафизики. СПб., 2025. 576 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 2 т. Т. II. СПб., 2007. 604 с.
12. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: [в 13 т.]. Т. 12: Черновики и наброски 1885–1887 гг. М., 2005. 560 с.
13. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 2021. 646 с.
14. Шульдешов А.А. Начало модернизма в музыке: Ницше и Вагнер // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 3(59). С. 244–248.
15. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 2021. 755 с.
16. Освальд Шпенглер: pro et contra. СПб., 2008. URL: <https://russianway.rhga.ru/section/katalog/osvald-shpengler-1880-1936.html> (дата обращения: 21.05.2026).
17. Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1998. 720 с.
18. Фаритов В.Т. Время как трансгрессия и фундаментальная онтология М. Хайдеггера // Mixtura verborum' 2021: границы человеческого и современность: сб. науч. ст. Самара, 2021. С. 46–55.
19. Бочаркин Д.В., Матюшова М.П. Феноменология чистого музыкального бытия А.Ф. Лосева // Касп. регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2(79). С. 67–80.
20. Фаритов В.Т. Основоположения чистого музыкального бытия: А.Ф. Лосев // Основы экономики, управления и права. 2025. № 1(44). С. 26–32.

References

1. Glukhov A.A. *Perekhlest volny. Politicheskaya logika Platona i postnitssheanskoe preodolenie platonizma* [Overtopping. Plato's Political Logic and Post-Nietzschean Overcoming of Platonism]. Moscow, 2014. 584 p.
2. Malkina S.M. *Postmetafizicheskie konfiguratsii ontologii* [Post-Metaphysical Configurations of Ontology]. Saratov, 2015. 268 p.
3. Shpengler O. *Der Untergang des Abendlandes*. Munich, 1919. 1249 p. (Russ. ed.: Shpengler O. *Zakat Evropy*. Moscow, 2000. 1376 p.)
4. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1927. 451 p. (Russ. ed.: Khaidegger M. *Bytie i vremya*. Khar'kov, 2003. 503 p.)
5. Losev A.F. *Iz rannikh proizvedeniy* [From Early Works]. Moscow, 1990. 655 p.
6. Kholopova V.N. *Fenomen muzyki* [The Phenomenon of Music]. St. Petersburg, 2023. 452 p.
7. Kühl O. *Musical Semantics*. Bern, 2007. 261 p. (Russ. ed.: Kyul' O. *Muzykal'naya semantika*. St. Petersburg, 2022. 240 p.)
8. Klyuev A.S. *Russkaya filosofiya muzyki* [Russian Philosophy of Music]. Moscow, 2024. 240 p.
9. Kolomiets G.G. *Tsennost' muzyki: filosofskiy aspekt* [The Value of Music: A Philosophical Aspect]. Moscow, 2012. 532 p.

10. Faritov V.T. *Puti russkoy filosofii v svete krizisa evropeiskoy metafiziki* [The Paths of Russian Philosophy in Light of the Crisis of European Metaphysics]. St. Petersburg, 2025. 576 p.
11. Hegel G.V.F. *Vorlesungen über die Ästhetik: Band. II*. Stuttgart, 1939. 465 p. (Russ. ed.: Gegel G.V.F. *Estetika*. St. Petersburg, 2007. 604 p.)
12. Nietzsche F.W. *Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe. Band 12*. Munich, Berlin, New York, 1988. 582 p. (Russ. ed.: Nitsche F.V. *Polnoe sobranie sochineniy: chernoviki i nabroski 1885–1887*. Moscow, 2005. 560 p.)
13. Losev A.F. *Estetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow, 2021. 646 p.
14. Shul'deshov A.A. Nachalo Modernizma v muzyke: Nitsche i Vagner [The Beginning of Modernism in Music: Nietzsche and Wagner]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2014, no. 3, pp. 244–248.
15. Losev A.F. *Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow, 2021. 755 p.
16. *Osvaľ'd Shpengler: pro et contra* [Oswald Spengler: For and Against]. St. Petersburg, 2008. Available at: <https://russianway.rhga.ru/section/katalog/osvald-shpengler-1880-1936.html> (accessed: 21.05.2026).
17. Jung C.G. *Psychologische Typen*. Zurich, 1921. 713 p. (Russ. ed.: Yung K.G. *Psikhologicheskie tipy*. Moscow, 1998. 720 p.)
18. Faritov V.T. Vremya kak transgressiya i fundamental'naya ontologiya M.Haideggera [Time As Transgression and M. Heidegger's Fundamental Ontology]. *Mixtura verborum – 2021: granitsy chelovecheskogo i sovremennost'*. Samara, 2021, pp. 46–55.
19. Bocharkin D.V., Matyushova M.P. Fenomenologiya chistogo muzykal'nogo bytiya A.F. Loseva [A.F. Losev's Phenomenology of Pure Musical Being]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2024, no. 2, pp. 67–80.
20. Faritov V.T. Osnovopolozheniya chistogo muzykal'nogo bytiya: A.F. Losev [Fundamentals of Pure Musical Being: A.F. Losev]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*, 2025, no. 1, pp. 26–32.

Информация об авторах

В.Т. Фаритов – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета (адрес: 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244).

Т.В. Борисова – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета (адрес: 443100, г. Самара, Молодогвардейская, д. 244).

Information about the authors

Vyacheslav T. Faritov, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University (address: ul. Molodogvardeyskaya 244, Samara, 443100, Russia).

Tatyana V. Borisova, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University (address: ul. Molodogvardeyskaya 244, Samara, 443100, Russia).

Поступила в редакцию 08.10.2025
Одобрена после рецензирования 15.01.2026
Принята к публикации 22.01.2026

Submitted 8 October 2025
Approved after reviewing 1 January 2026
Accepted for publication 22 January 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 93–106.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 93–106.

Научная статья
УДК 001.92(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V517

Неолиберализм и гражданская наука в России: между глобальными стандартами и национальными приоритетами

Марина Давидовна Крынжина

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
e-mail: m.krynzchina@inno.mgimo.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9956-4521>

Аннотация. В статье анализируются тенденции развития гражданской науки в России в контексте влияния неолиберального социально-экономического порядка на формирование данного концепта и трансформацию его практик. Несмотря на повсеместную критику неолиберализма, за счет глобального распространения идей и ценностей, составляющих основу этой доктрины, отечественная система организации научной деятельности по-прежнему в значительной степени подвержена ее влиянию. Развитие гражданской науки анализируется в рамках концепции моделей научных коммуникаций, таких как «дефицитная модель», «модель диалога» и «модель вовлечения», или «партисипаторная модель». Сделан акцент на различиях в подходах к определению концепта «гражданская наука» со стороны представителей естественных и социальных наук. Показано, что зарубежные ученые, учреждая проекты с привлечением волонтеров, изначально преследовали образовательные цели. Продемонстрировано, что российские исследователи теоретически рассматривают гражданскую науку как благо и эффективный инструмент укрепления социальной солидарности и популяризации научного знания, разделяя, таким образом, англо-саксонские подходы и призывая к развитию этого направления. Однако на практике развитие гражданской науки в России сталкивается с серьезными препятствиями: примеры реализации проектов гражданской науки малочисленны, вовлеченность широкой общественности минимальна, а популяризации феномена не уделяется должного внимания. Показано, что международный опыт привлечения волонтеров-исследователей недостаточно проявляется в российском научном и информационном пространстве. Сделан акцент на роли практик гражданской науки в суверенном государстве. Делается вывод, что гражданская наука в России как социальный институт, призванный популяризировать науку среди широкой общественности, не функционирует.

Ключевые слова: гражданская наука, научные коммуникации, научная политика, популяризация науки, суверенная наука, неолиберальная наука, открытая наука

Для цитирования: Крынжина М.Д. Неолиберализм и гражданская наука в России: между глобальными стандартами и национальными приоритетами // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 93–106. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V517>

Original article

Neoliberalism and Citizen Science in Russia: Between Global Standards and National Priorities

Marina D. Krynzchina

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

e-mail: m.krynzchina@inno.mgimo.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9956-4521>

Abstract. The article analyzes the trends in the development of citizen science in Russia in the context of the influence of the neoliberal socio-economic order on the formation of this concept and the transformation of its practices. Despite widespread criticism of neoliberalism, due to the global spread of the ideas and values that form the basis of this doctrine, the domestic system of organizing scientific activities remains significantly influenced by it. The development of citizen science is analyzed within the framework of the concept of scientific communication models—the “deficit model”, the “dialogue model”, and the “engagement” or “participatory model”. Emphasis is placed on the differences in approaches to defining the concept of “citizen science” among representatives of natural and social sciences. It is shown that Russian researchers theoretically consider citizen science as a benefit and an effective tool for strengthening social solidarity and popularizing scientific knowledge, thus sharing Anglo-Saxon approaches and calling for the development of this direction. However, in real practice, the development of citizen science in Russia faces serious obstacles: examples of the implementation of citizen science projects are few, public involvement is minimal, and due attention is not given to the popularization of the phenomenon among the general public. It is shown that international experience in attracting volunteer researchers in science is insufficiently manifested in the Russian scientific and informational space. Emphasis is placed on the role of citizen science practices in a sovereign state. The conclusion is made that citizen science in Russia, as a social institution designed to popularize science among the general public, does not seem to function.

Keywords: *citizen science, science communication, science policy, popularization of science, sovereign science, neoliberal science, open science*

For citation: Krynzchina M.D. Neoliberalism and Citizen Science in Russia: Between Global Standards and National Priorities. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 93–106. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V517>

Введение

Современный этап развития глобального научного пространства характеризуется обострением противоречий между универсалистскими установками неолиберальной доктрины и стремлением государств и обществ к формированию собственных стратегий научно-технологического развития. В публичном дискурсе это противостояние все чаще концептуализируется через категорию «суверенная наука».

Данный термин отражает не только институциональные и организационные особенности, но прежде всего ценностные основания научной деятельности в условиях национальных приоритетов, культурной идентичности и политической автономии. Если неолиберальная наука ориентирована на рыночные механизмы, конкуренцию, унификацию стандартов научной деятельности и подотчетность транснациональным структурам, то суверенная наука

предполагает утверждение иной парадигмы, основанной на самодостаточности, социально-культурной укорененности и стратегической значимости национальной научной культуры для общества [1]. В то же время неолиберальный общественно-политический контекст развития научной сферы, который сформировался в конце XX – начале XXI века в соответствии с доминирующими на международной арене в обозначенный период времени принципами свободного глобального рынка и экономической конкуренции, продолжает оказывать существенное воздействие на развитие науки в России и мире.

Неолиберальная наука, возникшая под влиянием экономических реформ 1980–1990-х годов, подчиняет научную деятельность рыночным механизмам, коммерциализации знаний и конкуренции за ресурсы. Она рассматривает науку как сферу, где знания становятся товаром, а ученые – рациональными акторами, конкурирующими за финансирование и патентование результатов [2]. Неолиберальная идеология поощряет создание условий, при которых ученые должны самостоятельно заботиться о коммерциализации своих трудов, а граждане активно выступать в научных процессах как «потребители» и «соинвесторы», оказывать влияние на ход исследований и даже непосредственно в них участвовать [3].

Критики неолиберализма справедливо отмечают, что при таком подходе к организации научной деятельности приоритет государственного финансирования и частных инвестиций закономерно смещается в сторону тех проектов, которые способны принести экономическую выгоду и практический результат [4]. В то же время в ходе глобального распространения неолиберальной модели положительно трансформировались взаимоотношения научного сообщества и социума: вовлечение общества в коммуникацию с научным сообществом и представителями власти способствовало развитию концепции «открытой науки» [5].

Данная концепция тесно связана с теорией «открытого общества» К. Поппера, подробно

описанной в работе «Открытое общество и его враги» (1945). Исследователь полагал, что в демократично устроенном обществе, открытом для критики, дискуссий и изменений, можно избежать догматизма и авторитаризма, а также концентрации власти в одних руках. В теории «открытого общества» знание и идеи не монополизированы правящей элитой, не сосредоточены в центрах, единолично принимающих решения, а распределены между сильными институтами, к которым К. Поппер относил и институт средств массовой информации [6].

Концепция «открытой науки» охватывает применение принципов «открытого общества» в этой сфере и в самом широком смысле выражается в открытом доступе к публикациям, данным и образовательным ресурсам. Существуют разные подходы к определению рассматриваемого термина. В частности, Б. Фехер и С. Фризике выделяют 5 ключевых направлений, в рамках которых фиксируются цели «открытой науки»: «обеспечение равного доступа к знаниям (демократическая школа); повышение эффективности процесса создания знаний за счет целеполагания (прагматичная школа); развитие цифровой инфраструктуры, платформ и инструментов для совместной работы ученых (инфраструктурная школа); повышение доступности науки для общества (общественная школа); внедрение новых способов оценки научных достижений (количественная школа)» [7, с. 19].

Согласно определению, предложенному Организацией экономического сотрудничества и развития, миссия «открытой науки» – «сделать основные результаты исследований, финансируемых государством, – публикации и данные исследований – общедоступными в цифровом формате без каких-либо ограничений или с минимальными ограничениями» [3, с. 124]. Это определение всецело согласуется с неолиберальным видением социально-экономического развития, опирающегося на рыночные механизмы: стимулирование эффективности и свободной конкуренции через открытый доступ к данным, а также позиционирование

научного знания в качестве ресурса для экономического роста.

В академических кругах неолиберальные преобразования в науке ассоциируются, в первую очередь, именно с развитием института гражданской науки (как одного из ключевых проявлений концепции «открытой науки») [8]. Сегодня феномен гражданской науки привлекает возрастающее внимание, т. к. необходимо заново переосмыслить взаимоотношения науки и общества в контексте развития суверенной науки и следования национальным приоритетам. Особую актуальность концептуальное осмысление феномена гражданской науки приобретает в контексте глобальных вызовов XXI века (климатические изменения, эпидемия Covid-19 и др.), которые наглядно демонстрируют, насколько расколото общество, подорван авторитет ученых и как велико недоверие большого числа граждан к достоверности результатов исследований [9].

Концепт гражданской науки и проблема терминологии

В общих чертах гражданская наука означает любой формат участия граждан в научной деятельности. В то же время на проблему терминологии указывают многие авторы [10]. Представители естественных и социальных наук по-разному понимают цели гражданской науки. И это разное понимание корнями уходит в изначальное определение данного феномена, которое в один и тот же период независимо друг от друга предложили разные ученые. Формирование концепта гражданской науки и появление первых теоретических публикаций, посвященных этой теме, относятся к 1995 году.

Изначально определению гражданской науки была свойственна амбивалентность. Термин «citizen science» в современном его понимании одновременно был введен в научный оборот социологом Алланом Ирвином и орнитологом Рики Бони. А. Ирвин как представитель социальных наук полагал, что процессы принятия решений в научной политике должны быть открытыми для общества, поскольку наука должна чутко реагировать на проблемы и нужды

граждан [11]. Согласно его терминологии, концепт «гражданская наука» был призван стать связующим звеном между наукой, обществом и политикой, т. е. гражданская наука в понимании исследователя могла использоваться в качестве инструмента для достижения политических целей. Р. Бонни как представитель естественных наук подразумевал под гражданской наукой проекты, в которых неспециалисты могли бы принимать участие и добровольно собирать данные, необходимые для исследования. Он ввел этот термин как синоним понятия «Public Participation in Scientific Research», которое мы могли бы перевести как «участие общественности в научных исследованиях», таким образом заменив сложное и длинное название более звучным и коротким [12].

Соответственно, для естествоиспытателей феномен гражданской науки – это возможность снизить затраты на исследование, осуществить проект, который невозможно реализовать без привлечения волонтеров в силу ограниченности бюджета. Речь здесь идет о проектах, для достижения целей которых необходимы большие объемы данных. Для представителей социальных наук рассматриваемый феномен – это возможность повысить уровень грамотности населения, укрепить доверие к ученым, к организаторам науки и людям, проводящим научную политику.

Г. Ромашкина и А. Лисица отмечают, что впервые в эмпирическом исследовании термин «гражданская наука» был использован в 1989 году американским биологом Робертом Керзоном: он сумел привлечь 225 добровольцев из числа американских граждан для описания способов сбора проб дождя в рамках маркетинговой кампании по повышению осведомленности населения о кислотных дождях, проводимой некоммерческой экологической организацией «Национальное Одюбоновское общество». Авторы полагают, что Р. Керзон первым на практике продемонстрировал «концепцию того, как можно привлечь к проблеме общественное внимание, не используя при этом излишних ресурсов» [13, с. 41].

Таким образом, зарубежные ученые, учреждая проекты с участием волонтеров, изначально преследовали образовательные цели. С 2000-х годов их российские коллеги также начали ставить в научном поле вопрос о повышении научной грамотности и обсуждать роль гражданской науки в современном обществе [14].

Гражданская наука как инструмент неолиберальной трансформации

Существуют два ключевых подхода к определению понятия «научные коммуникации», различия которых обусловлены англоязычным происхождением терминов «science communication» и «scientific communication», которые в переводе на русский язык идентичны друг другу [15].

Под термином «scientific communication» понимались все виды коммуникации непосредственно внутри научного сообщества: от возникновения идей до их популяризации. Становление научной коммуникации как отдельной дисциплины началось после публикации в 1985 году доклада британского генетика Уолтера Бодмера «Общественное понимание науки». Так, «на заседании Лондонского королевского общества Бодмер впервые отметил, что экономическое и культурное процветание страны напрямую связано с тем, как общество воспринимает деятельность ученых» [16, с. 126]. Он предложил объединить усилия образовательных организаций, государственных структур и частного сектора для повышения уровня понимания науки в обществе. С этого момента «science communication» выделилась в самостоятельную область, возникшую на стыке социологии науки и исследований в сфере коммуникации [16].

Традиционно изучение научных коммуникаций фокусировалось на внутренних процессах обмена знаниями внутри академического сообщества — публикациях в специализированных журналах, конференциях и дискуссиях между экспертами. Однако с формированием новой дисциплины внимание профильных исследователей оказалось направлено на анализ того, как научные знания выходят за пределы лабораторий и университетов и интегрируются в более широкий социальный, политический и

культурный контекст. Важным поворотом в социальных исследованиях науки стало признание того, что она не существует в изоляции: ее результаты влияют на принятие решений в политике, бизнесе, образовании и даже в повседневной жизни граждан.

Научной коммуникацией сегодня считается система организованных и целенаправленных действий, целью которых является не только передача фактов, но и формирование понимания научных методов, подходов и практик среди тех, кто не обладает специализированными знаниями. Таким образом, «science communication» трансформируется из вспомогательной практики в ключевой инструмент, обеспечивающий связь между наукой и обществом в эпоху, когда доверие к экспертам и институтам подвергается серьезным испытаниям.

С течением времени подходы к роли популяризации научного знания претерпели значительные изменения. Изначально научные политики полагали, что дефицит доверия в обществе существует из-за дефицита знаний, который необходимо восполнить. Так называемая дефицитная модель не делала граждан равноценными участниками процесса принятия решений, касающихся развития науки, а пропаганда результатов научных исследований, по Э. Бернейсу, должна была лишь приучить «людей к переменам и к прогрессу» [17, с. 189]. Рассуждая о возможностях пропаганды как средства установления взаимопонимания между государством и обществом, теоретик связей с общественностью еще в 1920-х годах привел такой пример научной коммуникации, полностью укладывающийся в рамки «дефицитного» подхода к популяризации науки: «В течение многих веков занятие наукой было связано в первую очередь с затворничеством, закрытостью. Колледжи стремились сохранить свою изолированность от мира... Колледжи никогда не одобряли интереса, который могли проявлять к их работе посторонние. Они еще кое-как, со скрипом допускали репортеров на церемонию присуждения степеней, но на том все и заканчивалось... Если же сегодня репортер

хочет взять интервью у профессора Гарварда, достаточно будет позвонить пресс-секретарю университета» [17, с. 68].

Как показала практика, «дефицитная модель» не способствовала росту доверия граждан по отношению к результатам научных изысканий. Благодаря распространению неолиберальных идей данную модель популяризации научного знания уже в XXI веке заменила «модель диалога», которая поставила неспециалистов наравне с исследователями и научными экспертами [18]. Однако диалоговая модель оказалась не в состоянии ответить на современные вызовы. В условиях цифровизации и демократизации знаний стало формироваться стремление неспециалистов активно участвовать в научной деятельности, которое ознаменовало переход к «партиципаторной модели», или «модели вовлечения». Развитие данной модели тесно связано с неолиберальными трансформациями в науке и обществе, которые стимулируют открытость, децентрализацию и вовлеченность граждан. «Партиципаторная модель» предполагает не просто обмен информацией между учеными и гражданами, но и совместное продуцирование научных знаний. Именно в концептуальных рамках этой модели, основанной на взаимной заинтересованности всех участников коммуникации, происходит реализация проектов гражданской науки, в которых волонтеры на добровольной основе собирают и обрабатывают данные наравне с профессиональными исследователями. Она отражает современный этап развития научной коммуникации, предоставляя обществу ключевую роль в определении актуальной научной повестки, необходимой для решения как национальных, так и глобальных проблем [16].

Гражданская наука предполагает активное вовлечение волонтеров и энтузиастов в научную работу, что расширяет возможности сбора больших данных, повышает общественный интерес к науке и демократизирует доступ к знаниям. Современные проекты по мониторингу экологии, биоразнообразия или качества воздуха часто опираются на участие граждан,

которые собирают и анализируют полученные сведения, дополняя, а иногда даже и заменяя работу профессиональных исследователей. В научном сообществе участие неспециалистов преимущественно рассматривается как благо и положительное следствие распространения идей и ценностей неолиберализма в научной среде. Институт гражданской науки, при оптимистичном подходе к его целям и задачам, призван формировать новые формы коллективного взаимодействия и обмена опытом, усиливающие социальную сплоченность, повышающие устойчивость общества и сохраняющие те его сегменты, которые в меньшей степени подвержены воздействию рыночных принципов [8].

С другой стороны, гражданская наука создает иллюзию инклюзивной и доступной науки, где границы между экспертами и обывателями размываются, а научный прогресс становится прозрачнее и ближе к обществу. Перекалывание части исследовательской работы на добровольцев позволяет государству или коммерческим организациям сократить расходы инвесторов, будь то фонды, частные компании или правительственные структуры, на финансирование профессиональных научных институтов путем замены оплачиваемого труда ученых бесплатным трудом энтузиастов. При этом данные, собранные гражданами, могут становиться основой для разработки коммерческих продуктов или услуг, что поднимает закономерные вопросы о справедливости распределения прибыли и этике использования интеллектуальных ресурсов граждан. Поэтому, в сущности, гражданская наука в ее актуальном воплощении является инструментом дальнейшей неолиберализации научной сферы, выражающейся в сокращении государственного финансирования научных исследований, перекалывании ответственности на неспециалистов и коммерциализации общественных благ.

**Гражданская наука в России:
между глобальными стандартами
и суверенными приоритетами**

В Соединенных Штатах Америки и странах Евросоюза гражданская наука стала частью

политики научного сообщества и его стратегической задачей: «Согласно данным американского исследовательского центра Пью (Pew Research Center), в 2019 году каждый десятый американец принял участие в каком-либо проекте гражданской науки» [16, с. 132]. В мире с каждым годом стремительно растет количество добровольцев и волонтеров, желающих внести свой вклад в науку. В настоящее время найти интересующий проект и принять в нем участие сторонники движения гражданской науки могут благодаря развитию специальных англоязычных платформ-агрегаторов («Zooniverse», «Scistarter», проект «Фолдит» и многие другие).

Отечественные авторы приходят к выводу, что «международный опыт привлечения в науку волонтеров-исследователей недостаточно проявляется в российском научном и информационном пространстве» [19, с. 76]. Существует проблема популяризации исследований с участием волонтеров. Анализируя представленность российских публикаций по тематике «Гражданская наука» в базе данных Scopus, Т. Бусыгина приходит к выводу, что подобные работы малочисленны, а интерес к теме появился только в 2010-е годы [20].

В то же время, рассматривая концептуальные подходы к феномену гражданской науки в российском и зарубежном научном поле, исследователи А. Муравьева и О. Олейникова приходят к выводу, что «все публикации объединяет общее понимание гражданской науки как отражения изменений в характере государственного управления с особым акцентом на полиакторность, выступающую фактором обеспечения устойчивости в современном турбулентном мире» [21, с. 48].

Анализируя ценностные основания гражданской науки, и зарубежные, и российские исследователи подчеркивают значимость развития гражданской науки как фактора, способствующего росту научной грамотности населения, популяризации научных достижений и, как следствие, укреплению доверия к ученым и организаторам научной деятельности.

Гражданская наука в трудах отечественных исследователей рассматривается как взаимовыгодный процесс. С одной стороны, участники из числа широкой общественности вовлекаются в научную деятельность, расширяют свой кругозор и получают чувство удовлетворения от причастности к важному делу, с другой – научно-исследовательские коллективы таким образом реализуют с наименьшими затратами масштабные и дорогостоящие проекты. Бенефициаром данного процесса является общество в целом [22].

Так, А. Волкова отмечает, что «проекты гражданской науки, наряду с повышением уровня образования и усилением интереса к науке, способствуют приобретению опыта публичного согласования интересов, формированию общей системы ценностных ориентиров, а также предполагают совместную ответственность не только за результат конкретного научного проекта, но и за свою территорию проживания, и шире – за всю планету, если принять во внимание экологические проекты межгосударственного плана» [23, с. 19].

По мнению Н.В. Гришечкина и С.В. Тихонова, гражданская наука как форма диалога между научным сообществом и социумом, соответствуя «ориентации на инклюзивное развитие», в целом выступает в качестве основы социального согласия за счет повышения уровня доверия к исследовательской деятельности. Особую важность такое согласие приобретает в ситуации множества противоположных политических, этических и морально-нравственных позиций [9].

Потенциал гражданской науки в России казался неоспоримым в период пандемии, когда обществу было необходимо сплотиться для решения насущной глобальной проблемы, а государству – выстроить единую устойчивую систему популяризации научного знания в противовес стремительно и хаотично распространявшейся дезинформации в социальных медиа. До 2020 года в России не существовало площадок, на которых ученые и добровольцы могли найти друг друга. В разгар пандемии Covid-19 Ассоциация коммуникаторов в сфере образования и науки (АКСОН) запустила первый

в стране некоммерческий бесплатный онлайн-портал «Люди науки»¹, призванный объединить все проекты гражданской науки, реализуемые в России. Однако в 2022 году организаторы приостановили работу проекта. АКСОН – калька с Европейской ассоциации научных коммуникаторов – также прекратила свою деятельность после начала специальной военной операции.

Следует отметить, что в контексте российской научной коммуникации АКСОН занимала уникальное положение как единственная профессиональная организация, объединявшая на системной основе научных журналистов, пресс-секретарей научных организаций, специалистов по связям с общественностью и популяризаторов науки. До 2022 года АКСОН выполняла роль институциональной площадки, в рамках которой осуществлялось профессиональное взаимодействие, проводились регулярные встречи, конференции и форумы всероссийского масштаба, организовывались конкурсы и создавались образовательные программы на базе ведущих национальных исследовательских университетов страны (Высшая школа экономики, ИТМО, МИСИС и др.), направленные на повышение качества научной коммуникации. Инициативы и проекты Ассоциации широко освещались в отечественной прессе, социальных медиа, на официальных порталах образовательных организаций и сайте Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. В настоящее время в России озвучиваются разрозненные инициативы и реализуются временные проекты в области научной коммуникации, однако структурированной организации, аналогичной по целям и задачам АКСОН, способной консолидировать всех участников научной коммуникации в стране не создано.

Значительное влияние на современное состояние гражданской науки в России и мире оказывают цифровизация и развитие открытого доступа к результатам исследований че-

рез Интернет. С одной стороны, благотворное влияние цифровизации отмечается в контексте роста численности акторов гражданской науки. А. Волкова полагает, что «гражданская наука, базирующаяся на таких базовых ценностях, как знания, сотрудничество, доверие, взаимопомощь, стала возможна как массовое явление благодаря процессу сетевизации общества и технологическим достижениям» [24, с. 43].

В то же время цифровые медиа оказались одним из ключевых факторов, подрывающих доверие к ученым и научным исследованиям, трансформировав способ производства, распространения и подачи информации. Социальные сети, новостные агрегаторы и мессенджеры создали такую информационную экосистему, в которой скорость распространения контента важнее его достоверности, а алгоритмы платформ часто отдают приоритет сенсационным и эмоционально окрашенным материалам, предлагая пользователям ту информацию, которая соответствует их уже сформированным устойчивым убеждениям, что усиливает поляризацию мнений в обществе и недоверие к официальной науке. Более того, зачастую недобросовестные медиа намеренно «освещают события из сферы конспирологии и лженауки, чтобы повысить количество посещений сайта и привлечь новых читателей» [25, с. 89].

В эпоху цифровых медиа любой пользователь может претендовать на авторитетность, публикуя свои интерпретации научных данных, что приводит к эрозии авторитета ученых, чьи выводы, даже подкрепленные годами исследований, легко оспариваются в дискуссиях блогерами, политиками или активистами, чьи заявления могут быть основаны на предвзятости либо личных интересах. В результате наука, требующая доказательств и консенсуса, воспринимается общественностью не как система знаний, основанная на проверяемых и воспроизводимых фактах, а как одна из точек зрения, что не только подрывает доверие к ученым, но и

¹Люди науки. URL: <https://citizen-science.ru> (дата обращения: 23.04.2026).

создает почву для манипуляций, когда научные данные используются выборочно или искажаются намеренно для достижения политических или коммерческих целей. Как следствие, некоторые исследователи полагают, что «пора начать широкую дискуссию по этим вопросам в научном сообществе <...> чтобы наука как общественная деятельность (включая производство и распространение научных знаний) снова была взята в руки ученых в государственных учреждениях, где конфликты с частными интересами ограничены» [26, с. 359].

В качестве других проблемных аспектов развития гражданской науки в России следует отметить вопросы авторства результатов научных исследований, оплаты труда волонтеров науки, а также достоверности предоставляемых непрофессионалами данных. Решение последней проблемы находится в плоскости цифровизации и стандартизации методов исследования.

Проблеме мотивации волонтеров также уделяется особое внимание. Исследователи В. Порус и В. Бажанов отмечают, что контекст реализации проектов гражданской науки «предполагает существенное сокращение “дистанции” между учеными-профессионалами и обществом, которое знает о научных достижениях и реалиях разве что из популярной литературы или средств массовой информации», и задаются справедливым вопросом, «насколько такое сближение способствует достижению истинного и эффективного знания» [27, с. 24]. Немногочисленные отечественные эмпирические исследования мотивации и причин участия волонтеров в российских проектах гражданской науки демонстрируют гомогенность выборки неспециалистов: в основном в проектах гражданской науки принимают участие юные обучающиеся школ и гимназий, готовящиеся связать свою профессиональную жизнь с наукой, медициной. Это самая активная часть молодежи, заинтересованная в участии в научной деятельности как таковой [28].

Формирование концепции суверенной науки находится в фокусе исследования отечественных ученых, однако не охватывает про-

блему развития гражданской науки в соответствии с национальными приоритетами. Так, А. Ильина выдвигает на передний план роль Российского индекса научного цитирования как главной наукометрической системы, позволяющей оценивать результативность научных исследований. Она также отмечает, что инновационный потенциал регионов России недостаточно используется при организации научно-исследовательской и образовательной деятельности [29].

Анализируя роль национального государства в международных процессах, Г. Шумкоски утверждает, что оно «служит своему суверену – народу, а не каким-то “высшим” международным группам и глобальным интересам. Доктрина суверенного государства обеспечивает основу для развития справедливых национальных экономических систем» [30, с. 774]. Он подчеркивает, что глобальная экономическая интеграция в условиях беспрецедентного технологического скачка «сделала мир “меньше” и превратила его в действительно “глобальную деревню” <...> Подобный беспрецедентный технологический и коммуникационный прогресс в сочетании с тектоническими политическими изменениями последних десятилетий ознаменовался непрерывной эрозией национальных государств и ростом влияния международных и неправительственных организаций» [30, с. 774]. Он также подчеркивает, что «для реализации доктрины суверенного развития необходимо обеспечить достоверную базу знаний и внедрять результаты обновленной науки как внутри страны, так и за ее пределами – через журналы, аналитические центры, международные академические сети и, что важнее, – на разных языках. Суверенная наука будет конкурировать с современной англоязычной наукой, выхолощенной внедрением неолберальной повестки и продвигающей ее» [30, с. 783]. Однако ответа на вопрос, каким образом на практике суверенная наука в России должна быть организована, исследователь не дает.

Таким образом, дискуссии о суверенной науке выдвигают на передний план необходимость

создания и популяризации отечественных систем оценки результатов научных исследований в противовес глобально распространенным западным стандартам. В то же время дискуссии о роли и месте гражданской науки в суверенном государстве фактически отсутствуют. Сосредотачиваясь на позитивных аспектах гражданской науки с теоретической точки зрения, отечественные авторы фактически игнорируют европоцентричность реализуемых на практике проектов в области социальных наук: в качестве примера можно привести исследования гендерной идентичности.

Национальный проект «Люди науки», который функционировал в России до 2022 года, после начала специальной военной операции был ликвидирован по инициативе организаторов, продемонстрировавших таким образом высокую степень политизации процесса популяризации универсального научного знания. Посчитать актуальное количество реализуемых в настоящее время проектов гражданской науки в России представляется затруднительным: портал «Люди науки» не актуализирует информацию о проектах гражданской науки, аналогичной русскоязычной площадке, объединяющей все подобные проекты, не было создано ни по инициативе научных коммуникаторов, ни по инициативе государственных структур, а те единичные и разрозненные проекты, о которых удалось найти информацию в Интернете и социальных медиа, не сопоставимы с проектом «Люди науки» по метрикам медийного охвата.

В то же время Е. Рассолова и К. Галкин [31] полагают, что одной из самых популярных инициатив в области гражданской науки по данным за 2023 год можно считать сайт «Добро.Наука»², объединяющий добровольческие научные проекты, организатором которого выступил Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при

Президенте Российской Федерации по науке и образованию. Координатором портала является Центр развития научного волонтерства Университета МИСИС. Однако следует заметить, что портал «Добро.Наука» является частью цифровой экосистемы «Добро.ру», на которой при содействии Ассоциации волонтерских центров собраны и систематизированы тысячи проектов из всех регионов России, в т. ч. и в области науки, и зарегистрированы миллионы волонтеров. О. Цыбульская отмечает: «С помощью платформы можно стать добровольцем, совершенствоваться, создавать и продвигать собственные инициативы»³. Популяризация проектов гражданской науки и результатов научно-исследовательской деятельности не является приоритетной задачей цифровой экосистемы «Добро.ру». Таким образом, можно сделать вывод, что как социальный институт, призванный не только формировать интерес, популяризировать научное знание и вовлекать широкую общественность в научно-исследовательский процесс, но и способствовать росту ответственности представителей общественности за результаты научной деятельности, гражданская наука в России не функционирует.

Заключение

Гражданская наука как конструкт неолиберальной социально-экономической системы осуществляется по международным стандартам, продвигая западные ценности и повестку. Российские исследователи теоретически рассматривают гражданскую науку как благо и эффективный инструмент укрепления социальной солидарности и популяризации научного знания, разделяя таким образом англосаксонские подходы к научным коммуникациям и призывая к их развитию. Однако на практике гражданская наука в России сталкивается с серьезными вызовами: примеры реализации проектов гражданской науки малочисленны,

²Добро.Наука. Научное волонтерство. URL: <https://science.dobro.ru> (дата обращения: 26.01.2026).

³Цыбульская О. Портал неравнодушных людей: как «Добро.Ру» развивает волонтерское движение // Наука. рф. 2022. 16 дек. URL: <https://nauka.pf/journal/portal-neravnodushnykh-lyudey-kak-dobro-ru-razvivaet-volonterskoe-dvizhenie/> (дата обращения: 15.03.2026).

вовлеченность широкой общественности минимальна, а популяризации феномена не уделяется должного внимания. В условиях активных дискуссий о ценностных основаниях суверенной науки представляется целесообразным пересмотреть роль гражданской науки и уделить особое внимание анализу практик реализации

таких проектов в России. Гражданская наука как конструкт суверенной науки должна учитывать особенности российского общества, приоритеты государственной повестки, стратегии цифрового и правового суверенитета, а также интересы регионов, чей научно-технологический потенциал не задействован в полной мере.

Список литературы

1. Антюхова Е.А., Крынжина М.Д. Ценностные основания практик цифрового и технологического суверенитета ЕС // *Abyss* (Вопр. философии, политологии и соц. антропологии). 2025. № 4(34). С. 134–147. <https://doi.org/10.33979/2587-7534-2025-4-134-147>
2. Аблажей А.М. Концепция нелиберальной науки в западной социальной мысли // *Вестн. НГУ. Сер.: Философия*. 2012. Т. 10, № 2. С. 74–81.
3. Вострикова Е.В., Куслий П.С. Неолиберализм в науке: подход STS // *Эпистемология и философия науки*. 2015. Т. 46, № 4. С. 105–127.
4. Аблажей А.М. Неолиберальная трансформация современной науки: российская версия // *Вестн. НГУ. Сер.: Философия*. 2014. Т. 12, № 4. С. 40–46.
5. Mirowski P. The Future (s) of Open Science // *Soc. Stud. Sci.* 2018. Vol. 48, № 2. С. 171–203.
6. Поннер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. 528 с.
7. Fecher B., Friesike S. Open Science: One Term, Five Schools of Thought // *Opening Science*. Cham, 2014. P. 17–47. https://doi.org/10.1007/978-3-319-00026-8_2
8. Vohland K., Weißflug M., Pettibone L. Citizen Science and the Neoliberal Transformation of Science – An Ambivalent Relationship // *Citiz. Sci.: Theory Pract.* 2019. Vol. 4. № 1. P. 1–9. <https://doi.org/10.5334/cstp.186>
9. Гришечкина Н.В., Тихонова С.В. Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху // *Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55, № 2. С. 123–138.
10. Bylieva D.S., Lobatyuk V.V., Rubtsova A.V. Citizen Science: Concept, Problems and Prospects // *Социология науки и технологий*. 2021. Т. 12, № 1. С. 49–70.
11. Irwin A. Constructing the Scientific Citizen: Science and Democracy in the Biosciences // *Publ. Underst. Sci.* 2001. Т. 10, № 1. С. 1–18.
12. Бусыгина Т.В. Анализ литературы по проблеме «гражданская наука» на основе базы данных Scopus // *Социология науки и технологий*. 2022. Т. 13, № 4. С. 169–201.
13. Ромашкина Г.Ф., Луица А.В. Гражданская наука – за и против // *Siberian Socium* (Сибирский социум). 2022. Т. 6, № 3. С. 39–59. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-3-39-59>
14. Haklay M., Dörler D., Heigl F., Manzoni M., Hecker S., Vohland K. What is Citizen Science? The Challenges of Definition // *The Science of Citizen Science*. Springer, 2021. С. 13–33.
15. Неустроева С.Л. Научная коммуникация: глобальный тренд или новая академическая дисциплина? // *Соц. пространство*. 2018. № 5. С. 1–10. <https://doi.org/10.15838/sa.2018.5.17.12>
16. Крынжина М.Д. Влияние неолиберализма на модели научной коммуникации // *Концепт: философия, религия, культура*. 2022. Т. 6, № 2. С. 119–137.
17. Бернейс Э. Пропганда. М., 2024. 192 с.
18. Bucchi M. Of Deficits, Deviations and Dialogues: Theories of Public Communication of Science // *Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Routledge, 2008. С. 71–90. <https://doi.org/10.4324/9780203928240-11>
19. Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А. Гражданская наука как способ расширения участия в научных исследованиях // *XXIII Уральские социологические чтения. Личность, культура, общество: наследие Л.Н. Когана и современность*. Екатеринбург, 2023. С. 75–78.
20. Бусыгина Т.В. Российская «гражданская наука», отражение в БД Scopus: наукометрический анализ // *Социология науки и технологий*. 2024. Т. 15, № 1. С. 126–159.

21. Муравьева А.А., Олейникова О.Н. Роль университетов в развитии дискурса гражданской науки // Унив. управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 3. С. 45–55.
22. Абдуразаков О.Р., Ледовская Е.В. «Гражданская наука» как новый вектор публичной политики // Проблемы науки. 2021. № 8. С. 62–63.
23. Волкова А.В. Гражданская наука: вызовы и уроки // Наука как общественное благо: сб. науч. ст. Второго Междунар. конгр. Рус. о-ва истории и философии науки. Т. 3. М., 2020. С. 19–23.
24. Волкова А.В. Потенциал «гражданской науки» в общественно-политическом развитии // Соц.-полит. исследования. 2019. № 1. С. 41–50.
25. Крынжина М.Д., Дедочева А.А. Медиа в эпоху «постправды»: о понятиях «лженаука», «конспирология» и «фейк» // Актуал. вопр. соврем. филологии и журналистики. 2023. № 2. С. 84–89. <https://doi.org/10.36622/aqmpj.2023.38.72.013>
26. Davi H., Modicom P.Y., Durand J.L., Eldin C. How Has Neoliberalism Weakened Science? // Nat. Sci. Soc. 2021. Vol. 29, № 3. С. 356–359. <https://doi.org/10.1051/nss/2021053>
27. Порус В.Н., Бажанов В.А. Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журн. высш. шк. экономики. 2021. Т. 5, № 4. С. 15–33.
28. Газоян А.Г. Гражданская наука как инструмент научной коммуникации: анализ российской практики // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45, № 4. С. 810–817. <https://doi.org/10.18413/2712-746x-2020-45-4-810-817>
29. Ильина А.А. Национальная система оценки результативности научных исследований и разработок: новая повестка импортозамещения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2022. № 3. С. 63–79.
30. Шумкоски Г. Глобальный трансфер неолиберальных моделей и доктрина суверенного государства // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Междунар. отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 771–787.
31. Рассолова Е.Н., Галкин К.А. Цифровизация сферы гражданской науки в России. Перспективы и барьеры развития // Цифров. социология. 2023. Т. 6, № 2. С. 12–19.

References

1. Antyukhova E.A., Krynzina M.D. Tsennostnye osnovaniya praktik tsifrovogo i tekhnologicheskogo suvereniteta ES [The Value Foundations of the EU's Digital and Technological Sovereignty Practices]. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noy antropologii)*, 2025, no. 4, pp. 134–147. <https://doi.org/10.33979/2587-7534-2025-4-134-147>
2. Ablazhey A.M. Kontseptsiya neoliberal'noy nauki v zapadnoy sotsial'noy mysli [The Concept of Neoliberal Science in Western Social Thought]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 74–81.
3. Vostrikova E.V., Kusliy P.S. Neoliberalizm v nauke: podkhod STS [Neoliberalism in Science: STS Approach]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2015, vol. 46, no. 4, pp. 105–127
4. Ablazhey A.M. Neoliberal'naya transformatsiya sovremennoy nauki: rossiyskaya versiya [Neoliberal Transformation of Contemporary Science: the Russian Version]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, 2014, vol. 12, no. 4, pp. 40–46.
5. Mirowski P. The Future (s) of Open Science. *Soc. Stud. Sci.*, 2018, vol. 48, no. 2, pp. 171–203.
6. Popper K.R. *The Open Society and Its Enemies. Vol. 2. The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx, and the Aftermath*. Princeton, 1963. 439 p. (Russ. ed.: Popper K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Vol. 2. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly*, 1992. 528 p.).
7. Fecher B., Friesike S. Open Science: One Term, Five Schools of Thought. *Opening Science*. Cham, 2014, pp. 17–47 https://doi.org/10.1007/978-3-319-00026-8_2
8. Vohland K., Weißpflug M., Pettibone L. Citizen Science and the Neoliberal Transformation of Science – An Ambivalent Relationship. *Citiz. Sci.: Theory Pract.*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 1–9. <https://doi.org/10.5334/cstp.186>
9. Grishechkina N.V., Tikhonova S.V. Grazhdanskaya ekspertiza i nauchnoe znanie v tsifrovuyu epokhu [Civil Expertise and Scientific Knowledge in the Digital Era]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2018, vol. 55, no. 2, pp. 123–138.
10. Bylieva D.S., Lobatyuk V.V., Rubtsova A.V. Citizen Science: Concept, Problems and Prospects. *Sociology of Science and Technology*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 49–70.

11. Irwin A. Constructing the Scientific Citizen: Science and Democracy in the Biosciences. *Publ. Underst. Sci.*, 2001, vol. 10, no. 1, pp. 1–18.
12. Busygina T.V. Analiz literatury po probleme «grazhdanskaya nauka» na osnove bazy dannykh Scopus [Analysis of the Literature on Citizen Science Based on Scopus Database]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2022, vol. 13, no. 4, pp. 169–201.
13. Romashkina G.F., Lisitsa A.V. Grazhdanskaya nauka – za i protiv [Citizen Science – Pros and Cons]. *Siberian Socium*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 39–59. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-3-39-59>
14. Haklay M., Dörler D., Heigl F., Manzoni M., Hecker S., Vohland K. What is Citizen Science? The Challenges of Definition. *The Science of Citizen Science*. Springer, 2021, pp. 13–33.
15. Neustroeva S.L. Nauchnaya kommunikatsiya: global'nyy trend ili novaya akademicheskaya distsiplina? [Scientific Communication: a Global Trend or a New Academic Discipline?]. *Sotsial'noe prostranstvo*, 2018, no. 5, pp. 1–10. <https://doi.org/10.15838/sa.2018.5.17.12>
16. Krynzhdina M.D. Vliyaniye neoliberalizma na modeli nauchnoy kommunikatsii [The Impact of Neoliberalism on Models of Science Communication]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 119–137.
17. Berneys E. *Propaganda* [Propaganda]. M., 2024. 192 p.
18. Bucchi M. Of Deficits, Deviations and Dialogues: Theories of Public Communication of Science. *Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Routledge, 2008, pp. 71–90. <https://doi.org/10.4324/9780203928240-11>
19. Romashkina G.F., Davydenko V.A. Grazhdanskaya nauka kak sposob rasshireniya uchastiya v nauchnykh issledovaniyakh [Civil Science As a Way to Increase Participation in Scientific Research]. *XXIII Ural'skie sotsiologicheskie chteniya. Lichnost', kul'tura, obshchestvo: nasledie LN Kogana i sovremennost'*. Ekaterinburg, 2023, pp. 75–78.
20. Busygina T.V. Rossiyskaya «grazhdanskaya nauka», otrazhenie v BD Scopus: naukometricheskiy analiz [Citizen Science in Russia Through the Lens of the Scopus Database: Scientometric Analysis]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 126–159.
21. Muravyeva A.A., Olenikova O.N. The Universities' Role in Developing Citizen Science Discourse. *University Management: Practice and Analysis*. 2021, vol. 25, pp. 45–55. (In Russ.).
22. Abdurazakov O.R., Ledovskaya E.V. «Grazhdanskaya nauka» kak novyy vektor publichnoy politiki [Citizen Science As a New Vector of Public Policy]. *Problemy nauki*, 2021, no. 8, pp. 62–64.
23. Volkova A.V. Grazhdanskaya nauka: vyzovy i uroki [Citizen Science: Challenges and Lessons]. *Vzaimodeystvie nauki i obshchestva – istoriya i sovremennost'*. Moscow, 2020, pp. 19–23.
24. Volkova A.V. Potentsial «grazhdanskoy nauki» v obshchestvenno-politicheskom razvitiy [Potential of Citizen Science in Political and Social Development]. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, 2019, no. 1, pp. 41–50.
25. Krynzhdina M.D., Dedocheva A.A. Media v epokhu «postpravdy»: o ponyatiyakh «lzhenauka», «konspirologiya» i «feyk» [Media in the Post-Truth Era: the Concepts of Pseudoscience, Conspiracy and Fake News]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*, 2023, no. 2, pp. 84–89. <https://doi.org/10.36622/aqmpj.2023.38.72.013>
26. Davi H., Modicom P.Y., Durand J.L., Eldin C. How Has Neoliberalism Weakened Science? *Nat. Sci. Soc.*, 2021, vol. 29, no. 3, pp. 356–359. <https://doi.org/10.1051/nss/2021053>
27. Porus V.N., Bazhanov V.A. Postnormal'naya nauka: mezhdru Stilloy neopredelennosti i Haribdoy politizatsii znaniya [Post-Normal Science: Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge]. *Filosofiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 15–33.
28. Gazoyan A.G. Grazhdanskaya nauka kak instrument nauchnoy kommunikatsii: analiz rossiyskoy praktiki [Citizen Science as a Tool of Science Communication: Analysis of Russian Practice]. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 2020, vol. 45, no. 4, pp. 810–817. <https://doi.org/10.18413/2712-746x-2020-45-4-810-817>
29. Il'ina A.A. Natsional'naya sistema otsenki rezul'tativnosti nauchnykh issledovaniy i razrabotok: Novaya povestka importozameshcheniya [National Performance Evaluation System of Research and Development: A New Agenda of Import Substitution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 2022, no. 3, pp. 63–79.
30. Shumkoski G. Global'nyy transfer neoliberal'nykh modeley i doktrina suverennogo gosudarstva [Global Dissipation of Neoliberal Models and the Sovereign State Doctrine]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 771–787.

31. Rassolova E.N., Galkin K.A. Tsifrovizatsiya sfery grazhdanskoy nauki v Rossii. Perspektivy i bar'ery razvitiya [Digitalization of the Sphere of Citizen Science in Russia. Prospects and Barriers to Development]. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 2023, vol. 6, no. 2, pp. 12–19.

Информация об авторе

М.Д. Крынжина – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры международной журналистики Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76).

Information about the author

Marina D. Krynzrina, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: prosp. Vernadskiy 76, Moscow, 119454, Russia).

Поступила в редакцию 08.07.2025

Одобрена после рецензирования 28.01.2026

Принята к публикации 30.01.2026

Submitted 8 July 2025

Approved after reviewing 28 January 2026

Accepted for publication 30 January 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 107–117.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 107–117.

Научная статья
УДК [316.3:004.77](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V518

Алгоритмы эпохи компутоцена: от эпистемологической машины к цифровому суверенитету личности

Инга Михайловна Зашихина

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: zashikhinaim@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-2302>

Аннотация. В условиях тотальной цифровой трансформации алгоритмы перестали быть нейтральными инструментами обработки данных, эволюционировав в активных архитекторов социального взаимодействия. Статья посвящена критическому осмыслению этого сдвига в рамках эпохи компутоцена, где алгоритмические системы выступают полноценными агентами, формирующими новую эпистемологическую реальность. Цель работы заключается в раскрытии механизмов влияния алгоритмизации на процессы познания и общественной коммуникации. Используя социотехнический подход и методы критических алгоритмических исследований, автор концептуализирует алгоритмы как эпистемологические машины – технико-коммуникативные аппараты, структурирующие человеческий опыт через подмену когнитивного понимания статистической релевантностью. Полученные результаты показывают, что функционирование таких систем на принципах перформативного предсказания и механистической ахроматичности ведет к следующим рискам: социальной поляризации, формированию эхо-камер и когнитивному упадку. В работе обосновывается необходимость перехода от чисто технического регулирования к модели алгоритмической справедливости, включающей дистрибутивный, процедурный и взаимодействующий уровни. Автор доказывает, что сохранение субъектности человека невозможно без внедрения строгих стандартов прозрачности выходных данных. В качестве практической меры защиты цифрового суверенитета личности предлагается обязательная маркировка контента, созданного искусственным интеллектом, при помощи водяных знаков. Это позволит пользователю различать результат работы машины и человеческое творчество, снижая эффект манипулятивного воздействия и создавая основу для правовой ответственности платформ. Исследование направлено на поиск баланса между технологической эффективностью и защитой прав личности в цифровой среде. Подчеркивается, что алгоритмы являются новой формой социального интеллекта, требующей глубокой философской рефлексии и междисциплинарного контроля для предотвращения эрозии человеческого достоинства в автоматизированном обществе.

Зашихина И.М.

Алгоритмы эпохи компутоцена: от эпистемологической машины к цифровому суверенитету личности

Ключевые слова: алгоритмы, эпистемологическая машина, алгоритмическая агентность, цифровая реальность, социотехнический подход, алгоритмическая справедливость, прозрачность данных, искусственный интеллект

Для цитирования: Зашихина И.М. Алгоритмы эпохи компутоцена: от эпистемологической машины к цифровому суверенитету личности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 107–117. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V518>

Original article

The Computocene Era: Epistemological Machines and the Search for Algorithmic Fairness

Inga M. Zashikhina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
e-mail: zashikhinaim@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-2302>

Abstract. In the context of total digital transformation, algorithms have ceased to be neutral data-processing tools, evolving into active architects of social interaction. This article provides a critical reflection on this shift within the Computocene era, where algorithmic systems act as full-scale agents shaping a new epistemological reality. The aim of the study is to reveal the mechanisms of how algorithmization influences the processes of cognition and public communication. Employing a sociotechnical approach and the framework of critical algorithm studies, the author conceptualizes algorithms as epistemological machines – socio-technical apparatuses that structure human experience by substituting cognitive understanding with statistical relevance. The research results demonstrate that the functioning of epistemological machines based on principles of performative prediction and mechanistic achromatism leads to systemic risks: social polarization, the formation of echo chambers, and cognitive decline. The article argues for a transition from purely technical regulation to a model of algorithmic fairness, encompassing distributive, procedural, and interactional levels. As a practical measure to protect individual digital sovereignty, the author proposes the implementation of output transparency standards and mandatory labeling for AI-generated content. Such reforms will not only increase trust in digital content but also create a basis for a fairer distribution of rights and responsibilities in the creative industry. The study concludes that algorithms represent a new form of social intelligence that requires not just technological control but also profound philosophical reflection. Protecting individual digital sovereignty is impossible without strict standards of transparency, ensuring that users can distinguish between machine-generated results and human creativity, thereby mitigating the manipulative potential of epistemological machines and preserving human agency in the automated digital era.

Keywords: algorithms, epistemological machine, algorithmic agency, digital reality, sociotechnical approach, algorithmic fairness, output transparency, artificial intelligence

For citation: Zashikhina I.M. The Computocene Era: Epistemological Machines and the Search for Algorithmic Fairness. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 107–117. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V518>

Введение

Масштабная цифровая трансформация последних 20–30 лет привела к фундаментальному сдвигу в структуре общественных коммуникаций. Алгоритмы, долгое время воспринимавшиеся как нейтральные технические инструменты, эволюционировали в активных архитекторов социального взаимодействия, формирующих новую эпистемологическую реальность. Мы вступаем в эпоху компутоцена (computocene) – период, когда алгоритмические системы перестают быть просто посредниками, становясь полноценными субъектами (агентами), которые определяют границы познаваемого и диктуют логику социального обмена [1–3].

Актуальность исследования обусловлена нарастающим кризисом традиционных институтов производства знания и автономии человеческого субъекта. В современной цифровой среде индивид все чаще сталкивается не с объективной информацией, а с ее алгоритмической интерпретацией. Этот процесс ведет к опасной подмене глубокого когнитивного осмысления поверхностной статистической релевантностью. Система предлагает пользователю не то, что истинно или общественно значимо, а то, что с наибольшей вероятностью вызовет немедленный эмоциональный отклик и удержит внимание [4; 5].

Несмотря на значительный объем работ в области этики искусственного интеллекта (ИИ), философское осмысление алгоритмической агентности все еще требует уточнения. В данной статье рассматриваемый феномен концептуализируется через понятие «эпистемологическая машина». Это сложный технико-коммуникативный аппарат, который не просто фильтрует контент, но активно программирует ожидания и поведение людей, создавая замкнутые информационные циклы и подрывая способность к самостоятельному критическому суждению [6; 7].

Научная новизна работы заключается в междисциплинарном анализе алгоритмов как ситуативных практик, что позволяет вскрыть

механизмы их влияния на когнитивную сферу человека и социальную структуру.

Цель данной статьи – раскрыть онтологические и эпистемологические механизмы функционирования эпистемологической машины и обосновать необходимость перехода к модели алгоритмической справедливости. В работе доказывается, что сохранение субъектности человека в цифровую эпоху невозможно без внедрения строгих стандартов прозрачности выходных данных, включая обязательную маркировку ИИ-контента водяными знаками. Таким образом, исследование направлено на поиск баланса между технологической эффективностью и защитой цифрового суверенитета личности.

Методология исследования

Данная работа базируется на критическом переосмыслении статуса алгоритмов: они рассматриваются не как нейтральные математические абстракции, а как активные агенты социального взаимодействия (ситуативные практики). Ее методологическим фундаментом выступает *социотехнический подход*, реализуемый в рамках *критических алгоритмических исследований* [2]. Такая оптика позволяет анализировать алгоритмические системы как неразрывное единство программного кода, массивов данных, институциональных интересов и пользовательских практик.

Методологическая стратегия исследования интегрирует *логику открытия с логикой применения*. Это позволяет не просто накладывать готовые схемы на новый материал, а выявлять теоретические концепты, такие как *эпистемологическая машина* и *компутоцен*, непосредственно в процессе анализа динамики цифровой среды.

Комплексный социотехнический аудит включает четыре взаимосвязанных этапа.

- *Онтологический анализ алгоритмической агентности*. На этом этапе алгоритм исследуется как субъект, вступающий в интра-акцию, т. е. взаимодействие, с пользователем. Метод позволил зафиксировать переход к эпохе компутоцена [3], где технические параметры кода

начинают определять режимы человеческого наблюдения и восприятия реальности. В данной работе анализируется, как ситуативная практика алгоритма структурирует повседневный опыт, создавая новые формы бытия в цифровой среде.

- *Эпистемологический аудит и картографирование смещений.* Метод направлен на выявление когнитивных искажений на всех этапах жизненного цикла данных – от сбора до выдачи рекомендаций. Это позволило обосновать концепт *эпистемологической машины*, работающей на принципе подмены смыслового понимания статистической релевантностью [2; 7]. В рамках данного этапа также проводился анализ конкретных кейсов, в частности рекрутингового алгоритма Amazon, для эмпирического подтверждения механизмов воспроизводства социального неравенства через технический код.

- *Сравнительный анализ коммуникативных систем.* Для строгой верификации авторского концепта «эпистемологическая машина» применялся метод компаративного анализа с теорией экспериментальных систем Х.-Й. Рейнбергера [4]. Сопоставление позволило выявить ключевое различие: если научные экспериментальные системы направлены на генерацию знания о *внешнем объекте* (эпистемической вещи), то алгоритмические системы социальных сетей – на моделирование и пересборку самого субъекта коммуникации [6; 8; 9].

- *Нормативно-этический анализ.* Для оценки социальных последствий алгоритмизации использовалась социотехническая интерпретация алгоритмической справедливости, предложенная М. Долатой и его коллегами в 2022 году [10]. Метод предполагает выход за рамки математической оценки погрешностей и анализ справедливости на трех уровнях: дистрибутивном, проявляющемся в распределении благ; процедурном, ставящим под вопрос прозрачность «черного ящика»; взаимодействующем, подразумевающим этику коммуникации. Это послужило базой для разработки правовых предложений по прозрачности выходных данных и маркировке ИИ-контента [11; 12].

Такая конфигурация методов позволяет преодолеть технологический детерминизм и обеспечить всестороннее обоснование выдвигаемых теоретических положений и практических рекомендаций.

Концептуализация эпистемологической машины в эпоху компютоцена

Анализ показал, что современное общество вступило в фазу, которую можно определить как *компютоцен* (computoscene) – эпоху, где алгоритмы не просто обрабатывают данные, но и определяют сам режим наблюдения за реальностью, выступая в роли компетентных партнеров по коммуникации [1]. В монографии Е. Эспозито «Искусственная коммуникация: как алгоритмы производят социальный интеллект» [6] представлен фундаментальный сдвиг в онтологии коммуникации, преодолевающий антропоцентризм и формирующий современную эпистемологическую машину. В этом контексте центральным результатом исследования является обоснование алгоритма как эпистемологической машины.

Автор данной статьи определяет *эпистемологическую машину* как сложноорганизованный технико-коммуникативный аппарат, который структурирует процесс познания, делегируя функции аналитического суждения автоматизированным системам. В отличие от традиционных инструментов поиска, такая машина не просто находит информацию, а конструирует индивидуальный эпистемологический ландшафт пользователя, подменяя осознанное понимание смыслов статистической релевантностью.

Для систематизации работы этого механизма выделены четыре базовых принципа:

- виртуальная случайность: алгоритмы оперируют вероятностями, создавая иллюзию объективного выбора, который на деле является результатом скрытой обработки данных;

- перформативное предсказание: предсказывая поведение пользователя, алгоритм сужает спектр доступных ему альтернатив, тем самым фактически программируя его будущее поведение;

- **механистическая ахроматичность:** безразличие алгоритмов к проверке достоверности содержания (истине или лжи) при доминировании показателей вовлеченности (лайки, время просмотра);

- **алгоритмическая агентность:** способность алгоритмов инициировать дискурс и формировать социальные ожидания.

Сравнение данного концепта с экспериментальными системами Х.-Й. Рейнбергера, предложенными ученым в работе [4], позволяет уточнить важное различие: если в научном эксперименте система направлена на выявление свойств неизвестного внешнего объекта, то эпистемологическая машина активно формирует самого субъекта/пользователя, возвращая ему обработанные данные как зеркало его же предпочтений и производя эффект бумеранга.

Социально-когнитивные эффекты:

от поляризации к когнитивному упадку

Алгоритмические системы, пронизывая все сферы жизни, трансформируют социальные взаимодействия, формируют информационные потоки и, как следствие, оказывают существенное воздействие на социальные реалии, что подтверждается многочисленными исследованиями [13; 14]. Особую озабоченность вызывают феномены эхо-камер и информационных пузырей, создаваемых алгоритмами социальных сетей. В данном контексте эффект *эхо-камеры* – явление, при котором пользователи социальных сетей преимущественно сталкиваются с информацией, подтверждающей их собственные убеждения. *Информационные пузыри* – это персонализированные информационные ленты, которые показывают пользователю контент, отвечающий его предыдущим интересам и предпочтениям, изолируя его от альтернативных или противоречащих мнений. Механизмы эхо-камер и информационных пузырей, избирательно представляя пользователю контент, соответствующий его существующим убеждениям, способствуют усилению социальной поляризации, ускоренному распространению недостоверной информации, фейковых новостей и конспирологических теорий [15; 16].

Алгоритмы социальных сетей, будучи мощным инструментом, обладают значительным потенциалом для усиления гражданской активности пользователей. Они могут выступать в роли катализаторов для распространения информации о насущных социальных проблемах, способствовать формированию новых общественных движений и облегчать мобилизацию граждан. Действие данного эффекта может привести к более активному участию в офлайн-акциях, выражению гражданской позиции и, в конечном итоге, к реальным социальным изменениям. Более того, алгоритмическое усиление существующих взглядов может способствовать формированию устойчивых сообществ, объединенных общими ценностями и целями, что является важным элементом гражданского общества [17].

Однако, несмотря на потенциал усиления гражданской активности, алгоритмические системы, стремясь удержать внимание пользователя, часто ограничивают доступ к разнообразным точкам зрения. Это может привести к тому, что люди начнут воспринимать только ту информацию, которая подтверждает их существующие убеждения, и утратят способность критически оценивать альтернативные мнения [18]. В итоге гражданская позиция будет формироваться под воздействием избирательной подачи информации, а не в результате свободного и осознанного выбора, основанного на всестороннем анализе [14; 17]. Такое положение вещей ставит под угрозу фундаментальные принципы демократического участия, где информированный выбор каждого гражданина является краеугольным камнем.

Как показывают результаты исследований [19; 20], структура онлайн-платформ, построенная на основе системы вознаграждений, поощряет пользователей формировать привычку делиться информацией, которая привлекает внимание. Эта привычка приводит к тому, что информация, в т. ч. и вводящая в заблуждение, распространяется автоматически, без критического осмысления последствий. В частности, отмечается, что 30–40 % ложных новостей рас-

пространяет всего 15 % пользователей [19]. Исследование демонстрирует, что алгоритмы, оптимизированные для максимального вовлечения пользователей, отдают предпочтение сенсационному контенту, который часто оказывается недостоверным.

Современные социальные медиа все чаще трансформируются в инструменты, направленные на максимизацию прибыли корпораций [21]. Как показывает исследование алгоритмической предвзятости Instagram¹, данная платформа, некогда позиционировавшая себя как место, где каждый может размещать любые материалы, на практике отдает приоритет контенту, соответствующему коммерческим интересам ее материнской компании. Вместо того чтобы содействовать индивидуализированному выбору потребляемого контента, алгоритмы данной социальной сети, согласно анализу, активно продвигают формат коротких видео, снижая при этом видимость контента, основанного на изображениях, который ранее являлся основой платформы [22]. Подобная алгоритмическая гонка за коммерческой выгодой не только ограничивает творческую свободу, но и ведет к стандартизации контента, формируя гомогенизированную культуру, где индивидуальное самовыражение уступает место требованиям алгоритма, ориентированного на коммерческую выгоду.

Таким образом, вместо того чтобы способствовать обмену достоверной информацией и конструктивному диалогу, алгоритмическая система вознаграждений, подталкиваемая механизмами вовлечения, создает условия для лавинообразного распространения ложных сведений, что подрывает доверие и препятствует формированию информированного гражданского общества. Необходимо отметить, что данная тенденция усугубляется скоростью распространения информации в цифровой среде, когда опровержение зачастую отстает от первоначального ложного сообщения.

Функционирование эпистемологической машины ведет к системным трансформациям социального взаимодействия:

- Алгоритмическая фильтрация не просто изолирует пользователей в эхо-камерах и информационных пузырях, но и воспроизводит, а зачастую *усиливает существующие социальные предрассудки*. Ярким эмпирическим подтверждением этого тезиса выступает кейс рекрутингового алгоритма Amazon [23, с. 16]. Система, обучаясь на исторических данных о найме, начала систематически дискриминировать резюме женщин, демонстрируя то, как технический код способен закреплять и автоматизировать социальное неравенство.

- Оптимизация контента под мгновенное удовлетворение запросов, побуждающая так называемый алгоритмический дофамин, ведет к *снижению способности к критическому мышлению* и длительной концентрации – феномену, описываемому как brain rot [24]. Пользователь попадает в алгоритмические петли, где рекомендательные системы, стремясь удержать внимание, предлагают все более радикальный или тривиальный контент, превращая субъекта из активного исследователя в пассивного потребителя стандартизированного потока [25].

Переход к алгоритмической справедливости и прозрачности

В ответ на выявленные риски механистической ахроматичности в исследовании обосновывается авторская трактовка алгоритмической справедливости (algorithmic fairness). Это не просто техническое отсутствие ошибок, а динамический социотехнический процесс, требующий интеграции этических норм в архитектуру систем [10].

Мы предлагаем рассматривать реализацию справедливости на трех взаимосвязанных уровнях:

¹Instagram – продукт компании Meta Platforms, Inc, которая решением Тверского районного суда Москвы от 21 марта 2022 года признана экстремистской (террористической) организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

– *дистрибутивная справедливость*, учитывающая честность в распределении конечных результатов, требующая устранения предвзятости в обучающих выборках. Примерами ситуаций, где в фокус внимание попадает данный вид справедливости, являются наем на работу или одобрение кредита;

– *процедурная справедливость*, подразумевающая прозрачность логики принятия решений и возможность объяснения, а также позволяющая преодолеть проблему «черного ящика»;

– *взаимодействующая справедливость*, предполагающая корректность и уважение со стороны системы в коммуникации с субъектом и предотвращающая эрозию человеческого достоинства при автоматизированных отказах.

Современные тенденции развития цифровых технологий неизбежно порождают дискуссию о необходимости государственного регулирования использования алгоритмов, поскольку искусственные интеллектуальные механизмы все активнее влияют на социальные процессы и трансформацию коммуникации [26]. Как известно, государства уже предпринимают активные меры по утверждению контроля над цифровыми пространствами, что напрямую затрагивает сферу функционирования алгоритмов. В частности, реализуются инициативы, направленные на достижение цифрового суверенитета, такие как локализация данных, регулирование контента и создание суверенных интернетов. Наиболее ярким примером государственного вмешательства является проект «Золотой щит», известный как Великий китайский файрвол. Он демонстрирует стремление государства направлять и фильтровать информационные потоки, тем самым формируя представление о доступной информации и способах взаимодействия пользователей с контентом [27]. В этом контексте алгоритмы перестают быть нейтральными инструментами, становясь активными участниками в достижении государственных целей суверенитета, будь то обеспечение локализации данных, модерация контента или предотвращение трансграничного потока информации [28].

Логическим продолжением концепции алгоритмической справедливости является требование *прозрачности выходных данных* [11; 12]. В основу рассматриваемого правового стандарта положена теория дифференцированного творчества [12, с. 48–62]. В рамках этой концепции проводится принципиальное разграничение между творческой деятельностью человека и функционированием алгоритмов искусственного интеллекта: отмечается, что последним не свойственны интенциональность, т. е. целевая направленность сознания, эмоциональная экспрессия и осознанное управление процессом, поскольку в их основе лежит механистический, алгоритмически предопределенный характер операций.

Автор статьи утверждает, что введение на законодательном уровне обязательной маркировки водяными знаками для ИИ-контента является критическим шагом для восстановления цифрового суверенитета. Это поможет пользователю различать результат работы машины и человеческое творчество, снижая эффект перформативного предсказания и создавая основу для правовой ответственности платформ. Введение подобных реформ позволит не только повысить уровень доверия к цифровому контенту, но и создать основу для более справедливого распределения прав и ответственности в креативной индустрии, что будет стимулировать дальнейшее развитие как человеческого, так и искусственно-интеллектуального творчества в гармоничном симбиозе.

Заключение

Результаты исследования подтверждают, что в условиях тотальной цифровой трансформации алгоритмы перестали быть просто техническими посредниками, эволюционировав в активных субъектов, формирующих новую эпистемологическую реальность. Применение социотехнического подхода позволило вскрыть механизмы этой трансформации и концептуализировать алгоритм как эпистемологическую машину.

По итогу работы можно сформулировать следующие ключевые выводы.

1. В настоящий момент в социальном дискурсе происходит конституирование эпистемологической машины. В эпоху компютоцена алгоритмическая логика навязывает обществу приоритет статистической релевантности над когнитивным пониманием. В отличие от классических научных систем, направленных на познание объекта, эпистемологическая машина нацелена на пересборку самого субъекта. Она функционирует на принципах виртуальной случайности, перформативного предсказания и механистической ахроматичности, что фактически лишает пользователя роли активного исследователя, превращая его в объект алгоритмического моделирования.

2. Формирование эпистемической системы сопровождается появлением деструктивных эффектов в социально-когнитивной области. Как свидетельствуют полученные данные, безразличие алгоритмов к проверке достоверности содержания при доминировании показателей вовлеченности выступает непосредственным источником кризисов системного уровня. Риски выражаются в углублении социальной поляризации через эхо-камеры, автоматизацию дискриминации и когнитивный упадок. Стандартизация опыта и ограничение когнитивного разнообразия создают угрозу для гражданской автономности и способности общества к критической рефлексии.

3. Сложившаяся социально-технологическая ситуация обуславливает необходимость перехо-

да к социотехнической справедливости. Преодоление выявленных рисков требует признания алгоритмической агентности на этико-правовом уровне. Авторская концепция алгоритмической справедливости предполагает комплексное регулирование на дистрибутивном, процедурном и взаимодействующем уровнях. Это означает не просто техническую очистку кода от предвзятости, а интеграцию гуманитарных ценностей в целевые метрики систем и преодоление проблемы «черного ящика».

4. Выходом из социально-технологического кризиса видится восстановление цифрового суверенитета. Обоснована необходимость внедрения стандартов прозрачности выходных данных как практического механизма защиты субъектности. Закрепление на законодательном уровне обязательной маркировки водяными знаками для контента, созданного или отобранного ИИ, является необходимым условием для возвращения пользователю возможности верификации реальности и нейтрализации манипулятивного потенциала эпистемологических машин.

В конечном итоге исследование показывает, что алгоритмы – это новая форма социального интеллекта, требующая не только технологического контроля, но и глубокой философской рефлексии. Дальнейшее развитие темы видится в разработке протоколов социотехнического аудита, способных обеспечить прозрачность алгоритмического воздействия на общественное сознание.

Список литературы

1. Dyson G. *Analogia: The Emergence of Technology Beyond Programmable Control*. New York, 2020. 304 p.
2. Шалак В.И. Алгоритмическая модель социальных процессов // *Филос. проблемы информ. технологий и киберпространства*. 2021. № 1. С. 46–62. <https://doi.org/10.17726/philIT.2021.1.3>
3. Severini S. Computocene: Notes from an Age of Observation // *ArXiv*. 2025. P. 1–16. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2505.21744>
4. Rheinberger H.J. *Experimental Systems: Difference, Graphematicity, Conjuncture* // Dombois F., Bauer U.M., Mareis C., Schwab M. *Intellectual Birdhouse: Artistic Practice as Research*. Köln, 2012. P. 89–99.
5. Eckhardt S., Kühl N., Dolata M., Schwabe G. A Survey of AI Reliance // *ACM Comput. Surv.* 2025. Vol. 58, № 6. Art. № 161. <https://doi.org/10.1145/3776528>
6. Esposito E. *Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence*. Cambridge, 2022. 200 p. <https://doi.org/10.7551/mitpress/14189.001.0001>

7. Nabil A., Sony R. Understanding the Algorithm: Meaning, Socio-Legal Context and Concerns // Legal Issues in the Digital Age. 2021. Vol. 2, № 4. P. 70–97. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2021.4.70.97>
8. Saputra K., Muhammad S., Agung A. Systematic Literature Review of Understanding Social Media Algorithms and Their Impacts on Online Experiences // Proc 3rd Int. Multi-Disciplinary Conf.: “Integrated Sciences and Technologies”. 2024. P. 12–25. <https://doi.org/10.4108/eai.25-10-2023.2348715>
9. Narayanan A. Understanding Social Media Recommendation Algorithms. New York, 2023. 39 p. <https://doi.org/10.7916/khdk-m460>
10. Dolata M., Feuerriegel S., Schwabe G. A Sociotechnical View of Algorithmic Fairness // Inf. Syst. J. 2021. Vol. 32, № 4. P. 754–818. <https://doi.org/10.1111/isj.12370>
11. Sun H. The Right to Know Social Media Algorithms // Harv. L. Pol. Rev., 2023. Vol. 18, № 1. P. 1–57. URL: <https://journals.law.harvard.edu/lpr/wp-content/uploads/sites/89/2024/08/18.1-Right-to-Know-Social-Media-Algorithms.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).
12. Sun H. Output Transparency: Differentiating Human and AI Creativity Through Legal Reforms // Univ. Hong Kong Faculty Law Res. Paper. 2025. Art. № 2025/30.
13. Wagner C., Strohmaier M., Olteanu A., Kiciman E., Contractor N., Eliassi-Rad T. Measuring Algorithmically Infused Societies // Nature. 2021. Vol. 595. P. 197–204.
14. Putri S.D.G., Purnomo E.P., Khairunissa T. Echo Chambers and Algorithmic Bias: The Homogenization of Online Culture in a Smart Society // SHS Web of Conferences. 2024. Vol. 202. P. 1–8. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202420205001>
15. Tucker J.S. The Negative Impact of Social Media’s Algorithms on Society // Emerg. Writ. 2023. Vol. 6. Art. № 9. URL: <https://digitalcommons.kennesaw.edu/emergingwriters/vol6/iss1/9/> (дата обращения: 15.01.2024).
16. da Nobrega Martins K., Lopes Catão Rodrigues A. Networked Democracy: The Role of Algorithms in Freedom of Expression and Political Pluralism // Science and Connections: The Interdependence of Disciplines. 2024. P. 1255–1273. <https://doi.org/10.56238/sevened2024.037-079>
17. Jung H., Dai W., Albarracín D. How Social Media Algorithms Shape Offline Civic Participation: A Framework of Social-Psychological Processes // Perspect. Psychol. Sci. 2024. Vol. 19, № 5. P. 767–780. <https://doi.org/10.1177/17456916231198471>
18. Красиков В.И., Кудашов В.И. Как алгоритмы социальных сетей и социально-психологические уязвимости формируют участников радикальных онлайн-сообществ // Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманит. науки. 2023. Т. 16, № 12. С. 2208–2215.
19. Ceylan G., Anderson I.A., Wood W. Sharing of Misinformation is Habitual, Not Just Lazy or Biased // Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 2023. Vol. 120, № 4. Art. № E2216614120. <https://doi.org/10.1073/pnas.2216614120>
20. Metzler H., Garcia D. Social Drivers and Algorithmic Mechanisms on Digital Media // Perspect. Psychol. Sci. 2024. Vol. 19, № 5. P. 735–748. <https://doi.org/10.1177/17456916231185057>
21. Voorveld H., Meppelink C.S., Boerman S.C. Consumers’ Persuasion Knowledge of Algorithms in Social Media Advertising: Identifying Consumer Groups Based on Awareness, Appropriateness, and Coping Ability // Int. J. Advertis. 2023. Vol. 43, № 7. P. 960–986.
22. Beer D. The Social Power of Algorithms // Inf., Commun. Soc. 2017. Vol. 20, № 1. P. 1–13.
23. Singh D.P. The Algorithmic Bias of Social Media // The Motley Undergrad. J. 2023. Vol. 1, № 2. P. 109–118. <https://doi.org/10.55016/ojs/muj.v1i2.77457>
24. Yousef A.M.F., Alshamy A., Tlili A., Metwally A.H.S. Demystifying the New Dilemma of Brain Rot in the Digital Era: A Review // Brain Sci. 2025. № 15. Art. № 283. <https://doi.org/10.3390/brainsci15030283>
25. Ünsal F., Korkmaz Z. Excessive Digital Content Consumption and Cognitive Decline: Current Review of the ‘Brain Rot’ Phenomenon // Psikiyatriye Guncel Yaklasimlar – Current Approaches in Psychiatry. 2026. № 18(2). P. 498–509. <https://doi.org/10.18863/pgy.1644556>
26. Corredoir L., Mallén I., Cetina Presuel R. The Handbook of Communication Rights, Law, and Ethics. Hoboken, 2021. 352 p. <https://doi.org/10.1002/9781119719564.fmatter>
27. Chander A., Sun H. Sovereignty 2.0 // Georgetown Law Faculty Publications and Other Works. 2021. № 2021/041. P. 1–32. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3904949>
28. Лизикова М.С. Этические и правовые вопросы развития искусственного интеллекта // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 1. С. 177–194. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-1-lizikova>

References

1. Dyson G. *Analogia: The Emergence of Technology Beyond Programmable Control*. New York, 2020. 304 p.
2. Shalak V.I. Algoritmicheskaya model' sotsial'nykh protsessov [Algorithmic Model of Social Processes]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*, 2021, no. 1, pp. 46–62.
3. Severini S. Computocene: Notes from an Age of Observation. *ArXiv*, 2025, pp. 1–16. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2505.21744>
4. Rheinberger H.J. Experimental Systems: Difference, Graphematicity, Conjuncture. *Intellectual Birdhouse: Artistic Practice as Research*. Köln, 2012, pp. 89–99.
5. Eckhardt S., Kühl N., Dolata M., Schwabe G. A Survey of AI Reliance. *ACM Comput. Surv.*, 2025, vol. 58, no. 6, art. no. 161. <https://doi.org/10.1145/3776528>
6. Esposito E. *Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence*. Cambridge, 2022. 200 p.
7. Nabil A., Sony R. Understanding the Algorithm: Meaning, Socio-Legal Context and Concerns. *Legal Issues in the Digital Age*, 2021, vol. 2, no. 4, pp. 70–97. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2021.4.70.97>
8. Saputra K., Muhammad S., Agung A. Systematic Literature Review of Understanding Social Media Algorithms and Their Impacts on Online Experiences. *Proc. 3rd Int. Multi-Disciplinary Conf.: "Integrated Sciences and Technologies"*, 2024, pp. 12–25. <https://doi.org/10.4108/eai.25-10-2023.2348715>
9. Narayanan A. *Understanding Social Media Recommendation Algorithms*. New York, 2023. 39 p. <https://doi.org/10.7916/khdk-m460>
10. Dolata M., Feuerriegel S., Schwabe G. A Sociotechnical View of Algorithmic Fairness. *Inf. Syst. J.*, 2021, vol. 32, no. 4, pp. 754–818. <https://doi.org/10.1111/isj.12370>
11. Sun H. The Right to Know Social Media Algorithms. *Harv. L. Pol. Rev.*, 2023, vol. 18, no. 1, pp. 1–57. Available at: <https://journals.law.harvard.edu/lpr/wp-content/uploads/sites/89/2024/08/18.1-Right-to-Know-Social-Media-Algorithms.pdf> (accessed: 10 December 2023)
12. Sun H. Output Transparency: Differentiating Human and AI Creativity Through Legal Reforms. *University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper*, 2025, art. no. 2025/30.
13. Wagner C., Strohmaier M., Olteanu A., Kiciman E., Contractor N., Eliassi-Rad T. Measuring Algorithmically Infused Societies. *Nature*, 2021, vol. 595, pp. 197–204. <https://doi.org/10.1038/s41586-021-03666-1>
14. Putri S.D.G., Purnomo E.P., Khairunissa T. Echo Chambers and Algorithmic Bias: The Homogenization of Online Culture in a Smart Society. *SHS Web of Conferences*, 2024, vol. 202, pp. 1–8. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202420205001>
15. Tucker J.S. The Negative Impact of Social Media's Algorithms on Society. *Emerg. Writ.*, 2023, vol. 6, art. 9. Available at: <https://digitalcommons.kennesaw.edu/emergingwriters/vol6/iss1/9/> (accessed: 15 January 2024).
16. da Nobrega Martins K., Lopes Catão Rodrigues A. Networked Democracy: The Role of Algorithms in Freedom of Expression and Political Pluralism. *Science and Connections: The Interdependence of Disciplines*, 2024, pp. 1255–1273. <https://doi.org/10.56238/sevened2024.037-079>
17. Jung H., Dai W., Albarracín D. How Social Media Algorithms Shape Offline Civic Participation: A Framework of Social-Psychological Processes. *Perspect. Psychol. Sci.*, 2024, vol. 19, no. 5, pp. 767–780. <https://doi.org/10.1177/17456916231198471>
18. Krasikov V.I., Kudashov V.I. Kak algoritmy sotsial'nykh setey i sotsial'no-psikhologicheskie uyazvimosti formiruyut uchastnikov radikal'nykh onlayn-soobshchestv [How Social Networking Algorithms and Psychological Vulnerabilities Shape Participants in Radical Online Communities]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2023, vol. 16, no. 12, pp. 2208–2215. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-1200>
19. Ceylan G., Anderson I.A., Wood W. Sharing of Misinformation is Habitual, Not Just Lazy or Biased. *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.*, 2023, vol. 120, no 4, art. no. E2216614120. <https://doi.org/10.1073/pnas.2216614120>
20. Metzler H., Garcia D. Social Drivers and Algorithmic Mechanisms on Digital Media. *Perspect. Psychol. Sci.*, 2024, vol. 19, no 5, pp. 735–748. <https://doi.org/10.1177/17456916231185057>
21. Voorveld H., Meppelink C.S., Boerman S.C. Consumers' Persuasion Knowledge of Algorithms in Social Media Advertising: Identifying Consumer Groups Based on Awareness, Appropriateness, and Coping Ability. *Int. J. Advertis.*, 2023, vol. 43, no. 7, pp. 960–986. <https://doi.org/10.1080/02650487.2023.2264045>
22. Beer D. The Social Power of Algorithms. *Inf. Commun. Soc.*, 2017, vol. 20, no. 1, pp. 1–13.

23. Singh D.P. The Algorithmic Bias of Social Media. *The Motley Undergrad. J.*, 2023, vol. 1, no. 2, pp. 109–118. <https://doi.org/10.55016/ojs/muj.v1i2.77457>
24. Yousef A.M.F., Alshamy A., Tlili A., Metwally A.H.S. Demystifying the New Dilemma of Brain Rot in the Digital Era: A Review. *Brain Sci*, 2025, no. 15, art. no. 283. <https://doi.org/10.3390/brainsci15030283>
25. Ünsal F., Korkmaz Z. Excessive Digital Content Consumption and Cognitive Decline: Current Review of the ‘Brain Rot’ Phenomenon. *Psikiyatride Guncel Yaklasimlar – Current Approaches in Psychiatry*, 2026, no. 18(2), pp. 498–509. <https://doi.org/10.18863/pgy.1644556>
26. Corredoira L., Mallén I.B., Cetina Presuel R. *The Handbook of Communication Rights, Law, and Ethics*. Hoboken, 2021. 352 p. <https://doi.org/10.1002/9781119719564>
27. Chander A., Sun H. Sovereignty 2.0. *Georgetown Law Faculty Publications and Other Works*, 2021, no. 2021/041, pp.1–32. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3904949>
28. Lizikova M.S. Eticheskie i pravovye voprosy razvitiya iskusstvennogo intellekta [Ethical and Legal Issues of Artificial Intelligence Development]. *Trudy Instituta Gosudarstva i Prava RAN*, 2022, vol. 17, no. 1, pp. 177–194. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-1-lizikova>

Информация об авторе

И.М. Зашихина – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 1).

Information about the author

Inga M. Zashikhina, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Philosophy and Sociology Department, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: ul. Smol'nyy Buyan 1, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 23.11.2025

Одобрена после рецензирования 03.02.2026

Принята к публикации 12.02.2026

Submitted 23 November 2025

Approved after reviewing 3 February 2026

Accepted for publication 12 February 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 118–131.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 118–131.

Научная статья
УДК [327.1(98):141.7](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V519

Эвристический потенциал политико-философской концепции Карла Шмитта «номос земли» для исследования международных отношений в Арктике

Максим Леонидович Марченков^{1✉}

Дарья Константиновна Курочкина²

^{1,2}Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,

¹e-mail: m.marchenkov@narfu.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3706-2817>

²e-mail: kurochkina.d@edu.narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1259-6347>

Аннотация. В условиях эскалации противоречий по вопросам архитектуры международной безопасности и глобального управления в мировой политике Арктика стала регионом, международно-политическая динамика которого в 2020-х годах претерпела существенную трансформацию. Так, во времена кризиса в теории и практике международных отношений видится целесообразным обращение к политико-философскому инструментарию, который поможет по-новому взглянуть на сущность проблем мировой политики. Среди различных философских направлений для анализа международных отношений интерес представляет концепция «номоса земли», предложенная в 1950 году немецким философом и юристом Карлом Шмиттом. Данный подход обладает значительным эвристическим потенциалом для изучения пространственной организации, т. е. принципов установления правового и политического порядка на территориях различного масштаба, что позволяет применить методологические основания этой концепции для исследования эмпирики международных отношений в Арктике. Через обращение к творчеству Шмитта и его критике проанализированы основные категории шмиттианской философии политико-правового пространства: дихотомия суши и моря, «захват» суши, «линии дружбы», «большие пространства». В целях их более корректной операционализации и интерпретации в отношении «новых» феноменов мировой политики концепция «номоса земли» была актуализирована и дополнена представлениями об «акторах вне суверенитета», иерархии в международных отношениях постсовременности, дуальности глобализации и регионализации, нематериальных «новых больших пространствах». На примере международных отношений в Арктике преодолено противоречие между автономиями суши и моря в их совместном конструировании региона. Обосновано существование параллельных «больших пространств» в Арктике в условиях их пересекающейся территориальности. Сделан вывод о переходном характере «номоса Арктики», поскольку в регионе продолжается борьба за перераспределение ресурсов и расширение контроля как над физическим пространством, так и в нематериальных средах.

Ключевые слова: Карл Шмитт, номос земли, философия международных отношений, номос Арктики, международные отношения в Арктике, международно-правовой режим Арктики

Для цитирования: Марченков М.Л., Курочкина Д.К. Эвристический потенциал политико-философской концепции Карла Шмитта «номос земли» для исследования международных отношений в Арктике // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 118–131. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V519>

Original article

Heuristic Value of Carl Schmitt's Political-Philosophical Concept of the Nomos of the Earth for the Study of International Relations in the Arctic

Maksim L. Marchenkov¹✉

Darya K. Kurochkina²

^{1,2}Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; Arkhangelsk, Russia,

¹e-mail: m.marchenkov@narfu.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3706-2817>

²e-mail: kurochkina.d@edu.narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1259-6347>

Abstract. As tensions escalate in global politics over international security architecture and global governance, the Arctic has become a region of a recent (since 2020) dramatic transformation of its international political dynamics. Therefore, amid the crisis in international relations theory and practice, it is worth turning to political-philosophical frameworks that can shed new light on the matter of world politics' problems. Among various philosophical approaches to analyzing international relations, particular attention is drawn to the concept of the Nomos of the Earth, introduced in 1950 by the German philosopher and lawyer Carl Schmitt. This approach offers considerable heuristic value to the analysis of spatial organization (i.e. the principles for establishing legal and political order across territories of varying scales) and thus provides methodological basis for the analysis of the empirics of international relations in the Arctic. Drawing on Schmitt's work and its critics, the key categories of his philosophy of political and legal space are analyzed: the land–sea dichotomy, land appropriation, “amity lines”, and “large spaces”. To operationalize and interpret these categories more effectively regarding “new” phenomena in world politics, the Nomos concept has been revisited and supplemented with notions of “actors beyond sovereignty”, hierarchy in postmodern international relations, the globalization–regionalization duality, and immaterial “new large spaces”. Using the Arctic's international relations as a case study, the research overcomes the apparent contradiction between the autonomies of land and sea by their joint construction of the region. It further demonstrates the existence of parallel “large spaces” in the Arctic, highlighting their overlapping territoriality. The conclusion is that the Arctic Nomos is yet transitional, as the region remains a site of struggle for redistribution of resources and the expansion of control over both physical space and immaterial domains.

Key words: Carl Schmitt, nomos of the earth, philosophy of international relations, nomos of the Arctic, international relations in the Arctic, international legal regime of the Arctic

For citation: Marchenkov M.L., Kurochkina D.K. Heuristic Value of Carl Schmitt's Political-Philosophical Concept of the Nomos of the Earth for the Study of International Relations in the Arctic. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 118–131. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V519>

Введение

Рассуждение о мировой политике и международных отношениях с позиций политической философии во времена артикуляции противоречий и эскалации конфликтов, растущих проявлений системных сдвигов в архитектуре международных отношений и кризиса ее парадигмальных оснований представляется все более востребованным. Так, сегодня четче кристаллизуется *предмет философии международных отношений* – динамика внутри аксиологической дихотомии – соотношения борьбы и диалога между макросоциальными группами, стремящимися защищать и продвигать свои ценности. Следовательно, важной производной этой дихотомии становится проблема соотношения целей и средств их достижения, иначе говоря соответствие интересов акторов и политики, которую они проводят.

Ярким примером стремительного изменения тенденций и нарративов в сфере международных отношений в последнее время стал политикум Арктического региона¹. В конце 1980-х годов были озвучены конструктивные предложения об отходе от милитаризации в Арктике в сторону многостороннего регионального сотрудничества стран, территорию которых пересекает Северный полярный круг. Постепенно дискурс арктического сотрудничества расширялся, и к концу 2000-х – началу 2010-х годов сформировался устойчивый фрейм – дискурсивная формация об «арктической исключительности»². Однако скованная в 2020–2021 годах последствиями пандемии Covid-19 динамика сотрудничества в 2022 году начала явно перерождаться в тренд по секьюритизации Арктического региона. Так, некогда позиционируемая как безусловная «территория

диалога» Арктика на сегодняшний день стала зоной интерференции, в которой одновременно проецируются потенциалы конфликтогенности и кооперативности.

Целью данной статьи является раскрытие эпистемического ресурса концепции «номос земли» в политической философии Карла Шмитта для оценки статуса основных современных международных процессов в Арктическом регионе. Достижение указанной цели видится возможным через философскую рефлексию шмиттианских представлений о диалектических отношениях суши и моря, интерпретацию роли негосударственных акторов и мегатрендов мирового развития, актуализацию онтологических оснований «больших пространств» для международных отношений в постсовременную эпоху. Представляется, что приложение уточненных категорий пространственно-правовой философии Шмитта к анализу ключевых международных процессов в рассматриваемом регионе позволит концептуализировать ее арктический топос – сформировать представление о «номосе Арктики».

«Номос земли» как категория философского анализа пространства

Центральное понятие в философии международного права Шмитта – «номос земли», который мыслитель отличает от привычного, восходящего к древним грекам понимания номоса как закона, нормы, обычая или принятого образа жизни. Шмиттовский номос не является абстрактной нормой, а представляет неразрывную связь права с местом его возникновения. В концепции Шмитта «право восходит к земле и связано с землей» [1, с. 9]; это право рождается из акта взятия и раздела физического пространства. Номос, по Шмитту, – «... тот

¹Под термином «политикум» в данной статье понимается совокупность не только акторов, но и международных процессов в Арктическом регионе и политической среды, в которой они происходят.

²Распространенное среди политиков и экспертов представление о том, что внерегиональные вызовы, обуславливающие политические противоречия за пределами Арктики (в частности, вопросы глобального управления, будущее архитектуры международной безопасности, переход к многополярному миру), в действительности не оказывают отрицательного влияния на динамику сотрудничества и реализацию совместных проектов в данном регионе.

непосредственный образ, который делает пространственно зримым политический и социальный порядок того или иного народа, первое измерение и размежевание пастбища, то есть захват земли и заключенный в нем, вытекающий из него конкретный порядок» [1, с. 51].

В шмиттианской логике международного права фундаментальным актом, учреждающим право народов на землю, является захват пространства. Именно взятие и раздел пространства, вслед за которыми устанавливается устойчивый пространственный порядок, предшествует нормам и договорам между государствами. Шмитт постулирует, что «...в основании каждого нового периода и каждой новой эпохи <...> лежат акты нового распределения пространства, установления новых границ и новых пространственных порядков Земли» [1, с. 66]. Уточним, что под «захватом земли» подразумевается не насильственный акт, а «...процесс установления определенного порядка и локализации на том или ином участке твердой суши, в результате чего впервые учреждается право» [1, с. 67]. Важно отметить, что из посылки об изначальном единстве порядка и локализации вытекает следствие: без конкретной локализации организация правового порядка невозможна, поскольку без первичной связи с пространством право теряет определенность и становится пустым долженствованием.

Шмитт акцентирует внимание на принципиальном различии суши и моря как двух разных типов пространственного порядка. Согласно его концепции, «...твердая суша четкими линейными границами поделена на государственные территории и подвластные государствам пространства», в то время как море «...не знает никакой другой границы, кроме берега» [1, с. 217]. Суша представляет собой пространство государств и суверенитета. На суше возможны межи, стены и границы – все то, что делает право видимым и устойчивым. Шмитт усматривает три проявления связи земли с правом: «...она хранит его в себе как награду за труд; она обнаруживает его на своей поверхности как четкую границу; и она несет его на себе, как публичный знак порядка»

[1, с. 9]. Напротив, в море нельзя провести четких линий. Установление в море суверенитета и дислокация его атрибутов затруднены, поэтому «...море не знает такого очевидного единства пространства и права, порядка и локализации» [1, с. 9]. Вместе с тем море выступает транзитной средой для базирующихся на суше государств [2, с. 25], в т. ч. для установления контроля над новыми пространствами суши. Дихотомия суши и моря и контекстуальное распространение этого разделения на внешнюю политику стран континентальной Европы стали онтологическими основаниями международного права и политического порядка в рамках шмиттианской модели [2, с. 43].

Помещение Европы в центр международно-политической идеи о номосе подводит Шмитта к анализу практики проведения глобальных линий, которые территориально ограничивают сформированный политический и правовой порядок. В частности, философ обосновывает понятие «линии дружбы», которое возникло в XVI–XVII веках. «Линии дружбы» использовались для разграничения европейского и неевропейского пространств. По Шмитту, «...по ту сторону линии начинается “заморская” зона, в которой за отсутствием каких бы то ни было правовых ограничений войны господствовало лишь право сильного» [1, с. 86]. Подобные линии ограничивали принципы ведения войны, определения врага и перераспределения ресурсов для европейских государств Нового времени внутри европейского пространства. При этом признающие такие линии государства могли действовать в духе абсолютной свободы при захвате новых пространств, расположенных по неевропейскую сторону линий [3, с. 257]. За линией прекращали действовать договоры и правовые нормы, уступая место «свободной борьбе». «Линии дружбы» фиксировали, где заканчивается порядок и начинается пространство, открытое для нового «захвата». Более поздним примером проведения глобальных линий, вводящих новый порядок в отношении отдельных пространств суши, Шмитт называет доктрину Монро.

Учитывая обращенность данной статьи к проблемам Арктики как масштабного политического региона, отметим наличие в картине реальности Шмитта понятия «большое пространство». Данная категория концептуализирует не просто огромную площадь суши или территорию империи, а качественно иную форму ее пространственной организации. Под «большим пространством» Шмитт понимает «...возникающую из обширной современной тенденции развития область человеческого планирования, организации и активности, <...> прежде всего связанное пространство достижения» [1, с. 486]. Сквозной линией через концепцию «больших пространств» проходит вдохновленный доктриной Монро принцип «...недопустимости интервенций чуждых пространству сил в большое пространство, пронизанное принципом порядка» [1, с. 506]. Исходя из этих положений, можно представить «большое пространство» как защищенный от внешних интервенций региональный порядок (региональную подсистему международных отношений), организованный вокруг политической воли ведущего государства (своего рода региональной «великой державы»). Отметим, что подобное видение пространственной организации выходит за рамки европоцентричной архитектуры мировой политики и предполагает переход к глобальному мышлению в международных отношениях. В то же время законы функционирования «больших пространств» и взаимодействия между ними, по сути, предвосхитили процессы регионализации, которые возникнут в мире как реакция на универсализм глобализации.

**«Номос земли» и поствестфальская
диалектика международных отношений:
концептуальная преемственность
и частные противоречия в отношении
Арктического региона**

Рассмотренные выше компоненты концепции «номоса земли» составляют эвристическую систему, которая дополняет абстрактные представления о международном праве и политическом устройстве мира конкретными

принципами и механизмами установления пространственной организации международного политикума и тем, как она может трансформироваться.

Вместе с тем подчеркнем, что, как и многие другие социальные теории эпохи модерна, исходная шмиттовская идея о «номосе земли» требует актуализации и более точного соотнесения с феноменами международных отношений постсовременности. Категорию «номос земли» Шмитт вводит в научный дискурс в 1950 году с выходом одноименной монографии. В идеологическом плане шмиттовская концепция является консервативной реакцией на начавшиеся после Первой мировой войны и усилившиеся после Второй мировой войны эрозию европоцентричной системы международных отношений, активное развитие неолиберальной глобализационной модели управления и возвышение Соединенных Штатов Америки (США) в мировой системе (в т. ч. в европейских процессах), что выводило Старый свет из центра международного права и политики. Примечательно, что геополитическая картина мира Шмитта, сотканная из «больших пространств», была сформулирована даже раньше – в 1939 году, на закате колониальной эпохи.

Шмитт пишет о трех ключевых этапах в генезисе номоса: открытии Нового света, установлении Вестфальской модели в Европе и вхождении США в мейнстрим мировой политики после Первой мировой войны. Видятся как минимум три направления, в которых возможно усовершенствовать концептуальное представление Шмитта, чтобы оно стало более адекватным современной политической реальности.

Во-первых, шмиттианскую логику международных отношений главным образом критикуют за имплицитное оправдание империалистской политики «великих держав» [4, с. 352]. Однако в постсовременную эпоху непосредственный захват пространства больше не является приоритетным инструментом для государств, когда реализация их внешнеполитических интересов связана с иностранными территориями, их ресурсами и жителями. Среди множества спосо-

бов трансляции влияния в мировой политике используются экономические санкции, инструменты «мягкой силы» и различные гибридные технологии, в частности для информационно-идеологического воздействия. Так, с одной стороны, для проекции власти сегодня больше не требуется непосредственное завоевание территории; с другой – включение пространства в определенный политический порядок не обязательно обеспечивает над ним полный и устойчивый контроль.

Во-вторых, структура международных отношений, по Шмитту, представлена достаточно жесткой иерархией. В этой логике движущей силой мировой политики является доминирование «великих держав» над другими: как в региональных кластерах, так и в глобальном измерении [5, с. 175]. Но действительно ли после перехода от Вестфальской модели к международным отношениям эпох модерна и постмодерна присутствовали моменты, когда мировая политика была вертикально интегрирована? Возможно ли, чтобы многоуровневая архитектура международных отношений (с новым, глобальным, уровнем) управлялась одним или несколькими государственными акторами?

Конечно, в условиях биполярной системы функционировали два больших «лагеря», линии поведения которых были структурированы двумя центрами силы. Но нельзя забывать и про параллельное существование «третьего мира» (Движения неприсоединения), а также тех участников двух «лагерей», которые балансировали между ними (взять, к примеру, внешнюю политику Финляндии между 1948 и 1991 годами).

В постбиполярном мире тоже нет признаков очевидной иерархизации международных отношений. Хотя в 1990-х годах многие исследователи предрекали скорый переход мировой политики к монополярности, т. е. ее американизации, достаточно быстро в мире возникли альтернативные центры силы. Сегодня они позволяют нам фиксировать движение мировой системы в сторону многополярности: это и Европейский Союз, и Китайская Народная

Республика, и Россия, и международное объединение «Бразилия–Россия–Индия–Китай–Южная Африка», и некоторые другие страны и союзы. Таким образом, артикулированная ориентация одной или нескольких сверхдержав на глобальное или региональное доминирование едва ли может быть атрибутом современного номоса. Принимая во внимание многообразие акторов и усиливающуюся тенденцию многополярности мирового порядка, современные сторонники политической философии Шмитта отмечают, что вопрос того, какой именно механизм будет выбран для воплощения силы катехонизма в мировой политике (гегемонистский, универсальный, транснациональный, многополярный и т. д.), является второстепенным [6, с. 149].

В-третьих, для анализа политического и правового порядка внутри «новых больших пространств» постсовременности требуется другая, адаптированная к их средам, логика номоса. К новым типам «больших пространств» можно отнести:

- высокоинтегрированные межгосударственные объединения (например, Европейский Союз) [7, с. 148–149; 8, с. 390];
- нетипичные регионы, сконструированные на основе принципов нового регионализма; эти международные общности могут занимать территории на разных континентах или одновременно включать в себя и сушу, и море [9, с. 190–191];
- телекоммуникационные пространства (в первую очередь Интернет) [10].

Онтология указанных сред принципиально отличается от тех пространств, которые концептуализировал Шмитт в своей работе, поскольку они либо не имеют собственной территориальности, либо разворачиваются поверх территориальности суверенных государств. Шмиттианское симбиотическое бытие пространства и порядка в глобальном мире сталкивается с очевидной диспропорцией: в отсутствие «белых пятен» на карте и при множестве акторов, стремящихся воплотить в жизнь свою идеологию, растет про-

блема дефицита пространств (как физических, так и когнитивных).

На этапе становления Вестфальского мира проблема территориализации политического и правового уклада была решена установлением принципа суверенитета. В постсовременных международных отношениях помимо государств действуют «акторы вне суверенитета» (международные неправительственные организации, транснациональные корпорации, различные сетевые и неформальные структуры). Пространственный ракурс их деятельности является транснациональным. Новые акторы международных отношений не обладают какими-то конкретными территориями, населением или другими классическими признаками государства. Однако их ресурсы и влияние воплощают их политическую субъектность на мировой арене, а характер их деятельности приводит, скорее, к де-территориализации сформированной пространственной организации, более знакомой нам по дискуссиям о «размывании суверенитета».

Таким образом, критерий объективной территориальности в международных исследованиях должен быть дополнен анализом информационных пространств, в которых происходит конкурентное сосуществование проекций влияния акторов новых типов. Отметим, что обращение к изучению политического компонента в нематериальных пространствах не противоречит концептуальному видению шмиттианцев, поскольку порядок всегда первичен по отношению к пространству [11, с. 11]. Следовательно, если есть такая идея порядка, которая предполагает организацию деятельности в условных средах, то эта идея тоже может быть политической.

С учетом указанных общих оговорок в отношении исходной шмиттовской концепции рассмотрим, как эпистемические установки «номоса земли» могут быть адаптированы для специфики познания актуальных международно-политических процессов в Арктическом регионе.

В Арктике нарушается исходно заложенная в концепцию «номоса земли» автономия

бинарных оппозиций суши и моря, поскольку политическое пространство Арктического региона не ограничивается только водами Северного Ледовитого океана и его побережьем. Так, говорить об автономии моря в «номосе Арктики» не приходится по нескольким основаниям. Арктика (и Северный Ледовитый океан, в частности) – это пространство, которое привлекает внимание многих стран мира, в т. ч. находящихся далеко от Северного полярного круга. Но очевидно, что любой из международно-правовых подходов к арктическим акваториям не обеспечивает шмиттианскую одинаковую свободу «за линией» для всех государств. С другой стороны, Северный Ледовитый океан не может быть рассмотрен как внутреннее море, поскольку побережье Арктики объединяет 5 суверенных государств. За арктические пространства, не только океан, но и острова и континентальное арктическое побережье, велась долгая борьба между странами, осваивавшими Север. Более века назад начался «первый передел Арктики» (активное закрепление за арктическими фронтами юрисдикции северных стран), приведший к распространению секторального подхода [12, с. 98]. А сегодня мы видим новую гонку за ресурсы в Арктике, которая возобновилась в конце 2000-х годов, когда стало повсеместно известно о богатом ресурсном потенциале региона [13, с. 239]. И в этой гонке участвуют не только арктические и внерегиональные государства, но и международные организации и транснациональные корпорации.

Возможность сохранения автономии суши в Арктике тоже ставится под сомнение. Отметим, что в Арктический регион включены части нескольких «больших пространств», внутри которых есть собственные сверхдержавы и региональные лидеры³. Также родству сухопутного и морского начала в «номосе Арктики» способствует наличие в регионе большого количества островов и

³Речь идет о регионах Северной Европы, евразийском пространстве и Северной Америке.

архипелагов, часть из которых населена коренными народами, а ряд островов используется в экономических, научных или оборонных целях. С точки зрения организации пространственного порядка все эти участки суши неотделимы от «большой земли», несмотря на морские преграды.

В связи с высокой значимостью Арктики для международных отношений и концентрацией в регионе активной деятельности человека по преобразованию ее порядка закономерно задаться вопросом, является ли Арктика интерстициальной зоной⁴ между «большими пространствами» или сама формирует такое пространство?

Не имея возможности однозначно выбрать один из вариантов, отметим, что онтологические основания «номоса Арктики» по отношению к шмиттовскому номосу несут в себе двойную гибридность. Во-первых, для номоса Арктики не характерна оппозиция автономий суши и моря, а, напротив, важны их интеграция и взаимная связанность. Во-вторых, в оптике «больших пространств» Арктика лишена четких глобальных линий на своей границе, после которых в шмиттианской логике было бы возможно различие «друг–враг». Поэтому «большое пространство» Арктического региона не является монолитным ни в физико-географическом, ни в символическом плане. В суперпозиции Арктики друг на друга накладываются когнитивное, информационное и политическое пространства, что делает процесс трансформации пространственного порядка в регионе комплексным и нелинейным.

«Номос Арктики» и актуальные проблемы международных отношений в Арктическом регионе

Заявленная гибридность онтологических оснований международной политики в Арктике и наличие в регионе множества вовлеченных акторов, различных по географической и типологической принадлежности, позволяют обосновать эпистемический статус арктической политики как пространства столкновения сухопутной и морской логики. Этот антагонизм наиболее ярко отражается в трех направлениях: неопределенности международно-правового режима региона, стремлении расширить национальную юрисдикцию над континентальным шельфом, а также милитаризации и секьюритизации арктических рубежей. Рассмотрим данные направления через контекстуализированную оптику «номоса Арктики».

Международно-правовой режим Арктики: несовершенства Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и дискуссии о Договоре об Арктике

Основу международно-правового регулирования Арктики составляет Конвенция Организации Объединенных Наций (ООН) по морскому праву 1982 года⁵. Документ закрепляет принцип свободы судоходства за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны, что соответствует шмиттианской логике свободы универсального доступа акторов в море. Однако стоит отметить, что применимость Конвенции к Арктике имеет следующие ограничения.

Статья 234 Конвенции устанавливает особый правовой режим для покрытых льдом

⁴В значении «зона, носящая промежуточный характер, не включенная полностью ни в одно из “больших пространств”, не находящаяся под каким-то одним суверенитетом». Задача этого термина – подчеркнуть положение Арктического региона «на стыке» разных пространств и интересов, что обеспечивает интеграцию элементов его смыслового поля. Маркером этого промежуточного пространственно-организационного статуса Арктики является продолжительная дискуссия в общественно-политическом и академическом пространствах о ее принадлежности.

⁵United Nations Convention on the Law of the Sea (adopted 10 December 1982, entered into force 16 November 1994) // The United Nations Organization. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

районов. Согласно документу «прибрежные государства имеют право принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны»⁶. С одной стороны, данное положение закрепляет компромисс между сухопутной и морской логикой. Однако указанная статья не имеет специфической привязки к Арктике, а также не учитывает быстро меняющиеся ледовые условия, связанные с глобальным изменением климата. Постепенное сокращение ледового покрова размывает основания для применения рассматриваемой статьи в Арктическом регионе, что в перспективе создает дополнительную правовую неопределенность [14; 15, с. 22].

Кроме того, конвенция не дает однозначных ответов на вопросы о правовом статусе Северного морского пути и Северо-Западного прохода, что приводит к длительным правовым спорам [16, с. 81–83; 17, с. 300].

Важно, что Конвенция ООН по морскому праву не предусматривает механизмов принуждения, т. е. государства могут игнорировать положения, не неся существенных последствий. США, являясь одним из арктических государств, до сих пор не ратифицировали Конвенцию, что ведет к правовой неопределенности и дает им возможность действовать в Арктике в обход установленных и разделяемых другими странами процедур [14].

В таких условиях все чаще обсуждается возможность заключения специального Договора по Арктике по аналогии с Договором об Антарктике 1959 года⁷. Сторонники рассматриваемого подхода утверждают, что но-

вый документ (договор, обязывающая форма международного права) позволит заморозить территориальные претензии и объявить арктическое пространство зоной мира и научных исследований [18, с. 1094–1096]. Противники универсального договора указывают на фундаментальные различия двух полюсов, а именно: наличие постоянного населения в Арктике; деятельность суверенных государств с четко выраженными национальными интересами; активную хозяйственную деятельность на арктических территориях и акваториях [19; 20].

Ограничения применения Конвенции ООН по морскому праву и дискуссии об универсальном договоре отражают отсутствие устойчивого номоса в Арктике ввиду того, что номос представляет собой единство порядка и локализации – т. е. ситуацию, когда право четко привязано к конкретному пространству, границы признаны, а нормы носят детерминирующий характер. На современном этапе международно-правовой режим в Арктике характеризуется отсутствием подобной структуры. Пространство Арктики сегодня остается ареной символической борьбы за трансформацию пространственного порядка.

Расширение арктического континентального шельфа

Деятельность по расширению континентального шельфа является примером сухопутной логики, ведь государства стремятся распространить свой суверенитет на подводные пространства, рассматривая шельф как продолжение материковой суши. В Арктике подобная практика реализуется посредством многостороннего и одностороннего подходов.

Многосторонний подход основывается на положениях Конвенции ООН по морскому пра-

⁶United Nations Convention on the Law of the Sea (adopted 10 December 1982, entered into force 16 November 1994) // The United Nations Organization. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

⁷Договор об Антарктике (совершено в Вашингтоне 01.12.1969) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/antarctic.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

ву. Заявки Дании, Канады и России на расширение арктического шельфа имеют ряд пересечений. Указанные страны ведут работу по приведению геологических и иных научных доказательств, и Комиссия по границам континентального шельфа, принимая эти аргументы, периодически выносит отдельные рекомендации по поводу данных территориальных споров. Но важно отметить, что, несмотря на требования глубины предоставляемых доказательств, решения комиссии носят рекомендательный характер и не служат обязательным основанием для изменения правового и политического порядка в акватории, пока стороны, чьи заявки пересекаются, не достигнут договоренностей. Стало быть, следование процедуре согласно конвенции как бы структурирует процесс «захвата» подводных пространств Арктики совершенно в ином ключе, нежели как о разделе пространств «за линиями» пишет Шмитт.

Односторонний подход демонстрируют США. Не ратифицировав Конвенцию ООН по морскому праву, вместо участия в процессе делимитации границ континентального шельфа через вышеупомянутую комиссию США проводят одностороннее расширение континентального шельфа в Арктике в декларативном порядке, опираясь на собственные геологические исследования и национальное законодательство. Отмечается, что подобные действия со стороны Соединенных Штатов могут привести к возникновению серьезной правовой коллизии. В то время как арктические государства действуют в соответствии с общепринятой международной процедурой, США игнорируют существующие нормы, что подрывает легитимность международного режима в целом [21; 22].

Действия суверенных акторов в рамках обоих подходов следует рассматривать как попытки формирования нового пространственного порядка в Арктике. В обоих случаях расширение шельфа является «захватом» подводных территорий, но примечательно, каким образом каждый из подходов легитимизируется. При многостороннем подходе установление контроля над новыми пространствами согласуется

в одном из органов ООН, тем самым политическое значение территориального конфликта в Арктике переносится далеко за ее пределы – на площадку «актора вне суверенитета». Так, в случае принятия положительного решения право «захвата» новых подводных территорий символически встраивается в ткань *международного права многих*. В то же время односторонняя экспансия – более соответствующий классической шмиттианской логике односторонний акт силы, легитимация которого зависит от политического решения других.

«Спираль безопасности» и проблемы милитаризации Арктики

С 1990-х годов Арктика позиционировалась как «регион мира и сотрудничества». Период доминирования кооперативной парадигмы в Арктическом регионе характеризовался низким уровнем военной напряженности и приоритетом ненасильственного разрешения споров. В последующем кооперативная модель, сперва сохранявшая ранее упомянутый принцип «арктической исключительности», сменилась конфронтационной, что сегодня отчетливо выражается в разрастающейся милитаризации региона и постепенной перестройке международной политики в Арктике в матрицу великодержавного соперничества.

Выраженная милитаризация Арктики со стороны стран Запада началась в 2014 году после разрешения Крымского кризиса, а качественно новый этап милитаризационной спирали запустился после начала специальной военной операции в 2022 году. В 2023–2024 годах Финляндия и Швеция были приняты в качестве полноправных членов в Организацию Североатлантического договора (НАТО), что позволило разместить на территории северных стран дополнительную военную инфраструктуру, наземные контингенты и усилить группировки военно-морских сил [23, с. 145–146]. Кроме того, страны НАТО наращивают военный потенциал в регионе за счет восстановления арктической инфраструктуры и регулярных крупномасштабных учений. Подобные действия арктических государств спровоцировали

ответные меры со стороны Российской Федерации, которая приступила к восстановлению военных баз, расположенных на территории Арктической зоны, созданию новых частей, усилению Северного флота, а также комплексному развитию Северного морского пути [24, с. 61–62]. Милитаризация Арктики носит взаимообуславливающий характер: каждая сторона объясняет свои действия необходимостью защиты национальных интересов и реагированием на действия другой. В результате возникает «спираль безопасности», где наращивание военного потенциала одним государством воспринимается другими как угроза, требующая ответной реакции, что запускает очередной цикл.

Одновременно с милитаризацией в Арктике расширяется дискурс секьюритизации. Во всех арктических стратегиях, опубликованных после 2022 года, экономические, экологические, климатические, демографические, инфраструктурные и другие «гражданские» вопросы стали чаще интерпретироваться в терминах национальной безопасности. Так, субъект-субъектная природа феномена секьюритизации затрудняет развитие сотрудничества в рамках международных организаций, легитимирует милитаризацию и провоцирует эскалацию.

Милитаризация и секьюритизация Арктического региона обуславливают распространение классических геополитических императивов в политике арктических акторов, что сближает международные процессы в регионе с принципами функционирования шмиттовских «больших пространств». В то время как кооперативная модель в Арктике уступает место конфронтационной, мы все чаще становимся свидетелями проявления в арктической политике диалектики *своих* и *чужих* пространств, различения акторов (разных типов) на *друзей* и *врагов*. Однако открытым остается вопрос, будут ли в «номосе Арктики» существовать те «линии дружбы», переход за которые даст акторам полную свободу в выборе средств достижения целей. Представляется, что неочевидность ответа на этот вопрос связана прежде всего с фактором ядерного оружия и обилием

средств ведения гибридных войн и реализации инструментов «мягкой силы» для достижения задач контроля над когнитивным пространством соперника.

Заключение

Несмотря на достаточно давнюю разработку политико-философской парадигмы международного права Карла Шмитта и появление новых феноменов в мировой политике, концепция «номоса земли» сохраняет актуальность. Вклад философа в развитие представлений об онтологии международного права и его связи с суверенитетом до сих пор обладает полезным эвристическим потенциалом и позволяет дополнить аксиологическую картину рационалистских теорий международных отношений.

Актуализация и контекстуализация шмиттовской концепции «номоса земли» позволила сформулировать представление о гибридности «номоса Арктики». Так, можно предложить авторское определение современного «номоса Арктики» как подхода к познанию темпорально-пространственной организации международного порядка в пределах Арктики в качестве гибридного пространства с растяжимой локализацией. Гибридность топологической субструктуры этого определения обусловлена диалектическими отношениями физического и информационно-когнитивного измерений Арктики.

Рассмотрение основных международных процессов в Арктике позволяет сделать вывод о том, что Арктический регион пребывает в переходном состоянии, где старый номос, скорее, разрушен (концепция находится в кризисе объяснения многих особенностей региона), а новый продолжает выстраиваться. Арктика перестала быть «территорией диалога» и становится пространством, где новый номос формируется через соперничество, проведение новых «глобальных линий» и «линий дружбы», установление политического, информационного и когнитивного контроля.

Незавершенность делимитации арктических пространств, кризис в работе институтов регионального сотрудничества, а также расширение милитаризации и секьюритизации

Арктики вслед за внерегиональными вызовами безопасности – все это атрибуты стратегической неопределенности, характеризующей настоящее политикума Арктического региона. Безусловно, изучению данной проблемы следует посвятить отдельные исследования. Однако отметим, что фундаментальный характер этого явления подразумевает потенциал трансформации международной жизни в Арктике в принципиально разных направлениях: от ревитализации сотрудничества и привлечения к нему глобальных акторов до дальнейшего закручивания спирали безопасности и исключения всех неарктических акторов из международных процессов в регионе.

Так, дальнейшее развитие концепции имеющимся «номоса Арктики» будет зависеть от разрешения вопроса о ее статусе как интерстициальной зоны или «нового большого пространства». В первом случае онтология и топология этого номоса будут во многом определяться проецированием на Арктику внерегиональных вызовов; во втором случае – спецификой дискретного управления доступом к Арктическому региону,

т. е. архитектурой региональной подсистемы международных отношений, о которой говорится «закрытый клуб» арктических государств. При этом реализация последнего сценария потребует от арктических акторов отойти от нормативных оснований международной политики в регионе в сторону шмиттианского децизионизма.

Представляется, что изложенный в данной статье подход к анализу международно-политических процессов в Арктике через ее собственный номос может стать полезным дополнением к имеющимся попыткам политико-философского осмысления кризиса теории и практики международных отношений в регионе. Вместе с тем ограничения предлагаемого эпистемологического подхода видятся в его концептуальном пересечении с другими популярными моделями осмысления международных процессов через оптику «пространственного поворота», в частности с социальным конструктивизмом, различными подходами к концептуализации политического пространства, а также школой арктической геополитики.

Список литературы

1. *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *Jus Publicum Europaeum*. СПб., 2008. 670 с.
2. *Herrero M.* The Political Discourse of Carl Schmitt: A Mystic of Order. London, 2015. 290 p.
3. *Ssorin-Chaikov N.* Hybrid Peace: Ethnographies of War // *Ann. Rev. Anthropol.* 2018. Vol. 47. P. 251–262. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102317-050139>
4. *Jurkevics A.* Hannah Arendt Reads Carl Schmitt's The Nomos of the Earth: A Dialogue on Law and Geopolitics from the Margins // *Eur. J. Polit. Theory.* 2017. Vol. 16. P. 345–366. <https://doi.org/10.1177/1474885115572837>
5. *Kalpukas I.* The New Nomos of the Earth and the Channelling of Violence // *J. Int. Polit. Theory.* 2017. Vol. 13. P. 162–180. <https://doi.org/10.1177/1755088216679024>
6. *Яркеев А.* Катехон как теолого-политическая парадигма мирового порядка // *Социол. обозрение.* 2024. Т. 23, № 1. С. 135–159.
7. *Burgess J.P.* The New Nomos of Europe // *Geopolitics.* 2009. Vol. 14. P. 135–160.
8. *Přibáň J.* European Constitutional Imaginaries: A Socio-Legal Perspective // *Eur. Law Open.* 2025. Vol. 4. P. 387–401. <https://doi.org/10.1017/elo.2025.3>
9. *Orford A.* Regional Orders, Geopolitics, and the Future of International Law // *Curr. Leg. Probl.* 2021. Vol. 74. P. 149–194. <https://doi.org/10.1093/clp/cuab005>
10. *Sereni C.A.* Digital Nomos and the New World Order: Towards a Theological Critique of Silicon Valley // *Tapuya: Lat. Am. Sci., Technol. Soc.* 2021. Vol. 4. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/25729861.2020.1843870> (дата обращения: 20.04.2026).
11. *Антонов Б.А.* Теория «больших пространств» Карла Шмитта применительно к политике Первого рейха: об актуализации понятия «(большое) пространство» в ретроспективе и перспективе // *Пролог: журн. о праве.* 2024. № 3(43). С. 7–16. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2024.3.1>
12. *Лукин Ю.Ф.* Великий передел Арктики. Архангельск, 2010. 400 с.

13. Медведева Л.М. Активизация и диверсификация арктической политики: историографический обзор // Проблемы Арктики и Антарктики. 2025. Т. 71, № 2. С. 234–249. <https://doi.org/10.30758/0555-2648-2025-71-2-234-249>
14. Postler A. UNCLOS in the Arctic: A Treaty for Warmer Waters // Georgetown Security Studies Review. 24.02.2020. URL: <https://georgetownsecuritystudiesreview.org/2020/02/24/unclos-in-the-arctic-a-treaty-for-warmer-waters/> (дата обращения: 13.04.2026).
15. Гаврилов В.В., Ляшко Г.С. «Экологическое измерение» статьи 234 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и законодательство России о регулировании судоходства в акватории Северного морского пути // Моск. журн. междунар. права. 2023. № 4. С. 18–34. <https://doi.org/10.18356/9789210018081>
16. Тодоров А.А. Правовой спор между Россией и США о Северном морском пути и похожий вопрос о Северо-западном морском пути // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 74–89. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.29.74>
17. Klyegzhaniy A., Bunik I., Torkunova E., Kienko E. Navigation in the Northern Sea Route: Interaction of Russian and International Applicable Law // Polar J. 2020. Vol. 10. P. 285–302. <https://doi.org/10.1080/2154896x.2020.1844404>
18. Котлова А.В., Вереина Л.В. Азиатское измерение международного сотрудничества в Арктике: международно-правовые аспекты // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Право. 2025. Т. 16, № 4. С. 1088–1102.
19. Jabour J. Pharand's Arctic Treaty: Would an Antarctic Treaty-Style Model Work in the Arctic? // International Law and Politics of the Arctic Ocean: Essays in Honor of Donat Pharand / ed. by S. Lalonde, T.L. McDorman. Leiden, 2015. P. 75–92. https://doi.org/10.1163/9789004284593_005
20. Bartenstein K. The 'Common Arctic': Legal Analysis of Arctic & Non-Arctic Political Discourses // Arctic Yearbook 2015. URL: <https://arcticyearbook.com/arctic-yearbook/2015/2015-scholarly-papers/135-the-common-arctic-legal-analysis-of-arctic-non-arctic-political-discourses> (дата обращения: 20.04.2026).
21. Жилин Р.Е. Границы континентального шельфа в Арктике. Кейс США // Российский совет по международным делам. 31.01.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/arctic-community/granitsy-kontinentalnogo-shelfa-v-arktike-keys-ssh/> (дата обращения: 13.04.2026).
22. Гудев П.А. Претензии США на континентальный шельф: спорная легитимность // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 11. <https://doi.org/10.18254/S207054760033196-2>
23. Коньшиев В.Н., Сергунин А.А. Военная безопасность в Арктике: новые угрозы для России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXV: Междунар. отношения и мировая политика. 2024. Т. 16, № 3. С. 127–152. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152>
24. Цюй С., Печерица В.Ф., Ло С. Милитаризация Арктики и проблемы укрепления безопасности российско-го Севера // Рос.-китай. исследования. 2024. Т. 8, № 1. С. 57–68.

References

1. Schmitt C. *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des jus publicum Europaeum*. Köln, 1950. 308 p. (Russ ed.: Shmitt K. *Nomos Zemli v prave narodov Jus Publicum Europaeum*. St. Petersburg, 2008. 670 p.).
2. Herrero M. *The Political Discourse of Carl Schmitt: A Mystic of Order*. London, 2015. 290 p.
3. Ssorin-Chaikov N. Hybrid Peace: Ethnographies of War. *Annu. Rev. Anthropol.* 2018, vol. 47, pp. 251–262. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102317-050139>
4. Jurkevics A. Hannah Arendt Reads Carl Schmitt's The Nomos of the Earth: A Dialogue on Law and Geopolitics from the Margins. *Eur. J. Polit. Theory*, 2017, vol. 16, pp. 345–366. <https://doi.org/10.1177/1474885115572837>
5. Kalpokas I. The New Nomos of the Earth and the Channelling of Violence. *J. Int. Polit. Theory*, 2017, vol. 13, pp. 162–180. <https://doi.org/10.1177/1755088216679024>
6. Yargeev A.V. Katekhon kak teologo-politicheskaya paradigma mirovogo poriyadka [The Katechon As a Theological-Political Paradigm of the World Order]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 135–159.
7. Burgess J.P. The New Nomos of Europe. *Geopolitics*, 2009, vol. 14, pp. 135–160.
8. Příbáň J. European Constitutional Imaginaries: A Socio-Legal Perspective. *Eur. Law Open*, 2025, vol. 4, pp. 387–401. <https://doi.org/10.1017/elo.2025.3>
9. Orford A. Regional Orders, Geopolitics, and the Future of International Law. *Curr. Leg. Probl.*, 2021, vol. 74, pp. 149–194. <https://doi.org/10.1093/clp/cuab005>
10. Sereni C.A. Digital Nomos and the New World Order: Towards a Theological Critique of Silicon Valley. *Tapuya: Lat. Am. Sci. Technol. Soc.*, 2021, vol. 4. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/25729861.2020.1843870> (accessed: 20.04.2026).
11. Antonov B.A. Teoriya «bol'shikh prostranstv» Karla Shmitta primenitel'no k politike Pervogo reykh: ob aktualizatsii ponyatiya «(bol'shoe) prostranstvo» v retrospektive i perspektive [Carl Schmitt's Theory of "Great Spaces" Applied to the Policy of the First Reich: Actualizing the Concept of (Great) Space in Retrospect and Perspective]. *Prolog: zhurnal o prave*, 2024, no. 43, pp. 7–16. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2024.3.1>

12. Lukin Yu.F. *Velikiy peredel Arktiki* [The Great Redistribution of the Arctic]. Arkhangel'sk, 2010. 400 p.
13. Medvedeva L.M. Activation and Diversification of Arctic Policy: a Historiographical Review. *Arctic and Antarctic Research*, 2025, vol. 71, no. 2, pp. 234-249. (In Russ.) <https://doi.org/10.30758/0555-2648-2025-71-2-234-249>
14. Postler A. UNCLOS in the Arctic: A Treaty for Warmer Waters. *Georgetown Security Studies Review*. 24.02.2020. URL: <https://georgetownsecuritystudiesreview.org/2020/02/24/unclos-in-the-arctic-a-treaty-for-warmer-waters/> (accessed: 13.04.2026).
15. Gavrilov V.V., Lyashko G.S. "E'kologicheskoe izmerenie" stat'i 234 Konventsii Organizatsii Ob"edinyonny'kh Natsiy po morskomu pravu i zakonodatel'stvo Rossii o regulirovani sudokhodstva v akvatorii Severnogo morskogo puti ["Environmental Dimension" of Article 234 of the United Nations Convention on the Law of the Sea and Russian Legislation on the Regulation of Navigation in the Waters of the Northern Sea Route]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2023, no. 4, pp. 18–34. <https://doi.org/10.18356/9789210018081>
16. Todorov A.A. Pravovoy spor mezhdu Rossiei i SSHA o Severnom morskoy puti i pokhozhiy vopros o Severo-zapadnom morskoy puti [The Russia-USA Legal Dispute Over the Northern Sea Route and Similar Case of the Northwest Passage]. *Arktika i Sever*, 2017, no. 29, pp. 74–89. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.29.74>
17. Vylegzhanin A., Bunik I., Torkunova E., Kienko E. Navigation in the Northern Sea Route: Interaction of Russian and International Applicable Law. *Polar J.*, 2020, vol. 10, pp. 285–302. <https://doi.org/10.1080/2154896x.2020.1844404>
18. Kotlova A.V., Vereina L.V. Aziatskoe izmerenie mezhdunarodnogo sotrudnichestva v Arktike: mezhdunarodno-pravovye aspekty [Asian Dimension of International Cooperation in the Arctic: International Legal Aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2025, vol. 16, no. 4, pp. 1088–1102.
19. Jabour J. Pharand's Arctic Treaty: Would an Antarctic Treaty-Style Model Work in the Arctic? *International Law and Politics of the Arctic Ocean: Essays in Honor of Donat Pharand*. Leiden, 2015 pp. 75–92. https://doi.org/10.1163/9789004284593_005
20. Bartenstein K. The 'Common Arctic': Legal Analysis of Arctic & Non-Arctic Political Discourses. *Arctic Yearbook* 2015. URL: <https://arcticyearbook.com/arctic-yearbook/2015/2015-scholarly-papers/135-the-common-arctic-legal-analysis-of-arctic-non-arctic-political-discourses> (accessed: 20.04.2026).
21. Zhilin R.E. Granitsy kontinental'nogo shel'fa v Arktike. Keys SSHA [Boundaries of the Continental Shelf in the Arctic. The Case of the USA]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam*. 31.01.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/arctic-community/granitsy-kontinentalnogo-shelfa-v-arktike-keys-ssha/> (accessed: 13.04.2026).
22. Gudev P.A. Pretenzii SSHA na kontinental'nyy shel'f: spornaya legitimnost' [US Claims to the Continental Shelf: Disputed Legitimacy]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, 2024, no. 11. <https://doi.org/10.18254/S207054760033196-2>
23. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. Voennaya bezopasnost' v Arktike: novye ugrozy dlya Rossii [Military Security in the Arctic: New Threats to Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXV. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 2024, vol. 16, no. 3, pp. 127–152. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152>
24. Qiu X., Pecheritsa V.F., Lo X. Militarizatsiya Arktiki i problemy ukrepleniya bezopasnosti rossiyskogo Severa [Militarisation of the Arctic and Problems of Strengthening the Security of the Russian North]. *Rossiysko-kitayskie issledovaniya*, 2024, no. 1, pp. 57–68.

Информация об авторах

М.Л. Марченков – старший преподаватель кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Д.К. Курочкина – соискатель кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Information about the authors

Maksim L. Marchenkov, Senior Lecturer at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangel'sk, 163002, Russia).

Daria K. Kurochkina, applicant at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangel'sk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 22.04.2026

Одобрена после рецензирования 25.05.2026

Принята к публикации 29.05.2026

Submitted 22 April 2026

Approved after reviewing 25 May 2026

Accepted for publication 29 May 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 132–137.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 132–137.

Редакционная статья
УДК 81(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V520

IX Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение» (Орел, 15–16 октября 2025 года)

Ольга Борисовна Абакумова¹
Анна Дмитриевна Бакина²✉

^{1,2}Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия

¹e-mail: abakumova-ob@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9488-1440>

²e-mail: heart-anna@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828>

Аннотация. В настоящей статье представлен обзор пленарных докладов IX Международной научно-практической конференции «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение». В ней приняли участие выдающиеся лингвисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Орла, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Самары и других городов, а также представители Белоруссии и Испании. Докладчики выступили с сообщениями о результатах своих последних исследований в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, фразеологии и паремиологии, теории и практике перевода, топонимии, анализе научного и художественного дискурсов, семиотике, лексикографии, концептологии, терминологии и лакунарности, стилистике, эвиденциальности и других областях современной филологической науки.

Ключевые слова: концепт, пословица, вариантность, лакуна, эвфемизм, метафора, фразообразование, эвиденциальность

Для цитирования: Абакумова О.Б., Бакина А.Д. IX Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение» (Орел, 15–16 октября 2025 года) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 132–137. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V520>

Editorial

IX International Scientific and Practical Conference "Language. Culture. Communication: Learning and Teaching" (Oryol, October 15–16, 2025)

Olga B. Abakumova¹Anna D. Bakina²✉^{1,2} Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol, Russia,¹e-mail: abakumova-ob@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9488-1440>²e-mail: heart-anna@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828>

Abstract. The article presents an overview of the plenary reports of the IX International Scientific and Practical Conference "Language. Culture. Communication: Learning and Teaching". It was attended by distinguished linguists from Moscow, Saint Petersburg, Oryol, Nizhniy Novgorod, Rostov-on-Don, Samara and others cities, as well as representatives of Belarus and Spain. The speakers presented the results of their recent research in cognitive linguistics, linguoculturology, phraseology and paremiology, translation theory and practice, topology, analysis of scientific discourse and fiction, semiotics, lexicography, conceptology, terminology and lacunarity, stylistics, evidentiality and other areas of modern philological science.

Keywords: *concept, proverb, variability, lacuna, euphemism, metaphor, idiom formation, evidentiality*

For citation: Abakumova O.B., Bakina A.D. IX International Scientific and Practical Conference "Language. Culture. Communication: Learning and Teaching" (Oryol, October 15–16, 2025). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 132–137. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V520>

Международная конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение», ежегодно проводящаяся в Институте иностранных языков Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (ОГУ), всегда приносит ценные плоды в виде ярких запоминающихся выступлений известных российских и зарубежных лингвистов, интереснейших официальных и неформальных дискуссий, а также продолжения общения и обсуждения проблем лингвистики после завершения мероприятия. Это научное событие вдохновляет, воодушевляет, заставляет двигаться вперед к новым достижениям, дает мотивацию и силы для осуществления давно задуманных или только что зародившихся планов и идей.

Конференция началась с интерактивного мастер-класса «Осмысление 'характера' в лингвокультурном аспекте», который провел профессор Государственного института

русского языка имени А.С. Пушкина, доктор филологических наук **Владимир Ильич Карасик**. Лингвист затронул ряд «вечных» вопросов лингвокультурологии, а именно: проблемы воплощения концепта в коллективном и индивидуальном сознании; динамичности концепта, изменения сценарного поведения; нарушения сценарного момента поведения; узнаваемые типы личности (типажи); сюжеты художественных текстов (фольклорные сюжеты), которые, сжимаясь, становятся пословицами и генерируют разные культурные установки. Подходя к характеру с концептуальной позиции, Владимир Ильич понимает его как совокупность фундаментальных личностных признаков человека. Характер формируется на протяжении всей его жизни, чему способствует определенная лингвокультурная среда, тем не менее в разных культурах имеются общие понятия, категории, качества, оценки, связанные

с концептуальным пониманием и восприятием того, что есть характер.

Профессор ОГУ, доктор филологических наук **Ольга Борисовна Абакумова** посвятила свой доклад реконструкции мифологемы *Зеркало* в английских и русских пословицах, фразеологизмах и паремических текстах о правде и лжи. Она выявила, что мифологема *Зеркало* широко представлена в паремическом дискурсе сопоставляемых лингвокультур, что способствует развитию концептуальной информации о таком базовом бинарном аксиологическом концепте, как «Правда–Ложь». Анализ содержания текстов русского и английского паремиологических фондов позволяет сделать вывод о том, что мифологема *Зеркало* реализует как общие, так и специфические концептуальные характеристики в сопоставляемых лингвокультурах. Английская мифологема в большинстве случаев реализуется через анимизм, концептуальную метафору персонификации в пословицах и фразеологизмах, где передается идея о том, что правда часто может быть даже намеренно искажена. Русская мифологема реконструируется преимущественно через фетишизм, анимизм (в сказках), расширение значения пословиц-максим и примет, при этом передается мысль о необходимости видеть правду такой, как она есть, и взять на себя ответственность за исправление ошибок. Мифологема способствует адекватной культурной интерпретации паремических текстов и делает возможной модификацию их смыслов. Сопоставительный анализ показал, что в основе русской и английской мифологем лежат общие, бытовые, а также функционально различные прототипы зеркала: зеркала, используемые для гадания и предсказания будущего в русской культуре и зеркала фокусников в английской.

Старший преподаватель кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины **Ангелина Александровна Аксенчикова-Бирюкова** коснулась вопроса перевода на русский язык номинанта эмоции *печаль* (характерной для классической китайской по-

этической традиции) в поэзии Ли Цинчжао. С опорой на семантический анализ перевода иероглифа 愁 *печаль* в текстах нескольких авторов было установлено, что А. Алексеева в 80 % случаев использует лексему *тоска*, в остальных – лексему *печаль*; М.И. Басманов и С.А. Торощев применяют лексемы *тоска*, *печаль*, *грусть*, *скорбь* и в редких случаях не переводят данный иероглиф. Исследователь отметила, что, работая над передачей поэтического текста, переводчик подбирает эквиваленты слов и выражений, а также выражает эмоции автора, его мысли, в какой-то степени пишет новое произведение, в связи с чем возникают разные варианты текста, которые отражают особенности мировосприятия переводчиков и разные интерпретации оригинального поэтического текста.

В докладе «Типологическая модель вариантности библейской фразеологии в русле структурно-семантического подхода» доктор филологических наук **Анна Дмитриевна Бакина** представила результаты исследования вариантности библейских фразеологических единиц английского языка с точки зрения анализа их структуры и семантики. Структурный подход обеспечил возможность качественного и количественного анализа изучаемых единиц с последующим построением типологической вариантностной модели. Полученная модель разветвлена по своей структуре, имеет несколько уровней и позволяет упорядочить и организовать выделенные типы вариантов в соответствии с различными критериями. Кроме того, она объясняет особенности вариативных процессов библейской фразеологии и позволяет интерпретировать возникновение и развитие наиболее частотных вариантов и их прагматическую специфику. Модель призвана прогнозировать дальнейшее формирование и развитие вариантности библейской фразеологии.

Наталья Борисовна Боева-Омелечко, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), доктор филологических наук, в своем выступлении обосновала положение о вариативности стилистики портрет-

ных описаний в произведении Дж.Г. Байрона «Дон Жуан», детерминированной жанровой гибридной данностью произведения. Автор установила спектр этих описаний, уточнив значение понятий «реалистический», «сатирический» и «романтический» портрет и описав содержательные и языковые особенности каждого из них в рассматриваемом произведении. Особое внимание было уделено типологии романтических портретов. Они представлены в произведении «Дон Жуан» наиболее широко и включают следующие виды: идеализирующие, декоративные, демонические, морбиальные (пороговые) и фантастические. Каждый тип портрета может стать объектом изучения на материале произведений как Дж.Г. Байрона, так и других поэтов-романтиков.

Профессор Наваррского университета **Эндрю Чарльз Бриз** представил вниманию участников конференции исследование, посвященное этимологическому анализу названия архипелага *Scilly*. Различные толкования предлагались на протяжении многих лет, но истинное значение имени остается невыясненным. В отличие от других английских топонимов с латинскими или кельтскими корнями, происхождение термина *Scilly* остается нераскрытым, хотя некоторые связывают его с торговлей оловом в древнем Корнуолле (описание древнегреческого историка Диодора Сикула). С другой стороны, из ряда источников известно, что слово *Scilly* (*Sylina*) может иметь греческое происхождение и обозначать место, известное ограблениями и грабежами. Таким образом, лексема *Scilly* является старейшим топонимом, несущим важное культурное значение, и отсылает к бронзовому веку – времени, когда грекоговорящие моряки, прибывшие в Корнуолл, обнаружили, что риск сопровождается большой прибылью. Анализ происхождения названия *Scilly* важен для историков, археологов и лингвистов, поскольку дает представление об истории и культуре региона.

Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических

наук **Светлана Викторовна Иванова** познакомила участников конференции с результатами своего исследования в области текстуализации вежливой критики в жанре театрального интернет-отзыва, которое проводилось на стыке жанроведения, дискурс-анализа и лингвистики текста. Его объектом выступало критическое суждение. В рамках анализа выделены уровни текстуализации критики как выражения неодобрения. Автор заключает, что все инструменты текстуализации вежливой критики направлены на смягчение отрицательной, неодобрительной тональности, создание которой влечет за собой критическое суждение.

Лариса Валентиновна Калашникова, профессор ОГУ, доктор филологических наук, посвятила свое выступление исследованию роли метафорических номинаций в процессе реализации модусной категории оценки в рамках медийного дискурса. Были сделаны выводы о том, что метафорические номинации способствуют появлению новых ассоциаций с известными понятиями, изменяют возможные интерпретации ситуаций и явлений, направляют мысли слушающих в соответствующее русло и оказывают нужное говорящему эмоциональное воздействие на реципиента, обладают мощным манипулятивным, прагматическим и когнитивным потенциалом.

Доктор филологических наук, профессор Московского городского педагогического университета **Дмитрий Валентинович Козловский** ознакомил участников конференции с авторской типологией эвиденциальности, основанной на пересечении трех параметров: источника информации, модусной интерпретации и интенциональной направленности сообщения. Установлено, что данная модусная категория не только указывает на источник сведений, но и обеспечивает вариативность их интерпретации, а также коммуникативное воздействие на адресата. Предлагаемая модель систематизирует существующие классификации эвиденциальности и расширяет их за счет модусного измерения, соотнося семантику категории с прагматическими целями медиадискурса.

Профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ), доктор филологических наук **Андрей Эдуардович Левицкий** посвятил свое выступление изучению наследия Г.Е. Крейдлина. Автор считает необходимым признать значимость исследований и личный вклад ученого в общую невербальную семиотику, лексикографию, теорию коммуникации и ряд других направлений лингвистики. Основываясь на анализе данных Национального корпуса русского языка, Андрей Эдуардович успешно доказывает бесценность заслуг лингвиста в изучении семиотики, в частности невербальных и вербальных средств общения.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова Института языкознания Российской академии наук **Ольга Сергеевна Орлова** в выступлении, посвященном исследованию перевода эвфемизмов как знаков языка с насыщенной культурной коннотацией в ракурсе когнитивно-культурологического анализа, на материале английского и русского языков изучает специфику перевода эвфемизмов, подчеркивая необходимость соблюдения принципа непрямого номинации, лежащего в их основе. Исследователь разрабатывает ряд рекомендаций для успешного перевода таких выражений с одного языка на другой, предлагая подходить к детальному анализу их семантической структуры с позиции когнитивно-культурологического подхода.

Ольга Владимировна Петрова, профессор Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова, начальник международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», кандидат филологических наук, посвятила свое выступление дидактическим аспектам теории и практики перевода на современном этапе. Она убедительно показала, что изменения, произошедшие в структуре рынка переводческих услуг, привели к тому, что многие базовые понятия и категории классической теории пере-

вода сегодня не соответствуют реальному положению дел. Появление машинного перевода требует пересмотра понимания перевода как творческой интеллектуальной деятельности, психофизической по своей сути. Большинство существующих определений перевода не учитывают появившихся в последние годы новых видов и форм языкового посредничества. Это делает актуальным переосмысление многих понятий и создание современной теории перевода, основанной на новых принципах. Кроме того, это требует пересмотра курса теории перевода при подготовке студентов-переводчиков и согласования данной теории с практикой, сложившейся в сфере переводческих услуг.

Доктор филологических наук, профессор МГУ **Лидия Валериановна Полубиченко** на материале медико-биологического дискурса доказала, что метафора представляет собой неотъемлемый компонент научного дискурса на трех уровнях: терминологическом, уровне общенаучной лексики, а также обиходной лексики, встречаемой в научных текстах. Продемонстрировав интереснейшие примеры, автор подчеркнула, что научный язык, несмотря на свои функции, метафоричен. Представленные автором материалы свидетельствуют о том, что язык науки – причем не только гуманитарно-научный, что можно считать ожидаемым, но и естественно-научный дискурс – буквально пронизан метафорикой: ученые используют метафоры для наименования как новых конкретных объектов, так и новых абстрактных понятий, для осмысления и объяснения сложных теоретических концепций, для передачи и распространения знаний. Подобно бытовым метафорам, которые, стираясь, становятся неотъемлемой и незаметной частью бытовой картины мира человека, научные метафоры, стираясь, превращаются в столь же неотъемлемый и незаметный компонент научной картины мира исследователя.

Доцент Самарского государственного социально-педагогического университета **Екатерина Владимировна Савицкая** представила итоги исследования лакунарности. В ходе де-

тального сопоставления различных взглядов и мнений ученых о языковых лакунах она выявила противоречия в трактовках понятия *лакуна*, выяснила и уточнила соотношение лакунарности и безэквивалентности, а также доказала, что лакуна есть исключительно внутриязыковой феномен.

Владимир Михайлович Савицкий, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор филологических наук, описал ономастологическую модель фразеобразования, разработанную им с учетом лингвопоэтических свойств фразеологизмов. Было рассмотрено действие семантического, синтаксического и прагматического факторов фразеобразования. Исследование проведено на материале английской и русской фразеологии. Автор утверждает, что, если в обыденной речи для выражения мысли языковые единицы отбираются по принципу их соответствия контексту

и речевой ситуации, то в художественной речи и во фразеобразовании – по принципу соответствия канону. Правила образного и языкового отбора находятся в равновесии, взаимовлиянии и координации. В процессе фразеобразования не формируется сначала внутренняя, а затем внешняя форма и тем более не наоборот; обе формы фразеологизма образуются в зависимости одна от другой, исходя из принципа повтора на всех уровнях знаковой структуры фразеологизма. Как пишет автор, предлагаемая модель носит гипотетический характер: весь проработанный фразеологический материал на базе русского и английского языков соответствует заданным критериям. Верификация предложенной модели может быть продолжена.

Реферируемые в данном обзоре доклады участников международной конференции вносят неоценимый вклад в развитие отечественной лингвистики: совершенствуют научную мысль, генерируют новые научные идеи, открывают перспективы для дальнейших исследований.

Информация об авторах

О.Б. Абакумова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (адрес: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95).

А.Д. Бакина – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (адрес: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95).

Information about the authors

Olga B. Abakumova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of English Philology, Oryol State University named after I.S. Turgenev (address: ul. Komsomol'skaya 95, Oryol, 302026, Russia).

Anna D. Bakina, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Head of the Department of English Philology, Oryol State University named after I.S. Turgenev (address: ul. Komsomol'skaya 95, Oryol, 302026, Russia).

Поступила в редакцию 04.10.2025

Одобрена после рецензирования 18.12.2025

Принята к публикации 24.12.2025

Submitted 4 October 2025

Approved after reviewing 18 December 2025

Accepted for publication 24 December 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 138–143.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 138–143.

Рецензия на книгу
УДК 94(470.22)''1921/1922''(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V521

«Тактичные товарищи» против карельских сепаратистов

Рецензия на книгу: Попов Д.А. Финский излом. Финская интервенция в Карелии в 1918–1922 гг. Т. 2. От Тарту до Кимасозера. 1920–1922 гг. Выборг, 2025. 232 с.

Святослав Александрович Гриценко

МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия,
e-mail: svjatoslav11@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1204-0125>

Аннотация: Анализируемый труд Д.А. Попова является смелой попыткой проследить подготовку и мотивацию сторон, ход боевых действий, изначальные цели и результаты так называемой Карельской авантюры, предпринятой финскими активистами и карельскими сепаратистами в 1921–1922 годах. Несмотря на ряд концептуальных недостатков и логических нестыковок, автору монографии на основе архивных и опубликованных источников в целом успешно удалось реконструировать данный эпизод военно-политической и дипломатической борьбы Финляндии и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики за Карелию.

Ключевые слова: Карельская авантюра, «Сальный бунт», Тойво Антикайнен, финский активизм, Лига Наций, история Финляндии

Для цитирования: Гриценко С.А. «Тактичные товарищи» против карельских сепаратистов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 138–143. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V521>

Book Review

“Tactful Comrades” against Karelian Separatists

Review of the book: Popov D.A. *The Finnish Fracture: Finnish Intervention in Karelia, 1918–1922. Vol. 2. From Tartu to Kimasozero. 1920–1922. Vyborg, 2025. 232 p. (in Russ.).*

Svyatoslav A. Gritsenko,

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia,
e-mail: svjatoslav11@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1204-0125>

© Гриценко С.А., 2026

Abstract. D.A. Popov’s study represents a daring effort to examine the preparations and motivations of the parties involved, the progression of military actions, the original objectives, and the outcomes of the so-called “Karelian adventure” initiated by Finnish activists and Karelian separatists in 1921–1922. Despite certain conceptual shortcomings and logical discrepancies, the author has generally succeeded in reconstructing this episode of the military-political and diplomatic confrontation between Finland and Soviet Russia over Karelia, relying on lots of archival and published sources.

Keywords: *Karelian adventure, “Pork Mutiny”, Toivo Antikainen, Finnish activism, League of Nations, history of Finland*

For citation: Gritsenko S.A. “Tactful Comrades” against Karelian Separatists. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 138–143. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V521>

Автор рецензируемой монографии – Денис Александрович Попов – самобытный военный историк, занимающийся различными сюжетами истории Карелии и Финляндии первой половины XX века. Начав свой творческий путь еще в школьные годы, в настоящий момент Д.А. Попов имеет за плечами монографию, первый том которой был переиздан два раза [1], а также успешную работу по исследовательским грантам Республики Карелия, что весьма почетно для совсем юного ученого.

В 2025 году Д.А. Попов представил на суд профессионального сообщества и широкой читающей аудитории второй том монографии «Финский излом», посвященный событиям в Карелии в начале 1920-х годов. На фоне завершавшейся в Советской России Гражданской войны, острого продовольственного кризиса, а также в силу экспансионистских воззрений части финских политиков и офицерства в данном регионе происходили бурные военно-политические события, до настоящего времени не в полной мере изученные отечественными историками.

Во введении монографии автор сразу же погружает читателя в контекст общественных дискуссий, разворачивающихся в последние годы в Карелии, по поводу оценки событий

1920–1922 годов. Правда, первые строки книги оказываются не вполне понятны читателю, не знакомому с местной спецификой, – почему в критикуемом автором умеренно-националистическом дискурсе Гражданской войны каждый карел может считаться *izändä* (с. 7), если это слово означает всего лишь большака, главу многочисленной крестьянской семьи? Разъяснение находится лишь в материалах выставки¹, на которую ссылается Д.А. Попов: все повстанцы-карелы в то время стали «изяндя», потому что взяли на себя ответственность за собственную землю, восстав против морившей их голодом советской власти.

Исследовательские задачи во введении автором явно не прописаны, но вполне вытекают из текста работы: Д.А. Попов стремится уточнить хронологию борьбы финнов за присоединение Восточной Карелии, а также подробности походов карельских сепаратистов и их финских союзников. Вызывает уважение и стремление автора создать корректный терминологический аппарат для дальнейшей дискуссии по этим сюжетам. Кроме того, молодой историк проводит различие между событиями в Карелии и синхронной им «Антоновщины»: если восстание под Тамбовом было вызвано сугубо внутренними факторами, то в отношении

¹Подробнее см.: Как «izändä» стал карельским повстанцем // Столица на Онего. 2021. 24 дек. URL: <https://stolicaonego.ru/articles/kak-iz-nd-stal-karelskim-povstantsem/> (дата обращения 24.01.26).

Карельской авантюры невозможно игнорировать сильное влияние со стороны Финляндии.

К сожалению, автор не уточняет происхождение ключевого термина «Карельская авантюра» – указывается лишь, что он взят из работ «советских историков» (с. 15), однако кто первый ввел понятие в научный оборот, какой смысл в него вкладывался, какова его точная хронология, из введения книги остается непонятным. Впрочем, из текста монографии хронология и содержание данного термина вырисовываются, появляется он и в исторических источниках – например, в агитационных материалах Рабоче-крестьянской Красной армии. Тем не менее хотелось бы, чтобы автор в ходе дальнейшей разработки темы внес ясность в конкретно-историческое наполнение указанного термина.

Вызывает удивление противопоставление политических причин восстания и остро стоявшего в Карелии продовольственного вопроса, «логики желудка» (с. 16), которая приводила часть карел к поддержке финнов. Автор рецензии полагает, что в условиях большого голода, охватившего тогда север Карелии, данный вопрос как раз таки приобретал острое политическое звучание, и книга Д. А. Попова это доказывает.

Историографический обзор, приведенный во введении к работе, следует признать весьма основательным. Однако автор книги грубо нарушает хронологию изложения, при этом проблемного подхода в анализе также не прослеживается. Например, работа С.С. Хесина (1949) предшествует в обзоре труду К.И. Соколова-Страхова (1927) (с. 8), а с советской историографии внимание читателя резко переключается на труды нашего современника Ю.М. Килина (с. 16). Наконец, отсутствует описание работ современной исследовательницы И.Н. Новиковой – на наш взгляд, упоминания достойна хотя бы ее известная работа о финском факторе в политике Германии [2].

В целом введение ко второму тому «Финского излома» дает достаточное представление об особенностях стиля Д.А. Попова. С одной

стороны, налицо доскональное знание подробностей локальных боев и географии региона, скрупулезная работа с десятками архивных дел и опора на работы крупных историков прошлого, с другой – архивные данные и частные подробности перемежаются с концептуальными выкладками, цитаты из источников плавно перетекают в пересказ историографии (с. 20 и др. места), и все это нередко изложено в рамках громадных абзацев текста длиной в страницу каждый, что затрудняет восприятие текста даже для подготовленной профессиональной аудитории, не говоря уже о широкой публике, которой также адресована книга.

Крайне странной выглядит и идея перечислить во введении краткие выводы ко всей работе (с. 22), изучение которой читателю еще только предстоит. Стилистически данные тезисы похожи на «положения, выносимые на защиту», характерные для диссертаций. На наш взгляд, выделение этих тезисов во введении к монографии весьма сомнительная затея, поскольку неизбежно пробуждает читательскую лень – в самом деле, зачем же читать всю книгу, если основные итоги исследования уже изложены во введении?

По этой же причине в *заключении* монографии автор вынужденно прибегает к повторению неоднократно озвученных ранее тезисов – например, о голоде как факторе политических осложнений в Карелии и разной продовольственной ситуации на севере и юге региона в начале 1920-х годов (с. 201). Перекочевавшие, видимо, из первого тома работы тезисы о «шовинистических» и «русофобских» взглядах финской правящей элиты (с. 203) в контексте второго тома не являются доказанными, поскольку речь в нем преимущественно идет о внутрикарельских событиях, а вот анализ взглядов правящего слоя Финляндии в этом томе отсутствует.

Заключение монографии оставляет двойственное впечатление еще и потому, что оно неожиданно обрывается – вместо итогового, обобщающего вывода читатель получает своеобразную рекламу монографии карельского

историка С.Н. Филимончика о социально-политическом и экономическом развитии Карелии в 1920-х–1930-х годах, а также краткий анонс готовящегося третьего тома «Финского излома».

Первая глава работы является тщательной реконструкцией военно-политической ситуации в Карелии в 1921 году в контексте финских планов, продовольственной политики Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, а также хозяйственной ситуации на местах. Кроме того, Д.А. Попов вдумчиво описывает взаимодействие советских органов власти с местным населением, включая присылку «наиболее тактичных товарищей» от Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем для работы с карелами (с. 31). Эта яркая формулировка из архивного документа подтверждает, что представители Советской России осознавали всю сложность ситуации, складывавшейся в карельских землях на тот момент на фоне финских притязаний на север региона. По данной причине советские органы неизменно старались проявлять «политический такт» в обращении с населением Карелии (с. 163, также см. приложение 2).

К сожалению, автор мало внимания уделяет реакции на экономический кризис и военно-политическое противостояние в Карелии со стороны скандинавских стран, хотя отмечает, например, что в Дании в том же 1921 году была развернута кампания по сбору помощи голодающим (с. 61). При этом остается неизученным вопрос, как относились к карельским событиям в Швеции, которая владела Финляндией до 1808 года.

Впечатление от масштабов проведенной автором работы также портит и отсутствие общих выводов – их нет ни в подпараграфах, ни в целом по первой главе. Это обстоятельство затрудняет восприятие текста и снижает, на наш взгляд, ценность работы Д.А. Попова.

Вторая глава посвящена анализу подготовки финнов и сепаратистов к вторжению в Карелию и описанию по архивным данным первого

этапа боевых действий (ноябрь–декабрь 1921 года). Автор справедливо замечает, что особенностью боев красных с летучими отрядами сепаратистов стало то, что присланные советские войска нередко игнорировали сложные местные условия, требовавшие умения ходить на лыжах, особых усилий по снабжению отрядов и т. д., что и тогда, и далее дорого обходилось советской стороне (с. 72–73).

Некоторые оперативные решения советского командования того времени вообще с трудом поддаются логике. Так, не может не вызывать справедливого удивления факт отправки красного отряда из сотни татар, которые совершенно не готовы были к ведению боевых действий на Севере и разбежались при первой возможности (с. 84). В целом реконструкция хода боевых действий на местах является сильной стороной работы Д.А. Попова, и вновь огорчает только отсутствие общего вывода по главе – почему-то автор ограничивается замечанием, что в силу ряда объективных обстоятельств ситуация в южной Карелии была спокойнее, чем на севере региона (с. 99).

Намного меньше удастся автору описание внешнеполитического контекста происходивших в Карелии событий. В частности, совершенно непонятно, почему Д.А. Попов называет «провокационным» лозунг восстания в Кронштадте в 1921 году «Советы без коммунистов» (с. 57), хотя в научной и даже учебной литературе уже давно существует конвенциональное мнение, что кронштадтцы тем самым заявили о своей приверженности завоеваниям Октября, но отвергли однопартийную диктатуру большевиков.

Также представляется сомнительным заявление автора, что «Аландский вопрос» был решен Лигой наций однозначно в пользу Финляндии (с. 62). На тот момент шведов в целом удовлетворили и статус островов в составе финского государства, и сохранение широкой автономии их шведского населения, и ситуация сохраняет статус-кво уже более 100 лет, так что арбитраж по Аландским островам можно считать одним из немногих успешно решенных Лигой наций международных вопросов.

Третья глава работы посвящена завершающей стадии реализации Карельской авантюры – второму этапу боев, «Сальному бунту» красных в финских тылах, а также подведению итогов этих бурных событий. Отдельным параграфом выделено описание лыжного рейда отряда известного финского коммуниста Тойво Антикайнена. Как справедливо заметил Д.А. Попов, деятельность краснофиннов в современной историографии освещена значительно меньше, чем их белых оппонентов, что подтверждает необходимость исследования данного эпизода карельских событий тех лет. И хотя описание дальнейшей политической судьбы Антикайнена выходит за рамки тематики данной монографии (с. 146–149), автор доказывает тесную связь биографии финна с исторической судьбой Карелии.

Автору достаточно хорошо удается описывать небольшие исторические сюжеты, будь то лыжный поход Антикайнена или «Сальный бунт». Так, интенсивность боев лыжного отряда подтверждается целым рядом любопытных подробностей – рассказом о бойце отряда, который «сел и заплакал» от усталости, но благодаря товарищам, помогавшим нести его ношу – 15–20 кг снаряжения и оружия, смог продолжить поход (с. 140); либо сообщением о бойцах, которые дремали «стоя и даже на ходу», уставая от неимоверного напряжения похода (с. 145).

Совершенно неясной, правда, осталась ремарка автора о схожести «Сального бунта» с народными восстаниями XVII века, поскольку и там, и там использовался «обман» участников выступления (с. 160). Непонятно при этом, в чем заключается универсальный «обман» и какие конкретно события российского «бунташного века» имеются в виду – восстание Болотникова, разинщина, стрелецкие бунты?

Зато интересная связь времен и событий обнаруживается в найденном автором упоминании об участии в боевых действиях на финской стороне в событиях 1921–1922 годов одного из членов «егерского» движения (с. 156) – финских вооруженных отрядов, которые Германия готовила в годы Первой мировой вой-

ны для противодействия России, о чем в свое время писала И.Н. Новикова [2]. Также мы бы рекомендовали автору в процессе дальнейшей работы над темой задуматься о возможной связи упомянутого на страницах работы (с. 15 и др. места) финского активизма 1920-х годов с его более ранней вариацией времен «Великой войны». Может быть, обнаружится и его связь с похожим явлением из шведской истории (об этом см.: [3; 4]).

Наконец, четвертая глава монографии посвящена анализу дипломатических усилий Финляндии в Лиге Наций по присоединению Карелии (с. 172–174 и далее) и реакции на эти демарши советского внешнеполитического ведомства. Данная глава построена на основе не архивных, а опубликованных источников, в т. ч. массива документации Лиги Наций, а также данных предшествовавшей историографии.

Правда, автор напрасно удивляется появлению в документах той эпохи понятия «финская раса» (с. 184) – по сути, термин «раса» в тогдашнем политическом дискурсе заменял современное понятие «нация». Именно в таком смысле он встречался у немецких ученых – основателей направления геополитики (Ф. Ратцель, К. Хаусхофер), а также у их шведских симпатизантов (Р. Челлен, С. Хедин), в т. ч. у публицистов левой ориентации (Г. Стеффен, И. Ларссон) (см., например, [5]).

Также хотелось бы предостеречь автора монографии от этически небезупречных замечаний о том, что Большой террор в Карелии был мотивирован (следовательно, оправдан?) активной шпионской деятельностью финнов и «карбеженцев» в 1920-х–1930-х годах (с. 200). Как минимум, эта сложнейшая тема требует отдельного серьезного исследования и подтверждения историческими фактами.

Подводя итог, следует сказать, что, несмотря на отмеченные недочеты, работа Д.А. Попова является хорошо фундированным, глубоким, самостоятельным исследованием, которое логически продолжает разыскания советских и современных специалистов по карельской истории начала 1920-х годов, а также вносит

вклад и в изучение международных отношений на Европейском Севере. Хотелось бы искренне пожелать молодому автору продолжать

трудиться на ниве исторической науки, в частности сравнительно малочисленной ныне отечественной финнистики.

Список литературы

1. Попов Д.А. Финский излом. Т. 1. Революция и Гражданская война в Финляндии. 1917–1918 гг. М.: Яуза, 2021. 256 с.
2. Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 300 с.
3. Гриценко С.А. «Прогерманизм» как явление в политической жизни Швеции в последней трети XIX – начала XX вв. // Электрон. науч.-образоват. журн. «История». 2019. Т. 10, № 7(81). <https://doi.org/10.18254/S207987840006302-1>
4. Новикова И.Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 448 с.
5. Гриценко С.А., Чернова Н.И. Густав Стеффен как социолог и политик // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. 2018. Т. 18, № 2. С. 238–249. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-2-238-249>

References

1. Popov D.A. *Finskiy izlom: Revolutsiya i grazhdanskaya voyna v Finlyandii. 1917–1918* [The Finnish Fracture: Revolution and Civil War in Finland. 1917–1918]. Vol. 1. Moscow, 2021. 256 p.
2. Novikova I.N. *Finskaya karta v nemetskom pas'yanse* [The “Finnish Card” in German Solitaire. Germany and the Problem of Finland’s Independence During the First World War]. St. Petersburg, 2002. 300 p.
3. Gritsenko S.A. «Progermanizm» kak yavlenie v politicheskoi zhizni Shvetsii posledney treti XIX – nachala XX vv. [“Pro-Germanism” As a Political Phenomenon in Sweden in Late 19th - Early 20th Centuries]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”*, 2019, no. 7. <https://doi.org/10.18254/S207987840006302-1>
4. Novikova I.N. *Mezhdu molotom i nakoval'ney* [Between the Beetle and the Block: Sweden in German-Russian Struggle In the Baltic Region During the First World War]. St. Petersburg, 2006. 448 p.
5. Gritsenko S.A., Chernova, N.I. Gustav Steffen kak sotsiolog i politik [Gustaf Steffen As a Sociologist and Politician]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya*, 2018, vol. 18, no. 2, pp. 238–249. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-2-238-249>

Информация об авторе

С.А. Гриценко – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук МИРЭА – Российского технологического университета (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 78).

Information about the author

Svyatoslav A. Gritsenko, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the Department of Humanities and Social Sciences, Russian Technological University MIREA (address: pr. Vernadskiy 78, Moscow, 119454, Russia).

Поступила в редакцию 04.02.2026

Одобрена после рецензирования 10.02.2026

Принята к публикации 16.02.2026

Submitted 4 February 2026

Approved after reviewing 10 February 2026

Accepted for publication 16 February 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 144–147.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 144–147.

Рецензия на книгу
УДК 81'373.72(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V522

Антропоцентризм и межкультурная парадигма лингвистического образования

Рецензия на книгу: Коряковцева Н.Ф. Актуальные проблемы лингводидактики: курс лекций. М., 2022. 128 с.

Татьяна Николаевна Федуленкова

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия,

e-mail: edulenkova@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Аннотация. В рецензии дается высокая оценка инновационному научно-учебному изданию, посвященному актуальным вопросам лингводидактики как общей теории обучения иностранным языкам и культурам. Автор – доктор педагогических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета Н.Ф. Коряковцева – рассматривает дисциплину в контексте развития современного лингвистического образования, уделяя особое внимание антропоцентрическому подходу и межкультурной парадигме. В книге раскрываются теоретические основы формирования вторичной языковой личности, анализируются механизмы овладения неродным языком и освещаются актуальные направления государственной языковой политики в условиях многоязычного мира. Пособие адресовано студентам магистратуры, обучающимся по направлению «Лингвистика», а также преподавателям и исследователям в области лингводидактики и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: лингвистическое образование, вторичная языковая личность, межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, социокогнитивный подход, диалог культур, языковая политика, автономное изучение языка

Для цитирования: Федуленкова Т.Н. Антропоцентризм и межкультурная парадигма лингвистического образования // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 144–147. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V522>

Book review

Anthropocentrism and the Intercultural Paradigm of Linguistic Education

Review of the book: Koryakovtseva N.F. *Actual Problems of Linguodidactics: A Course of Lectures*. Moscow, 2022. 128 p. (in Russ.).

Tatiana N. Fedulenkova

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia,
e-mail: fedulenkova@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Abstract. The review gives a high assessment of the innovative educational publication, which is a course of lectures dedicated to the current issues of linguodidactics as a general theory of teaching foreign languages and cultures. The author, N.F. Koryakovtseva, Doctor of Pedagogical Sciences and Professor at the Moscow State Linguistic University, examines the discipline in the context of the development of modern linguistic education, paying special attention to the anthropocentric approach and the intercultural paradigm. The book reveals the theoretical foundations of the formation of a secondary linguistic personality, analyzes the mechanisms of mastering a non-native language, and highlights the current trends of state language policy in a multilingual world. The manual is intended for master's students studying in the field of linguistics, as well as for teachers and researchers in the field of linguodidactics and intercultural communication.

Keywords: *linguistic education, secondary linguistic personality, intercultural communication, intercultural competence, sociocognitive approach, dialogue of cultures, language policy, autonomous language learning*

For citation: Fedulenkova T.N. Anthropocentrism and the Intercultural Paradigm of Linguistic Education. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 144–147. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V522>

Актуальность книги обусловлена радикальной сменой образовательной парадигмы и новыми требованиями глобального поликультурного общества. Основные аспекты актуальности можно свести к следующим положениям: антропоцентрический поворот в науке; формирование вторичной языковой личности; межкультурная коммуникация в многоязычном мире; автономия и непрерывное образование; профессиональная компетентность лингвистов.

Книга построена как курс лекций, что обеспечивает логичную последовательность повествования: от теоретико-методологических основ к анализу конкретных механизмов овладения языком. Ее содержание представлено в форме 7 глав, охватывающих ключевые разделы дисциплины.

В своем труде Н.Ф. Коряковцева систематизирует знания о лингводидактике, выделяя ее как самостоятельную междисциплинарную науку, возникшую на стыке лингвистики, психологии, социологии и педагогики. Автор рецензируемой книги предлагает комплексный подход к решению обозначенных проблем, базирующийся на современных достижениях отечественной школы лингводидактики (И.И. Халеева, Ю.Н. Караулов и др.). Н.Ф. Коряковцева рассматривает следующие ключевые вопросы.

Смена парадигмы: от системно-структурного к антропоцентрическому подходу. Автор подчеркивает, что современная лингводидактика перешла от изучения языка как замкнутой системы к исследованию «человеческого изме-

рения» в языке. Проблемой является необходимость трактовки языка не просто как объекта изучения, а как инструмента социальной деятельности [1] и развития личности [2].

Концепт вторичной языковой личности. Это центральная категория межкультурной парадигмы в обучении иностранному языку в единстве с культурой его носителя. Проблема заключается в том, что в процессе обучения у учащегося нужно сформировать не только навыки владения иноязычным кодом, но и «вторичное когнитивное сознание», позволяющее понимать иную картину мира, не утрачивая при этом собственной культурной идентичности [3]. Для формирования вторичной языковой личности как глобальной цели выработки симбиоза языка и культуры предлагается объединить социальный контекст (сферы и ситуации общения), когнитивный аспект (ментальные схемы, фреймы и концепты) и вербально-семантический уровень (языковые средства) (с. 61). Обучение, как убедительно аргументирует автор, должно строиться через аутентичную текстовую деятельность, где текст выступает «конденсатором культурной памяти» (с. 38).

Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. Книга поднимает вопрос о вызовах многоязычного и поликультурного мира, где мультилингвизм становится социальной реальностью [4]. Ключевой проблемой здесь выступают преодоление «культурного барьера» и развитие способности к «диалогу культур», а не просто передача информации. Автор показывает, как можно проложить путь к успешному диалогу культур и овладению межкультурными компетенциями [5] посредством формирования и развития компетенции медиатора культур (с. 72–73). Рекомендуемый путь предполагает не имитацию носителя языка, а способность к пониманию «инаковости» партнера, управлению этноцентризмом и использованию родной культуры как ипостаси для сравнения.

Дихотомия «овладение языком» и «изучение языка». Автор анализирует лингвopsихологические закономерности освоения неродного языка. Проблема состоит в поиске оптималь-

ного баланса между интуитивным овладением языком в среде и осознанным, управляемым процессом его изучения в институциональных условиях. Вместо исключения родного языка автор рекомендует опираться на него как на когнитивный фундамент, в связи с чем предлагаются инновационное решение развития «металингвистического сознания» и использование механизма «монитора», или когнитивного регулятора, позволяющего учащемуся осознанно контролировать свою речь и сопоставлять языковые системы (с. 94).

Языковая политика и образовательные стандарты. В книге рассматривается вопрос интеграции российских стандартов в мировое образовательное пространство. Автор обращает внимание читателя на необходимость неукоснительного сохранения национально-культурной идентичности при одновременном стремлении к международной мобильности и использованию английского языка как «lingua franca» [6]. Решение проблем образовательной политики видится в обеспечении преемственности уровней (школа – вуз – послевузовское образование) на основе единых сопряженных стандартов и шкал владения языком, рационально коррелирующих с общеевропейскими требованиями.

Вопросы автономии обучающегося. В условиях цифровизации и расширения информационной среды актуальной становится проблема формирования способности к самостоятельному, непрерывному изучению языков на протяжении всей жизни. Для обеспечения такой автономии предлагается обучать студентов конкретным стратегиям: компенсаторным (догадка, перифраз), лингвокогнитивным (систематизация знаний, работа с концептами) и учебно-практическим (самоконтроль, работа с ресурсами) (с. 86). Важнейшим инструментом при этом выступает рефлексивная самооценка.

Книга Н.Ф. Коряковцевой представляет собой глубокое теоретическое исследование, которое тем не менее сохраняет прикладную ценность благодаря формату лекций.

Подчеркнем ее оригинальность, которая заключается в том, что автор вводит в метаязык

лингводидактики термин «образ языка» и, аргументируя его «права на гражданство», предлагает трактовку этого термина с трех кардинальных позиций (с. 31–47). Новаторство книги состоит также в трактовке концепта вторичной языковой личности, в акцентуации аксиологического аспекта лингвистического

образования, определяющего векторы его перспективного развития на основе разработки индивидуальной образовательной траектории обучающегося.

Данная книга, несомненно, станет настольным пособием как для лингвистов-исследователей, так и для педагогов-практиков.

Список литературы

1. Bastone R. *Sociocognitive Perspectives on Language Use and Language Learning*. Oxford, 2017. 224 p.
2. Allwright D., Hanks J. *The Developing Language Learner: An Introduction to Exploratory Practice*. Basingstoke, 2009. 252 p.
3. Plurilingualism and Multiliteracies. *International Research on Identity Construction in Language Education* / ed. by D. Abendroth-Timmer, E.-M. Hennig. Bern, 2014. 314 p.
4. Weber J. *Multilingualism, Education and Change*. Frankfurt am-Mein, 2009. 186 p.
5. *Intercultural Competence* / ed. by M. Byram. Strasbourg, 2006. 147 p.
6. MacKenzie I. *Relevance Theory and Spoken Communication* // MacKenzie I. *Paradigms of Reading*. London, 2002. P. 16–28.

References

1. Bastone R. *Sociocognitive Perspectives on Language Use and Language Learning*. Oxford, 2017. 224 p.
2. Allwright D., Hanks J. *The Developing Language Learner: an Introduction to Exploratory Practice*. Basingstoke, 2009. 252 p.
3. Abendroth-Timmer D., Hennig E.-M. (eds.) *Plurilingualism and Multiliteracies. International Research on Identity Construction in Language Education*. Bern, 2014. 314 p.
4. Weber J. *Multilingualism, Education and Change*. Frankfurt am-Mein, 2009. 186 p.
5. Byram M. (ed.) *Intercultural Competence*. Strasbourg, 2006. 147 p.
6. MacKenzie I. *Relevance Theory and Spoken Communication. Paradigms of Reading*. London, 2002, pp. 16–28.

Информация об авторе

Т.Н. Федуленкова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87).

Information about the author

Tatiana N. Fedulenkova, Dr. Sci. (Philol.), Prof., Prof. at the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (address: ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russia).

Поступила в редакцию 24.04.2025
Одобрена после рецензирования 07.05.2026
Принята к публикации 08.05.2026

Submitted 24 April 2025
Approved after reviewing 7 May 2026
Accepted for publication 8 May 2026

Служение российской науке и Северу: юбилей профессора В.И. Голдина

17 августа 2026 года исполняется 75 лет со дня рождения известного российского ученого, доктора исторических наук, профессора Владислава Ивановича Голдина.

В научном сообществе России есть имена, которые становятся олицетворением целых направлений исследований и университетских школ. В северных широтах, в Архангельске, такое имя – Голдин. Его 75-летний юбилей – это не просто круглая дата в биографии уважаемого ученого; это повод осмыслить путь человека, чья жизнь и труд неразрывно слились с историей Русского Севера, с судьбой высшего образования в данном стратегически важном регионе.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник высшей

школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации – все эти регалии лишь формальное отражение того огромного вклада, который Владислав Иванович внес в отечественную историческую науку, изучение международных отношений и науковедение, в развитие Поморского университета, а в дальнейшем в становление Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ) как ведущего российского научно-образовательного центра.

В настоящее время в САФУ В.И. Голдин занимает должности директора Центра исторических и политических исследований Севера и Арктики и профессора кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, что позволяет ему сконцентрироваться на научно-исследовательской и педагогической деятельности. Хотя в Архангельске Владислава Ивановича хорошо знают и в качестве талантливого администратора. В 1980-е годы, а затем в период с 1992 по начало 1994 года он был деканом историко-филологического и исторического факультетов Архангельского государственного педагогического института имени М.В. Ломоносова, Поморского государственного педагогического университета и Поморского международного педагогического университета имени М.В. Ломоносова. С начала 1994 года, в течение 17 лет, Голдин работал проректором по научной работе Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ПГУ) – именно тогда, пожалуй, максимально раскрылся его научно-организационный талант.

О времени своего становления ученый рассказал в книге «На перекрестках памяти», которая стала ценным источником для историков и социологов науки.

Жизненный и профессиональный путь Владислава Ивановича Голдина – это классиче-

ский пример целеустремленности и верности избранному делу. Сфера его научных интересов развивалась постепенно и ныне охватывает широкую область гуманитарного знания: от истории интервенции и Гражданской войны в России к Русскому военному зарубежью и от комплексных проблем развития Европейского Севера и Арктики в XX веке к вопросам страноведения и новой «культурной географии». Ученый выступает интегратором гуманитарных знаний. Его работы лежат на стыке военной, политической, социальной истории и истории международных отношений.

В.И. Голдин – автор более 750 научных работ, в т. ч. около 40 книг. Публикации Владислава Ивановича отмечены своеобразным знаком качества: автора отличает скрупулезная работа с источниками, взвешенность суждений, стремление к объективному анализу трагических страниц прошлого. А кроме того, его работы написаны прекрасным языком. Те, кто видел, как Владислав Иванович работает с текстами, знают: внутри него живет строгий и бескомпромиссный, прежде всего к самому себе, редактор и цензор.

Среди многочисленных публикаций В.И. Голдина можно назвать самые знаковые. Прежде всего, это корпус работ по истории интервенции и Гражданской войны на Русском Севере, тематически связанный с его докторской диссертацией, подготовленной в докторантуре Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ) и защищенной в 1993 году. Кроме монографии «Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере» автором были подготовлены и опубликованы сборники мемуаров и документов «Белый Север» и «Заброшенные в небытие». В настоящее время ученый реализует масштабный проект – 4-томник, посвященный региональным особенностям и урокам модернизационного и революционного процесса, интервенции и Гражданской войны на Севере России, осмыслению того, как эти события сказались на последующем развитии данного региона в XX веке.

Цикл научных трудов (8 книг и серия статей) Владислава Ивановича посвящен феномену Русского военного зарубежья. Изучив многочисленные, ранее засекреченные архивы по истории Русского общевойскового союза (РОВС) и ряда других эмигрантских организаций, Голдин показывает, что Гражданская война – это не столько противостояние армий на поле боя, сколько идейно-политическое противостояние. С учетом опыта белой военной эмиграции и особенностей мироустройства 1920–1930-х годов «затухание» Гражданской войны занимало довольно продолжительное время, что привело к дискуссии о ее периодизации.

С другой стороны, историк поставил перед собой еще более глобальные задачи, направленные на переосмысление традиций изучения российской Гражданской войны. Получив признание как специалист по истории северного фронта, интервенции и антибольшевистского движения, Голдин приступил к всестороннему изучению историографии Гражданской войны на материалах всей России. Подготовленные им монографии по этой проблематике открыли в авторе историка национального уровня, умеющего собирать и органично синтезировать различные практики историописания.

Неудивительно, что Владиславу Ивановичу Голдину (вместе с В.В. Кондрашиным) было доверено возглавить авторский коллектив 12-го тома 20-томной академической «Истории России», посвященного периоду интервенции и Гражданской войны. Историография этого хронологического отрезка, как никакого другого, в постсоветское время претерпела значительные трансформации; сложная региональная палитра событий требовала чуткости к нюансам и в то же время бескомпромиссной систематизации, сведения информации воедино, в целостный научный текст. Подготовленный авторским коллективом и опубликованный в издательстве «Наука» в 2024 году 12 том (в 2 книгах, общим объемом 202 печатных листа) стал достойным опытом многотомного академического проекта.

Вышедшая вслед за этим фундаментальным научным трудом в 2025 году в московском издательстве «Кучково поле» 2-томная монография В.И. Голдина «Гражданская война в России: осмысление сквозь столетие», выступила не только своеобразным подведением итогов его 40-летнего научного творчества по данной проблематике, но и отражением результатов огромной и многогранной работы и многолетних дискуссий в мировом сообществе. Ведь по указанной тематике в нашей стране и за рубежом опубликовано более 30 тысяч книг, и в указанном исследовании представлены работы авторов из 25 стран на 9 иностранных языках.

Начиная с 1969 года и вот уже более полувека, В.И. Голдин плодотворно работает на поприще международных отношений в разных качествах: лектор, преподаватель, аналитик, эксперт, руководитель и участник различных международных проектов. За его спиной 110 стран мира всех континентов планеты, и более чем в 30 из них он бывал неоднократно. Им опубликованы 5 книг по страноведению и международным отношениям, а также серия статей о нескольких десятках стран.

Три книги и серия статей В.И. Голдина посвящены проблемам науковедения, где воплотился его практический опыт работы на научном, научно-организационном и экспертном поприщах (в составе экспертных советов Высшей аттестационной комиссии, Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований, Рособнадзора), а также исследовательской деятельности. Его монография «Богатству Севера наукой прирастать» была опубликована в 2007 году совместно издательствами ПГУ и МГУ, а монография «Наука, науковедение и высшая школа» (Архангельск, 2008) стала и основой его авторских курсов, которые читались для магистрантов и аспирантов в ПГУ, САФУ и ряде других университетов страны.

Истинный масштаб личности ученого измеряется не только его собственными трудами, но и его способностью создавать и вести за собой научное сообщество. В этом Владислав

Иванович Голдин проявил себя блестяще. Под его руководством подготовлено 7 докторских и 13 кандидатских диссертаций.

Как профессор, Владислав Иванович обладает редким даром – зажигать в учениках интерес к историческому прошлому через его живую связь с современностью. Курсы и спецкурсы, которые он читает, были и остаются образцом фундаментальности, глубины и педагогического мастерства. Его семинары, лекции и просто беседы – это всегда школа научной этики, требовательности к научному труду и уважительного диалога с оппонентом. Можно сказать, что Владислав Иванович воплощает в себе образ хранителя научных традиций: взяв из советского времени все самое лучшее и обогатив его новым, современным, Голдин задает соответствующую научную планку, придерживаясь определенного «культурного кода» профессионального исследователя.

Отличительная черта Владислава Ивановича Голдина как ученого – его широчайшая научная коммуникация. Будучи активным участником многочисленных российских и международных конгрессов, он наладил прочные связи с коллегами из зарубежных стран. Это позволило сделать частью международного научного диалога тот широкий круг вопросов, которым занимается ученый. В 2000-е годы им был создан и издавался на базе Поморского университета международный «Баренц-журнал» / «Barents Journal». 25 лет назад им был основан «Вестник Поморского университета», который в дальнейшем издавался в трех сериях. После создания САФУ этот журнал трансформировался в «Вестник Северного (Арктического) федерального университета», и В.И. Голдин по сей день плодотворно работает в качестве его главного редактора (серия «Гуманитарные и социальные науки»).

С созданием САФУ в 2010 году началась новая, чрезвычайно важная глава в деятельности Владислава Ивановича. Университет был задуман как драйвер развития российской Арктики, и историческое знание стало неотъемлемой частью этой миссии. Профессор Голдин активно

включился в формирование междисциплинарного направления, которое исследует историю, культуру, социальные и политические процессы в Арктическом макрорегионе. Под его научным руководством и при активном участии стали проводиться крупные международные и всероссийские конференции, посвященные истории освоения Арктики, проблемам межнационального взаимодействия, культурному наследию северных территорий. Его деятельность в качестве эксперта оказалась востребована при разработке стратегических документов, касающихся развития Русского Севера и Арктики. Эта деятельность совершенно органична для Владислава Ивановича как настоящего северянина, бесконечно влюбленного в родной Архангельск и Северную Двину.

Владислав Иванович стал связующим звеном между академическими традициями и прикладными задачами, которые ставит перед университетом время. Он показал, что без понимания исторического контекста, без учета уроков прошлого невозможно строить устойчивое будущее такого хрупкого макрорегиона, как Арктика.

75 лет – возраст мудрости и новых планов. Юбилей Владислава Ивановича совпадает с новым витком государственного внимания к Арктике и очередным этапом развития САФУ. И сегодня, как и десятилетия назад, опыт, авторитет и неугасимая энергия Голдина служат опорой для коллег и ориентиром для молодых исследователей.

В.И. Голдин – живая связь между эпохами в науке: от традиций советской исторической школы к современным методологическим подходам; от локальных архивных поисков к глобальным историческим обобщениям; от кафедры педагогического института к федеральному университету арктического профиля. Можно сказать, что жизнь и труд Владислава Ивановича – это воплощение девиза М.В. Ломоносова, чье имя с гордостью носит университет: «Для пользы общества коль радостно трудиться». В этом труде, полном радости открытий и смысла, – секрет безграничной энергии историка.

Коллеги и ученики Владислава Ивановича Голдина, члены редколлегии и коллектив редакции желают ему крепкого здоровья, неиссякаемого вдохновения, новых научных замыслов и их благополучных свершений.

*Павел Викторович Федоров,
доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры истории
Российского государственного аграрного
университета – МСХА имени К.А. Тимирязева*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области истории и археологии, языкознания, философии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия и инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются посередине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: научных – 10–15 страниц, обзорных – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторе также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Аннотация	Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть: – информативной (не содержать общих фраз); – оригинальной; – содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированной (следовать логике описания результатов в статье); – компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов). Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.
Ключевые слова	После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также справочную и анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»). – Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: Библиография. М.: Сов. Россия, 1961. 419 с. – Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков. Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабдить порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-00 (18-20); e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

Свободная цена.